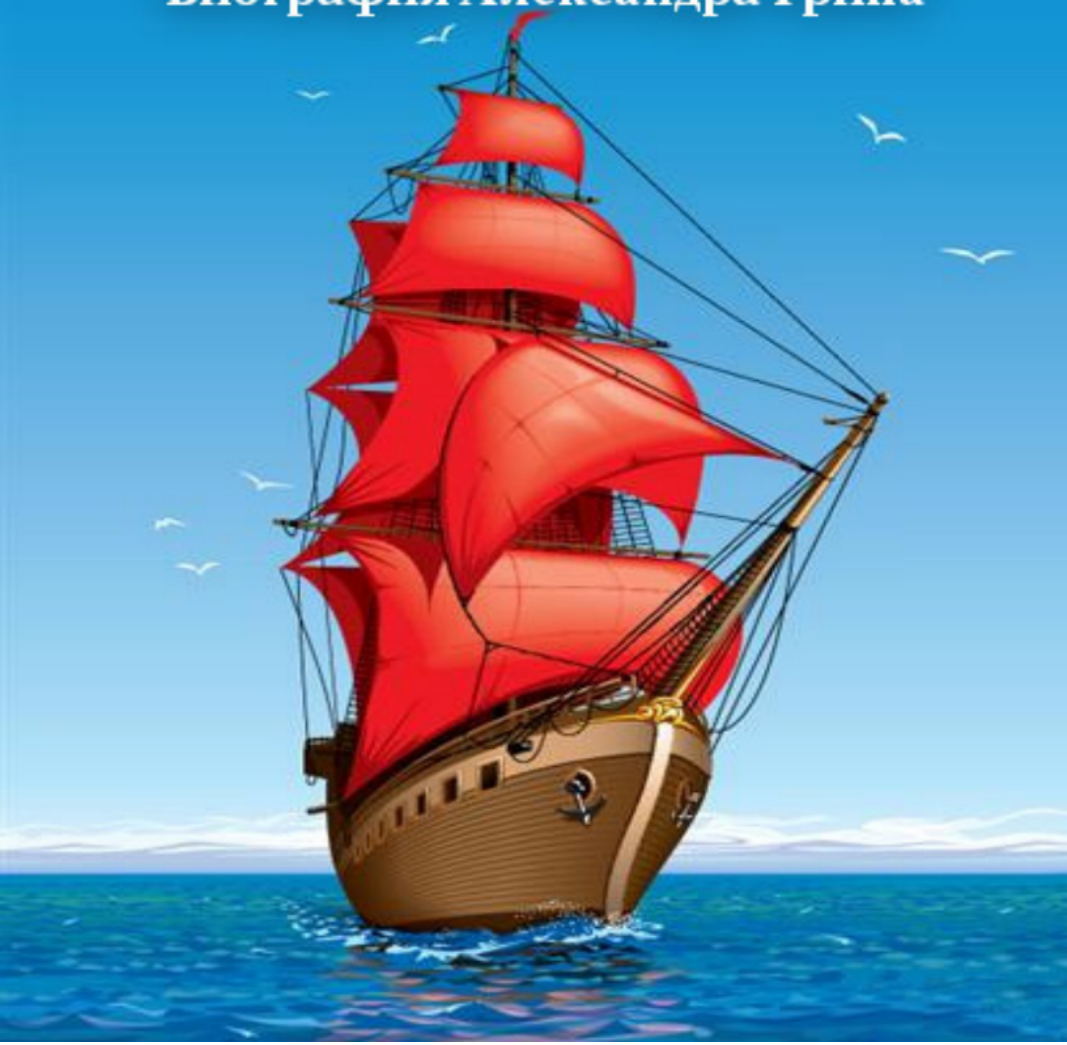
БЕГУЩИЙ ЗА «АЛЫМИ ПАРУСАМИ»

Биография Александра Грина



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Биография Александра Грина, составленная А.Р. Андреевым из описаний и воспоминаний его родных, друзей, писателей и литературоведов.

- Бегущий за «Алыми парусами». Биография Александра Грина
  - Глава 1. Вятка
  - Глава 2. Одесса, Баку, Урал, Пенза, Крым
  - Глава 3. Петербург, Москва, Архангельск
  - Глава 4. Феодосия, Старый Крым
  - Глава 5. Писатели и литературоведы об Александре Грине
    -
    - Родом из Вятки. Музей А.С. Грина в Кирове
    - Грин в Крыму. Музей А.С. Грина в Феодосии
  - Библиография

Бегущий за «Алыми парусами». Биография Александра Грина
Составитель Александр Андреев

Я пишу о бурях, кораблях, любви, признанной и отвергнутой, о судьбе, о тайных путях души и смысле случая.

Когда же сойдутся пути эпохи и мой? Должно быть, уже без меня.

Александр Грин

Глава 1. Вятка

Александр Степанович Грин родился 11 (23) августа 1880 года в уездном городе Слободском Вятской губернии. Его отец – дворянин Виленской губернии Дисненского уезда поляк Стефан Евзебиевич Гриневский родился 5 февраля 1843 года. Дед Грина, помещик Виленской губернии Евсей Закшевский-Гриневский имел владение «Запоташница», находившееся в селе Лужки Дисненского уезда. В 1863 году Гриневские приняли участие в польском восстании, дед будущего писателя был убит, имение конфисковано, а 13 апреля 1863 года девятнадцатилетний гимназист Витебской гимназии Стефан Гриневский был арестован «по делу об учениках Витебской гимназии, покушавшихся формировать мятежническую шайку» и 4 сентября 1864 года после суда был выслан пожизненно и с лишением личных прав в Сибирь – в город Колывань Томской губернии. На жительство в Вятскую губернию ссыльный № 1578 Гриневский приехал в июле 1868 года и стал работать в фотографии Рытвинского, тоже ссыльного. Через год со Стефана был снят гласный надзор полиции, а еще через два, 14 августа 1871 года, ему было выдано свидетельство «на свободное проживание в России повсеместно, за исключением столиц и губерний столичных и западных с воспрещением вступать в государственную и общественную службу». Живший в Сарапульском уезде Вятской губернии Стефан Гриневский, ставший Степаном Евсеевичем, 15 сентября 1872 «при Сосновской Архангельской церкви Сарапульского уезда» венчался с Анной Степановной Лепковой. Мать писателя, родившаяся 14 февраля 1857 года, была дочерью надзирателя Вятской мужской гимназии Степана Федоровича Лепкова, внука обрусевшего шведа Лепке-Лепеха, и Агриппины Яковлевны, происходившей из мелкой чиновничьей среды.

После венчания молодая семья переехала в Вятку. В июне 1874 года Степан Евсеевич получил свидетельство, разрешавшее поступать на государственную и общественную службу, и стал работать письмоводителем Вятской губернской земской больницы с жалованьем 40 рублей в месяц; его жена поступила учиться в школу

повитух.

В мае 1880 года Гриневские ненадолго переехали в город Слободской, где отец писателя стал работать конторщиком пивоваренного завода. Родившийся 23 августа 1880 года Александр был крещен в Никольской церкви города Слободского – в церковной метрической книге за 1874–1880 годы сохранилась запись о крещении № 32936. В марте 1881 года семья Гриневских вернулась в Вятку и Степан Евсеевич снова стал работать письмоводителем в земской больнице, в которой 1 января 1889 года стал помощником смотрителя.

В возрасте шести лет мать и отец научили будущего писателя читать и писать.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Популярность произведений А.С. Грина вызывает интерес читателей и личности автора, его семье, родителям. О жизни писателя узнают из «Автобиографической повести» и очерка К. Паустовского «Жизнь Александра Грина». Однако, нельзя забывать, что «Автобиографическая повесть» – произведение художественное, и личность отца – Степана Евсеевича Гриневского – это художественный образ. Грин говорит о нем очень тепло, это был человек, давший своему сыну образование, любовь, поддержку, но при этом Александр Степанович допустил несколько фраз, позволивших Паустовскому и всем другим читателям думать об отце Грина как о безнадежно пропащем, опустившемся человеке, умершем в нищете и забвении. Но в «Автобиографической повести» отец Грина – литературный герой. Сегодня, имея новые данные вятских исследователей Е. Петряева, М. Махневой, А. Ревы и журналиста из Белоруссии С. Толкачева, можно рассказать о родителях А. Грина подробнее, а особенно о его отце.

Степан Евсеевич Гриневский, 1843 года рождения, был уроженцем Витебской губернии, из дворян. Его отец – дед А. Грина – помещик Виленской губернии, Евсей Закшевский-Гриневский владел имением «Запоташница» в селе Лужки Дисненского уезда, которое было конфисковано царским правительством в 1863 году, за участие Гриневских в польском восстании. Евсей Закшевский-Гриневский был убит в стычке, а девятнадцатилетний ученик шестого класса Витебской

гимназии, которую он так и не окончил, – Степан Гриневский, был арестован и выслан «на житье в Томскую губернию».

Через два года Степан Евсеевич приезжает из Колывани в Вятскую губернию, где за ним устанавливают секретный надзор.

Некоторое время С. Гриневский работает в фотографии Рытвинского, своего товарища по ссылке. Затем в 1871–1872 годах едет в город Сарапуль, где работает на пивоваренном заводе купца Попова. Из Сарапуля он возвращается в Вятку с молодой женой Анной Степановной.

В 1875 году Степан Евсеевич поступил на службу в Губернскую земскую больницу на должность письмоводителя и бухгалтера. Получив отпуск, в мае 1880 года, Гриневские едут в город Слободской. Там 23 августа у них рождается сын Александр. Степан Евсеевич помогает крестному отцу Саши, Льву Ануфриевичу Миштофту, построить новый дом, а затем возвращается с семьей в Вятку и снова работает в Губернской больнице.

В 1883 году Степан Гриневский обратился к вятскому губернатору с просьбой выдать ему свидетельство на свободное проживание без всяких ограничений, но получил отказ. Значит, не простили ему студенческого вольнодумства, значит, был он в том восстании не случайным участником. Хотя в документах неоднократно отмечается, что «письмоводитель и бухгалтер С. Гриневский обязанности исполнял добросовестно и с усердием».

Дважды Степан Евсеевич получал премию от Вятского губернского земства. В 1879 году его избрали в присяжные заседатели по Вятскому уезду. Когда исполнилось 30 лет его службы в больнице, земство преподнесло ему 12 серебряных ложек с монограммой «С.Г.» и датой «12 июля 1903 года» (одна из этих ложек хранится в Феодосийском музее А.С. Грина).

Все это еще раз подтверждает, что Александр Грин и вслед за ним Паустовский сгустили краски, изображая С.Е. Гриневского как неудачника и мученика. А.С. Грин очень любил отца, всегда и везде возил с собой его фотографию. Да и в самой повести Грин говорил об отце очень тепло, о том, как отец учил его читать, как они вместе ходили на рыбалку, жгли костры, жили в палатке. Видя, как девятилетнего сына влечет к охоте, Степан

Евсеевич покупает ему старенькое шомпольное ружьецо, а когда Саша стал мечтать о море, отец узнает адреса матросов, ходит, расспрашивает, переживает.

Степан Евсеевич сделал все возможное, чтобы отправить Сашу в Одессу для поступления в мореходные классы. Земство выделило ему деньги на учебу сына.

Когда Александр, сбежав из ссылки, в 1906 году нелегально появился в Вятке, отец достал ему чужой паспорт, с которым Грин еще 4 года жил в столице под именем вятского мещанина А.А. Мальгинова.

В марте 1914 года Степан Евсеевич умер, и об этом было сообщено в губернской газете «Вятская речь». Это лишний раз доказывает, что Степан Евсеевич пользовался в городе большим уважением и почетом.

На похороны отца А.С. Грин приехать не смог, потому что сам находился в лечебнице. От приехал в Вятку только через 2 года. Не смотря на всяческие неурядицы и некоторые разногласия, они любили друг друга, и эту любовь Грин сохранил на всю жизнь.

С. Титова. Об отце писателя. Рукопись Музея А. Грина в Феодосии

Мать А.С. Грина, Анна Степановна Лепкова, родилась 14 января 1857 года. Была дочерью надзирателя вятской мужской гимназии Степана Федоровича Лепкова, предком которого считался пленный швед петровских времен Лепех. Мать Анны Степановны, Агриппина Яковлевна была из семьи мелкого чиновника.

Анне Степановне было полгода, когда умер ее отец. У матери, кроме Анны, на руках остался еще четырехлетний сын Николай. Усталость и бедность заставили отдать пятнадцатилетнюю Анну замуж за политического ссыльного Степана Евсеевича Гриневского, который был вдвое старше своей будущей жены. Их венчание состоялось 15 сентября 1872 года в Михайло-Архангельской церкви села Сосновка Сарапульского уезда Вятской губернии. Вскоре после венчания Гриневские вернулись в Вятку, где после рождения Александра Анна Степановна занималась хозяйством и маленьким сыном. Начальной школы Саша не посещал, так как читать, считать и писать его учили дома. С четырех лет мать стала учить сына азбуке. Читать Сашу научил потом отец, принесший книгу

«Гулливер у лилипутов», мать тогда же научила писать.

В 1887 году у Гриневских появилась дочь Антонина, а еще через 2 года – Екатерина.

В 1890 году Анна Степановна поступила в Вятскую фельдшерско-акушерскую школу, тогда ей уже исполнилось 33 года. Это были курсы подготовки аптекарских учениц, повитух, оспопрививательниц и фельдшерских учеников. В программу обучения входило изучение анатомии, латинского языка, физиологии, хирургии, фармакологии, детских и инфекционных болезней. Занятия будущих повитух проходили в родильном отделении губернской земской больницы.

Авторитет этой школы с каждым годом возрастал. Из других городов стали приходить запросы на окончивших школу и благодарности от врачей за хорошо подготовленных фельдшериц. Можно сказать, что Анна Степановна получила здесь глубокие знания и хорошую практическую подготовку. Курсы она закончила в 1892 году, получив свидетельство на звание повитухи и оспопрививательницы. Однако, медицинской практикой Анна Степановна занималась недолго. В 1893 году у нее родился еще один сын, Борис, а 21 января 1895 года Анна Степановна умерла от чахотки.

К сожалению, воспоминаний о ней почти не осталось. Очень коротко вспоминает о ней и сам Александр Грин в «Автобиографической повести». Но имя женщины, давшей миру прекрасного художника, всегда отзывается благодарной памятью в душах потомков.

С. Титова. Мать писателя. Рукопись Музея А. Грина в Феодосии

Однажды отец принес книжку «Гулливер у лилипутов» с картинками – крупным шрифтом, на плотной бумаге. Он посадил меня на колени, развернул книжку и сказал:

– Саша, давай читать. Это какая буква?

– «М».

– А эта?

– «О».

– Верно. Как же сказать их сразу?

В моем уме вдруг слились звуки этих букв и следующих, и, сам не понимая, как это вышло, я сказал – «море». Так же сравнительно легко я прочел следующие

слова, не помню, какие – и так начал читать.

Я читал бессистемно, безудержно, запоем. В журналах того времени: «Детское чтение», «Семья и школа», «Семейный отдых» – я читал преимущественно рассказы о путешествиях, плаваниях и охоте. После убитого на Кавказе денщиками подполковника Гриневского – моего дяди по отцу – в числе прочих вещей отец мой привез три огромных ящика книг, главным образом на французском и польском языках; но было порядочно книг и на русском. Я рылся в них по целым дням. Мне никто не мешал.

Я хорошо помню, что специально детские книги меня не удовлетворяли. В книгах «для взрослых» я с пренебрежением пропускал «разговоры», стремясь видеть «действие». Майн-Рид, Густав Эмар, Жюль Верн, Луи Жаколио были моим необходимым насущным чтением. Довольно большая библиотека Вятского земского реального училища, куда отдали меня девяти лет, была причиной моих плохих успехов. Вместо учения уроков я при первой возможности валился в кровать с книгой и куском хлеба; грыз краюху и упивался героической живописной жизнью в тропических странах.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

16 августа 1889 года получивший дома начальное образование Александр Гриневский поступил в приготовительный класс Вятского Александровского реального училища. В октябре «по прошению отца» Александр выбыл из училища – учеба возобновилась в августе 1891 года.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Учителя говорили:

– Гриневский способный мальчик, память у него прекрасная, но он озорник, сорванец, шалун.

Действительно, почти не проходило дня, чтобы в мою классную тетрадь не было занесено замечание: «Оставлен без обеда на один час»; этот час тянулся, как вечность. Одетый, с ранцем за спиной, я садился в рекреационной комнате и уныло смотрел на стенные часы с маятником, звучно отбивавшим секунды. Движение стрелок вытягивало из меня жилы. Смертельно голодный, я начинал искать в партах

оставшиеся куски хлеба; иногда находил их, а иногда щелкал зубами в ожидании домашнего наказания, за которым следовал, наконец, обед.

Дома меня ставили в угол, иногда били. Между тем я не делал ничего выходящего за пределы обычных проказ мальчишек. Мне просто не везло: если за уроком я пускал бумажную галку – то или учитель замечал мой посыл, или тот ученик, возле которого упала сия галка, встав, услужливо докладывал:

– Франц Германович, Гриневский бросается галками!

Если я бежал, например, по коридору, то обязательно натыкался или на директора или на классного наставника: опять кара. Если я играл во время урока в «перышки» (увлекательная игра, род карамбольного бильярда!), мой партнер отделывался пустяком, а меня, как неисправимого рецидивиста, оставляли без обеда.

Отметка моего поведения была всегда 3. Эта цифра доставляла мне немало слез, особенно когда 3 появлялась как годовая отметка поведения. Из-за нее я был исключен на год и прожил это время, не очень скучая о классе.

На десятом году, видя, как меня страстно влечет к охоте, отец купил мне за рубль старенькое шомпольное ружьецо. Я начал целыми днями пропадать в лесах; не пил, не ел; с утра я уже томился мыслью: «отпустят» или «не отпустят» меня сегодня «стрелять».

Я хаживал с ружьем далеко, на озера и в лес, и часто ночевал в лесу у костра. В охоте мне нравился элемент игры, случайности; поэтому я не делал попытки завести собаку.

Мне нравилось идти одному по диким местам, где я хочу, со своими мыслями, садиться, где хочу, есть и пить, когда и как хочется. Я любил шум леса, запах мха и травы, пестроту цветов, волнующую охотника заросль болот, треск крыльев дикой птицы, выстрелы, стелющийся пороховой дым; любил искать и неожиданно находить.

Множество раз я строил мысленно дикий дом из бревен, с очагом и звериными шкурами на стенах, с книжной полкой в углу; под потолком были развешаны сети; в кладовой висели медвежьи окорока, мешки с «пеммиканом», маисом и кофе. Сжимая в руках ружье с взведенным курком, я протискивался среди густых

ветвей чащи, представляя, что меня ждет засада или погоня.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

15 октября 1892 года за комические стихи об учителях ученика 2 класса Александра Гриневского исключили из реального училища.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

По возвращении в лоно реального училища я пробыл в нем всего только один учебный год.

Меня погубили сочинительство и донос. Еще в приготовительном классе я прославился как сочинитель. В последнюю зиму учения я прочел шуточные стихи Пушкина «Коллекция насекомых» и захотел подражать. Вышло так (я помню не все):

Инспектор, жирный муравей,
Гордится толщиной своей…
Капустин, тощая козявка,
Засохшая былинка, травка,
Которую могу я смять,
Но не желаю рук марать.
Вот немец, рыжая оса,
Конечно – перец, колбаса.
Вот Решетов, могильщик-жук…

Упомянуты, в более или менее обидной форме, были все, за исключением директора: директора я поберег. Имел же я глупость давать читать эти стихи всякому, кто любопытствовал, что еще такое написал «колдун». Списывать их я не давал, а потому некто Маньковский, поляк, сын пристава, однажды вырвал у меня листок и заявил, что покажет учителю во время урока.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Маньковский отдал стихи учителю и Александр Гриневский был исключен из училища. Попытки поступить в Вятскую гимназию ни к чему не привели, и Александр продолжил учебу в Вятском городском земском четырехклассном училище, которое закончил 1 июня 1896 года. В семье Гриневских уже было четверо

детей – в 1887 году родилась Антонина, в 1889 – Екатерина, в 1894 – Борис.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

В городском училище я учился посредственно, был на плохом счету, как озорник, хотя и там, кроме возни, драк, непослушания и подсказывания, ничего особенного не творил. Мне хорошо давались лишь словесность, история, закон божий и писание сочинений.

Одно мое сочинение на тему «Мой любимый уголок» учитель читал вслух всему классу как образец. Я описал камышовый островок мельничного пруда, где любил сидеть с книгой, ружьем и хлебом.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

В книге «Литературные находки» Е.Д. Петряев рассказал о домах, где жил юный Грин.

«До 1894 года Гриневские жили в доме Ивановой на Никитской улице, в 1895 году – в доме Пупырева на Раздерихинской улице, а с осени 1895 года и позднее – в доме Леденцова на Преображенской улице».

Для того, чтобы найти эти дома, пришлось обратиться к архивным документам. Фамилии давних домовладельцев уже никто не помнил. И вот, просмотрев гору окладных книг старой Вятки, все же удалось определить, что на Никитской улице в квартале № 60 у солдатки А.В. Ивановой было два дома: двухэтажный полукаменный и рядом одноэтажный каменный флигель с мезонином. Позже оба дома принадлежали какому-то А.Г. Морозову, а в тридцатых годах перешли государству. В документах архива за 1895 год указано, что наследники Ивановой получали доход – квартирную плату (двенадцать рублей в год) только с флигеля. Это позволяет установить, что Гриневские жили у Ивановой именно во флигеле (улица Володарского, 44 – ныне здесь музей А. Грина. – *Авт.*). Квартира была довольно далеко от городского училища (теперь школа № 42 по улице Коммуны, 33) – почти шесть кварталов, немного ближе она была и в доме Пупырева. Дом этот снесен, и всю северную сторону квартала (против школы № 14) занимают большие здания.

С 1895 года Гриневские жили в доме «кандидата на классную должность» Ф.Н. Леденцова. У него было два

полукаменных дома в два этажа; окна квартиры Гриневских выходили на улицу.

В. Сандлер. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

С 11 лет Александр постоянно подрабатывал чертежником, переписчиком, переплетчиком. За год до окончания училища, 21 января 1895 года, от чахотки умерла мать Александра. Его отец, к тому времени ставший бухгалтером-делопроизводителем губернской земской больницы, 7 мая 1895 года во Владимирской церкви Вятки венчался с Лидией Авенировной Борецкой – у Александра появилась мачеха.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Моя мать скончалась от чахотки 37 лет. Мне было тогда 13 лет. Отец женился вторично, взяв за вдовой псаломщика ее сына от первого мужа, девятилетнего Павла. Мои сестры подросли; старшая училась в гимназии, младшая – в начальной земской школе. У мачехи родился ребенок.

Я не знал нормального детства. Меня безумно, исключительно баловали только до восьми лет, дальше стало хуже и пошло все хуже. Я испытал горечь побоев, стояния на коленях. Меня в минуты раздражения, за своевольство и неудачное учение, звали «свинопасом», «золотцем», прочили мне жизнь, полную пресмыкания у людей удачливых, преуспевающих.

К тому времени под влиянием Купера, Э. По, Дефо и Жюль-Верновского «80 тысяч верст под водой» у меня начал складываться идеал одинокой жизни в лесу – жизни охотника. Правда, в 12 лет я знал русских классиков до Решетникова включительно, но указанные выше авторы были сильнее не только русской, но и другой, классической европейской литературы.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

23 июня 1896 года Александр уехал в Одессу для учебы в мореходных классах.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Глава 2. Одесса, Баку, Урал, Пенза, Крым

Отчасти очень дальними родственниками по матери, а больше – просто знакомыми приходились нам Чернышевы. Отец Чернышев был протоиерей кафедрального собора. У него был сын Сережа, двумя или тремя годами старше меня, тихий, малоспособный мальчик; исключили его за неуспешность или же сами родители взяли из семинарии – точно не помню, только в один прекрасный день я узнал, что Сережа отправился в Одессу, поступил в Херсонские мореходные классы и совершил кругосветное путешествие. Торжествующие родители показывали цветную фотографию. На ней был изображен молодой моряк, одетый в форму матроса; на ленте бескозырной фуражки можно было прочесть: «Императрица Мария». Ленты падали от затылка через плечо на грудь. Полосы клинообразно выступающего из-за голландки с синим воротником тельника долгое время не давали мне покоя: я все решал – есть ли это часть рубашки или же это надевается особо, как галстук. Довольно сказать, что я никогда не видел такой одежды и положительно влюбился в нее, особенно в ленты, которые при открытой шее и бескозырной фуражке придавали открытому, мужественному лицу Сережи особый поэтический оттенок. Но, главное, я увидел возможность практического решения задачи путешествий, причем Чернышев еще получал жалованье!

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Денег для поступления в мореходное училище не было, и в августе Александр с трудом стал учеником матроса на пароходе «Платон», на котором сделал только два рейса – за ученичество тоже надо было платить. Гриневский побывал в Севастополе, Ялте, Феодосии, Батуме, Херсоне.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

«Платон» шел круговым рейсом, то есть заходя во все порты, даже такие, где не было пристани; там выгрузка производилась на фелюки; пассажиры уезжали

на лодках.

Переход к Севастополю в открытом, без берегов, море, при сильном волнении, вид стай дельфинов, несущихся быстрей парохода, их брызгающие фонтанчики, белые брюха, темные спины, их тяжелые выскакивания, – все действовало упоительно. Ночью при качке было приятно спать, приятно было ходить, покачиваясь, смеяться над тем, как тошнит слабых пассажиров. Нечто настоящее начало совершаться вокруг; все начало отвечать своему назначению: плыть.

Огни вечерней Ялты поразили меня. Весь береговой пейзаж Кавказа и Крыма дал мне сильнейшее впечатление по рассыпанным блистательным созвездиям – огни Ялты запомнились больше всего. Огни порта сливались с огнями невидимого города. Пароход приближался к молу при ясных звуках оркестра в саду. Пролетел запах цветов, теплые порывы ветра; слышались далеко голоса и смех.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Поступить на пароход даже каботажного плавания было непросто. И тут требовались деньги, причем немалые, чтобы оплачивать харчи и обученье. Бесплатно учеников на корабли не брали, а Грин явился в Одессу с шестью рублями в кармане. Удивляться надо не житейской неопытности Грина, не тем передрягам, которые претерпевает шестнадцатилетний мечтатель, попавший из провинциальной глухомани в шумный портовый город, а тому поистине фанатическому упорству, с каким пробивался он к своей мечте – в море, в матросы. Худенький, узкоплечий, он закалял себя самыми варварскими средствами, учился плавать за волнорезом, где и опытные пловцы, бывало, тонули, разбивались о балки, о камни. Голодный, оборванный, он в поисках «вакансии» неотступно обходил все стоящие в гавани баржи, шхуны, пароходы. И порой добивался своего.

В. Вихров. Рыцарь мечты. Предисловие к собранию сочинений А. Грина в 6 томах. М, 1965

Неопытного ученика-матроса не брали на большие корабли и только осенью 1896 года Александру несколько дней удалось проплавать на дубке «Святой

Николай».

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Сидел я как-то на набережной в конце гавани, где стояло много этих «дубков», и смотрел, как грузят на «дубки» черепицу, соль, арбузы. Тут подошел ко мне старик шкипер, украинец, и спросил, не хочу ли я поступить на его судно «Святой Николай», которое послезавтра, если будет ветер, пойдет в Херсон. Конечно, я согласился. Жалованья на готовой пище дали мне – увы! – шесть рублей. Спорить не приходилось.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Грин исполнял обязанности матроса и повара; работы было много, ко всему в Херсоне с ним не рассчитались и Александр безбилетным пассажиром вернулся в Одессу, где несколько месяцев работал маркировщиком в портовом пакгаузе.

Весной 1897 года Александр Гриневский на пароходе «Цесаревич» совершил свой единственный заграничный рейс в Египет – в Александрию.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Уволили меня за сопротивление учебной шлюпочной гребле; этому бессмысленному занятию предал нас капитан «Цесаревича», пленившийся артистической работой веслами английских моряков. Дело произошло в Смирне, на обратном из Александрии пути. В наказание (а я публично высмеивал потуги капитана и однажды бросил даже весла) меня сняли с работы и я окончил путь пассажиром, ничего не делая.

На мне осталась хорошая одежда, полный комплект тельников, голландок, две «фланельки», двое брюк – белые и черные. Некоторое время я жил продажей этих вещей, потом работал на погрузке угля; часто, не имея пристанища, ночевал в порту.

Все было уже продано мной – даже моя корзинка, даже краски, которыми хотел я рисовать на берегах Ганга цветы джунглей. Я сохранил лишь на своем теле голландку с синим воротником, тельник, черные брюки и фуражку с лентой, имевшей надпись золотыми буквами «Цесаревич».

В начале июля меня потянуло домой.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Дореволюционные газетчики, строя догадки, утверждали, что автор «Острова Рено» и «Капитана Дюка» – старый морской волк, который обошел все моря и океаны. На самом же деле Грин плавал матросом совсем недолго, а в заграничном порту был один-единственный раз. После первого или второго рейса его обычно списывали. Чаще всего за непокорный нрав.

В. Вихров. Рыцарь мечты. Предисловие к собранию сочинений А. Грина в 6 томах. М, 1965

В июле 1897 года Александр из Одессы вернулся в Вятку, недолго проработал банщиком на станции под городом, переписчиком ролей в городском театре, а в июле 1898 года уехал в Баку. Матросом его не взяли, постоянной работы не было.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

По возвращении из Одессы я прожил дома до июля 1898 года. За это время я всячески пытался найти занятие: служил писцом в одной из местных канцелярий, переписывая роли для театра, некоторое время посещал железнодорожные курсы, был банщиком на станции Мураши (60 верст от Вятки), переписывал по заказу отца ведомости годового отчета земства – относительно земских благотворительных заведений. Но не было в жизни мне ни места, ни занятия. И я решил искать счастья на стороне – подальше от унылой, чопорной Вятки с ее догматом: «быть, как все».

Теперь невозможно припомнить, почему меня тянуло в Баку. По-видимому, я рассчитывал снова плавать на пароходах.

Итак, я отправился в Баку. Близко к концу июля. Весь мой капитал составляли данные отцом пять рублей, плетеная корзинка с необходимым бельем, подушка и старое одеяло.

Попытки найти место матроса оканчивались неудачно: уж очень я был оборван и грязен. Часто я ночевал в недостроенном пустом доме, среди стружек и кирпичей. Зарывшись в стружки, я кое-как достигал

бесчувствия, хотя надо мной свистел норд, а на полуголом теле таял падавший в беспотолочное пространство снег. Заколев к утру так, что ноги отказывались повиноваться, я ковылял в ближайший духан согреться. Зима тянулась бесконечно долго. Это был мрак и ужас, часто доводивший меня до слез. Не желая тревожить отца, я иногда писал ему, что плаваю матросом… А его письма из письма в письмо твердили о нужде, долгах, заботах и расходах для других детей.

Хроническое голодание вело к тому, что, заработав где-нибудь 70–80 копеек, я не удерживался и проедал их. Благие намерения ограничиться «кишечным» рестораном у татарина, жарящего на огромной сковороде где-нибудь в нише стены рубленые на куски бараньи, очень жирные кишки, – оканчивались победой соблазна, а между тем кишечник давал на две копейки целую тарелку плохо промытых, припахивающих калом, но горяче-румяно поджаренных кусков, залитых жиром. Какие же это были соблазны? (Водки я почти не пил.) Рыночный пирог с ливером, колбаса, окрашенная фуксином, виноград, арбуз, дыня, чурек, лаваш (тонкие, пресные и очень большие лепешки без соли, белые), баранье рагу, борщ, чай, трехкопеечные папиросы – вот и все, кажется.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

В Баку он жил случайным, копеечным трудом: забивал свои в порту, счищал краску со старых пароходов, грузил лес, вместе с босяками нанимался гасить пожары на нефтяных вышках. Он умирал от малярии в рыбачьей артели и едва не погиб от жажды на песчаных смертоносных пляжах Каспийского моря между Баку и Дербентом. Ночевал Грин в пустых котлах на пристани, под опрокинутыми лодками или просто под заборами.

Жизнь в Баку наложила жестокий отпечаток на Грина. Он стал печален, неразговорчив, а внешние следы бакинской жизни – преждевременная старость – остались у Грина навсегда.

Внешность Грина говорила лучше слов о характере его жизни: это был необычайно худой, высокий и сутулый человек, с лицом, иссеченным тысячами морщин и шрамов, с усталыми глазами, загоравшимися прекрасным блеском только в минуты чтения или выдумывания необычайных рассказов.

К. Паустовский. Предисловие к сборнику А. Грина «Золотая цепь». М, 1939

Весной 1899 года Александр Гриневский из Баку вернулся в Вятку, где полгода проработал в железнодорожных мастерских Вятского депо. В начале 1900 года Александр недолго пробыл в Котласе, а в апреле Грин поступил матросом на баржу пароходства Т.Ф. Булычова, ходившую по реке Вятке, но проплавал только два месяца. 23 февраля 1901 года Александр Гриневский ушел пешком на Урал.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Всю эту зиму я прожил бедствуя изо дня в день. Мне удавалось иногда заработать рубль-два перепиской ролей для труппы городского театра, причем, чтобы получить даже эти гроши, приходилось иногда часами ловить за кулисами антрепренера, а то даже ожидать конца спектакля, когда антрепренер залезал в кассу сверять билеты.

Около месяца я прослужил у одного частного поверенного, бойкого крючка, платившего мне двадцать копеек в день за довольно трудную работу: писание под диктовку исковых прошений и апелляционных жалоб. Эти двадцать копеек я тратил так: на две копейки покупал я в трактире чашку вареного гороха с постным маслом, на три копейки хлеба, на две копейки жареного картофеля, четыре копейки стоили рюмка водки. Остальные деньги – в разном сложении остатков – шли на покупку чая и табаку. Я жил в крошечной каморке деревянного старого дома. Рядом, в другой каморке, жили слесарь с женой, а примыкающее помещение, побольше, занимала плотничья артель. За комнату два рубля пятьдесят копеек платил мой отец.

На Урале я мечтал разыскать клад, найти самородок пуда в полтора, – одним словом, я все еще был под влиянием Райлера Хаггарда и Густава Эмара.

Числа, кажется, 23 февраля, в снежный, мягкий день я перешел реку Вятку и остановился у кабака села Дымкова, на другом берегу, памятуя, что каждый путешественник, отправляясь в далекий путь, выпивает в трактире за чертой города стакан виски. И я выпил «сотку», закусив ее горячей бараниной.

Я прошел от Слободского до Глазова 190 верст,

ночуя по деревням. В Глазове я отправился на вокзал, где уговорился с кондуктором товарно-пассажирского поезда. Я дал ему сорок копеек; он посадил меня в пустой товарный вагон и запер его. У меня были хлеб, колбаса, полбутылки водки. Пока тянулся день, я расхаживал по вагону, мечтал, ел, курил и не зяб, но вечером ударил мороз, градусов 20. Всю ночь я провел в борьбе с одолевающим меня сном и морозным окоченением: если бы я уснул, в Перми был бы обнаружен только мой труп. Эту долгую ночь мучений, страха и холода в темном вагоне мне не забыть никогда.

Наконец, часов в 7 утра поезд прикатил в Пермь. Выпуская меня, кондуктор нагло заметил: «А я думал, что ты уже помер».

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

На Урале Александр Гриневский работал в пермском железнодорожном депо, куда его устроил знакомый отца – ссыльный поляк Ржевский, золотоискателем на шуваловских приисках, лесорубом, сплавщиком.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

В депо я был принят чернорабочим с платой 50 копеек в день и 10 копеек в час за сверхурочные. Я видел, что оставшись в депо, – останусь в депо – и ничего больше. Между тем стало сильно таять и сильно греть солнце; началась северная весна. Взяв расчет, я получил около 4 рублей и, как уже по разговорам знал о ближайших, графа Шувалова, приисках, – что там всегда можно найти работу, – то в один прекрасный день сел в поезд, зайцем; после двух высадок за безбилетность, почти к вечеру, я доехал до станции, откуда надо было идти пешком на прииски. Как я видел, к такому способу передвижения прибегает множество шатающегося по Уралу народа, а потому не обращал внимания на желчные припадки кондукторов, привыкших ссаживать зайцев почти на каждой станции.

Шуваловские прииски представляли собой скопление изб, казарм, шахт и конторских строений, раскинутое частью в лесу, вдоль лесной речки. Здесь работало несколько тысяч человек, не считая «старателей». Порядок приема на работу был очень прост: каждый, кто хотел, приходил в контору, сдавал

свой паспорт, получал взамен расчетную книжку и рубль задатка, а затем мог идти и селиться, где и у кого хочет; благодаря этому был постоянный резерв свободной рабочей силы.

Я работал с зари до зари. На обед давался нам час, на завтрак полчаса. В полдень штейгер отмечал в таблице крестиком рабочий день каждого; вечером еще раз проверял, кто работает вторую половину дня. Я работал то на откачке воды, то крутил ворот.

Плата была 60 копеек поденно. На заборную книжку можно было брать в лавке предметы первой необходимости: табак, мыло, спички, белый хлеб, сушку, колбасу, пряники, орехи и т. п.

Расчет происходил по субботам в конторе, с вычетом забора по лавке.

Я работал то на откачке воды, то крутил ворот. Я стоял в паре с другим рабочим на вороте, выкручивая с десятисаженной глубины тяжелую бадью, полную золотоносной породы, вторая бадья за это время шла пустая вниз, там ее насыпали.

Три ночи я проработал под землей, где забойщик бил киркой впереди себя, я лопатой наваливал породу в тачку и катил ее к бадье, под вертикальный колодезь. Работать надо было все время согнувшись; забойщик, работающий сдельно, с куба, гнал во всю мочь, и это было мне непосильно. Хотя ночная смена оплачивалась рублем, я больше работать не захотел.

Мой интерес к приискам начал проходить.

Один старик, серьезный и хворый, часто беседовавший со мной о жизни и людях, сказал мне, что ему один хищник, умерший год назад в больнице, сделал признание о зарытых хищниками двух голенищах, полных золотого песка, под старой березой, в таком-то селе. Название этого села я забыл. Я рассказал историю о голенище мужику с рыжей бородой, Матвею, с которым я сблизился, так как, по словам Матвея, он был, где и я, – на Волге, на Каспийском море, в Баку.

Мы уговорились идти искать клад, взаимно заражая друг друга картиной благоденствия в случае успеха. Однако после того как я получил расчет (рубля два) и вышел с Матвеем на лесную дорогу, спутник сообщил мне, что он бежал с каторги за – будто бы – клевету на него о поджоге им трех домов в Костромской губернии. Затем на первом же ночлеге (дом стоял на краю деревни)

у одинокой женщины с тремя детьми этот благодушный, благообразный старичок, лежа со мной вечером на полатях, предложил мне убить хозяйку, детей и ограбить избу: в избе было чисто, хозяйственно, была хорошая одежда, полотенца с вышивкой, стенные часы и два сундука. Бандит, видимо, думал, что у хозяйки есть деньги. Но он предложил сделать это дня через два, вернувшись к деревне окольным путем, ночью, теперь же прожить здесь еще завтрашний день, чтобы высмотреть, где деньги.

Он говорил так страшно просто и деловито, что я испугался. Видимо, он нуждался в товарище для ряда преступлений и тщательно вербовал меня. Из опасения быть ночью убитым, я поступил так: притворно то соглашаясь, то сомневаясь, отложил полное решение до завтра и всю ночь не спал, карауля Матвея, который спал крепко, храпя.

За всю ночь золотой туман вылетел из моей головы. Утром, взяв котомки, мы вышли от ничего не подозревающей женщины, которая дала нам на дорогу яиц и хлеба. Отойдя немного от деревни, я в упор заявил Матвею, что никуда с ним не пойду, так как быть в компании с негодяем и убийцей мне отвратно. Мужик опешил, он пытался уверить меня, что пошутил, соглашаясь идти только добывать золото, но в его голубых глазах лежала подозрительная муть, может быть, прямо угрожающая; поэтому, наматерившись взаимно, мы расстались. Он побрел вперед, а я вернулся и предостерег женщину, чтобы она не пускала снова этого Матвея ночевать, вкратце рассказав суть дела.

Слушая меня, она была бела, как ее полотенца, и заголосила, что тотчас побежит к уряднику. Я пошел обратной дорогой и застрял на несколько дней на чугуноплавильном доменном заводе, где мне дали работу. После возки руды я работал дней пять внутри завода, таская и укладывая в штабеля отлитые чугунные болванки.

В середине апреля, взяв расчет (рубля три), я отправился в Пашийский завод вместе с двумя рабочими. Шел слух, что на лесных заводских рубках можно хорошо заработать.

Мне очень неприятно теперь, что моя память, сравнительно легко удерживавшая моменты деятельности, обстановки и сцен, почти бессильна

установить картину дорог, направлений и числа дней, а также множества ночлегов в пути. Рассеянный по природе, я был глубоко рассеян во время пути; рассеян я и теперь; когда я иду, я только смотрю, почти без мыслей о том, что вижу. Мое внимание скользит, бесцельно перебегая от внешнего к внутреннему, такому же случайному, как мелькающая обстановка дорог. Способность к ориентации – самое слабое мое место. Поэтому когда я был дроворубом, то, отправляясь всего за три версты из леса к зданию лавки, на берегу речки, почти всегда сбивался с дороги – как вперед, так и назад, хотя по тропинкам и обугленному пожаром в одном месте пространству отлогих гор был путь очень простой. Вероятно, этой бездарности я обязан одной встрече с медведем, от сопения которого за моей спиной избавился только тем, что последовал совету дроворуба Ильи – притвориться работающим около дерева и не обращать на Михаила никакого внимания. Сбившись, я попал в чащу, а за мной, слабо взревнув, побежал этот самый Михаил. Стерпев естественную панику, я встал около толстого кедра и начал обтесывать его топором. Медведь долго стоял сзади меня, сопя и фыркая, но не тронул, затем медленно обошел дерево и видя, что я точно работаю, сшиб лапой тонкий гнилой пень. Вдруг, к облегчению моему, послышались голоса рубщиков с соседнего участка, и медведь убежал, а я долго затем сидел, откуриваясь махоркой и не смея двинуться с места; потом рубщики проводили меня до тропы.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Теперь мне интересно вспоминать свои работы, потому что прошло много лет, стерших ощущение грязи, вшей, изнеможения и одиночества, но тогда это было не так интересно – было разнообразно и трудно.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Жажда необычного, громкого, далекого от «тихих будней» окуровской Руси, изведанных им сполна, вела его по каменистым дорогам, бросала на горячие пески, манила в чащи лесов, казавшихся таинственными… Скитаясь по России, он перепробовал самые различные профессии. Грузчик и матрос «из милости» на случайных пароходах и парусниках в Одессе, банщик на станции

Мураши, землекоп, маляр, рыбак, гасильщик нефтяных пожаров в Баку, снова матрос на волжской барже пароходства Булычов и Ко, лесоруб и плотогон на Урале, золотоискатель, переписчик ролей и актер «на выходах», писец у адвоката. Впоследствии Грин вспоминал, что он «в старые времена в качестве «пожирателя шпаг» ходил из Саратова в Самару, из Самары в Тамбов и так далее». Если даже «пожиратель шпаг» – метафора, то метафора эта красноречива, она выбрана не случайно. Его хождение в люди само напоминает легенду, в которой физически слабый человек обретает богатырскую силу в мечте, в неизбывной вере в чудесное.

> *В. Вихров. Рыцарь мечты. Предисловие к собранию сочинений А. Грина в 6 томах. М, 1965*

Долгие годы, как писал Грин много лет спустя, оставалось у него от этих странствий «ощущение грязи, вшей, изнеможения и одиночества». Наивная мечтательность, навеянная чтением Райдера Хаггарда и Густава Эмара, никак не могла соприкоснуться с жестокой, грубой действительностью. Бездуховность окружающей жизни юноша воспринимал с болезненной остротой. Но было в уральских странствиях и другое, что оценил он далеко не сразу: крупицы душевной доброты, бесхитростного интереса к необычному, бескорыстия и сердечной широты, рассеянные там и тут в людях. Пройдет каких-нибудь 6–7 лет, и начинающий писатель Гриневский соберет эти крупицы, выплавив из них бесценные самородки своих замечательных романтических рассказов. Золотоискатели, рудокопы, лесные охотники, путешественники и бродяги стали постоянными героями Грина.

Считается, что моделью Гринландии с ее Зурбаганом, Лиссом и Каперной послужили Севастополь и другие черноморские города Крыма. Но это не совсем так. Гриновская Гринландия – более обширная страна. Многое дали для ее создания и старая Вятка, и поволжские города, где жил Грин во время своих странствий, и, конечно, Архангельский север. Не будет большим преувеличением сказать, что Крым дал географию этой стране, «население» же привела сюда творческая фантазия и жизненный опыт Грина со всех концов России.

В. Сандлер. Грин, которого вы не знаете. Журнал «Волга», 1967, № 8, 9

В августе 1901 года Александр Гриневский возвратился в Вятку. 31 августа 1901 года по просьбе своего друга Михаила Назарьева Александр продал ворованную золотую цепочку и в сентябре 1901 – феврале 1902 года находился под следствием и судом по обвинению в сбыте краденого. 4 февраля 1902 года Михаил Назарьев, Илья Ходырев и Александр Гриневский Вятским окружным судом были признаны невиновными «в совершении приписываемых им преступных деяниях».

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Все выходы Александра Степановича в мир не удались – ни Одесса, ни Баку, ни Урал – четыре года рабочей или бродячей нищенской жизни. К роли писаря, конторщика, поденщика не лежали его душа и характер. Обернуть страстную и свежую любовь юноши к путешествиям, приключениям – в дело, действие – не нашлось Ганувера и Дюрока. Возвратясь с Урала в нелюбимую Вятку, Грин по совету отца решил идти на военную службу, не по призыву, а идти добровольно, так как будучи единственным взрослым сыном дворянина, по правилам того времени, он обязательному призыву не принадлежал. Остальные дети были малолетние. Устав от невозможности найти работу по душе (а без души никакая бы работа не могла надолго удержать Александра Степановича, благодаря цельности его характера), устав от великой нужды, Грин соблазнился мыслью о постоянной сытости, одежде, жилье, отсутствии мучительных ежедневных забот. А самое главное – ему было стыдно отца, который должен был от своего скудного бюджета уделять еще и ему, неустроенному. Александр Степанович зачислился добровольцем в пехотный полк в городе Пензе.

Жизнь в казарме скоро показала ему оборотную сторону солдатской сытости.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Рукопись Музея Грина в Феодосии; Симферополь, 2000

В ноябре 1901 года I призывным участком Вятского уезда Гриневский был включен в списки призывников на военную службу. В марте 1902 года Александр Гриневский был призван в армию, 18 марта он прибыл в Пензу – в 213 Оровайский резервный пехотный батальон.

В июле Гриневский был судим батальонным судом «за самовольную отлучку, покинутие мундирной одежды в месте, не предназначенном ее хранению, и промотание казенной одежды» – «выдержан под арестом на хлебе и воде три недели».

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Сохранилось одно казенное описание наружности Грина той поры. Такие данные, между прочим, приводятся в описании:

Рост – 177,4.

Глаза – светло-карие.

Волосы – светло-русые.

Особые приметы – на груди татуировка, изображающая шхуну с бушпритом и фок-мачтой, несущей два паруса.

В. Вихров. Рыцарь мечты. Предисловие к собранию сочинений А. Грина в 6 томах. М, 1965

Вольноопределяющийся А.И. Студенцов, член партии социалистов-революционеров, познакомил Грина с эсерами – он привел его на конспиративную квартиру, где агитаторы-студенты давали ему читать революционные издания.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

К тому времени я познакомился с вольноопределяющимся Студенцовым, социалистом-революционером, он не раз водил меня на конспиративную квартиру, где семинаристы и студенты давали мне читать «Солдатскую памятку» Л. Толстого и еще кое-что. Все, что я знал о жизни, повернулось разоблачительно-таинственной стороной, энтузиазм мой был беспределен, и, по первому предложению Студенцова, я взял тысячу прокламаций, разбросав их во дворе казармы.

Однако надо сказать, что это дело было уже зимой, а

летом, не стерпев «дисциплины» я бежал со службы при помощи того же Студенцова, давшего мне три рубля, штатскую фуражку и розовую ситцевую рубашку.

А. Грин. Тюремная старина. Собрание сочинений в 6 томах. М, 1965

27 ноября 1902 «Алексей Длинновязый» – революционная кличка Гриневского – совершил побег из казармы и начал заниматься революционной деятельностью. В роли связного он побывал в Киеве, Одессе, Саратове, Нижнем Новгороде, Твери, Симбирске, Екатеринославе. В июле 1903 года в Тамбове Гриневский познакомился с эсером Наумом Яковлевичем Быховским.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Весной 1902 года Александр был зачислен солдатом в 213 Оровайский батальон, стоявший под Пензой; летом бежал, был пойман, отсидел три месяца карцера, близко сошелся с кружком эсеров батальона и осенью с их помощью бежал снова. С тех пор Гриневский находился на нелегальном положении, вел, разъезжая по стране, агитационную работу и оказался талантливым пропагандистом, энергичным, красноречивым, бесстрашным. Но попытка сделать из него «боевика» успехом не увенчалась: проведя некоторое время в карантине, чтобы подготовиться к террористическому акту, Гриневский наотрез отказался от дела. Впоследствии Грин напишет об этом рассказ, где, не щадя себя, покажет молодого, полного сил человека, который не смог добровольно пойти на убийство и отдать свою жизнь.

Гриневскому простили отказ от террористического акта и стали посылать его на пропагандистскую работу.

Ю. Первова. Мог ли Грин стать террористом. Журнал «Наука и жизнь», 1992, № 1

Александр стал подпольщиком, связным. Опыт скитаний пригодился. «Длинновязый» легко поднимался с места, так же легко исчезал, появлялся в Киеве, в Одессе, в Саратове, в Нижнем Новгороде, в Симбирске, гордый сознанием своей тайной и грозной миссии. Летом 1903 года сидел в Твери, «в карантине»,

неприметный, изолированный от связей, готовился бросить бомбу, сделать и погибнуть.

Он отказался. Не мог убить.

Л. Михайлова. Александр Грин. М, 1980

В сентябре 1903 Александр Гриневский приехал в Севастополь, где занимался пропагандой и агитацией среди матросов Черноморского флота и солдат крепостной артиллерии.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Я приехал в Севастополь на пароходе из Одессы; по дороге у меня украли пальто.

Неподалеку от тюрьмы стояла городская больница. В ней был смотрителем один старик, бывший ссыльный; к нему я пришел со своим паролем, и он отвел меня к фельдшерице «Марье Ивановне», а та отвела меня к «Киске», жившей на Нахимовском проспекте. «Киска» (эсерка Е.А. Бибергаль. – *А.А.*) была центром севастопольской организации. Вернее сказать, организация состояла из нее, Марьи Ивановны и местного домашнего учителя административно-ссыльного.

Киска имела связи среди рядовых крепостной артиллерии и матросов флотских казарм. Сама она была выслана из Петербурга в Севастополь на три года под надзор полиции. Я долго ломал голову, стараясь понять, чем руководствуется охранное отделение, посылая революционеров и революционерок в такие центры военной силы, как Севастополь, но никакого объяснения не нашел.

Киска выдала мне двадцать рублей, смотритель больницы пожертвовал свое старое ватное пальто с кучерявым сине-фиолетово-коричневым верхом, и я поселился на отдаленной улице, недалеко от тюрьмы, в подвальном этаже. Комната была пуста; ни одного предмета из мебели; там лежал один матрац. Я спал, ел и писал на полу.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Приезд Алексея Длинновязого внес в общественную жизнь города некоторое оживление: возникли новые

революционные кружки, участились сходки. Вспоминал Григорий Федорович Чеботарев, в прошлом солдат крепостной артиллерии: «Чтобы не привлекать внимания посторонних, мы несколько раз собирались на Северной стороне, на Михайловском кладбище. Здесь Гриневский провел несколько сходок. Мне было известно, что «Студент» (так называли Гриневского в Севастополе) посещал также казармы флотских экипажей. Матросы приходили охотно. Беседы «Студента» всегда пользовались особым успехом. Он обладал каким-то талантом убеждения, способностью говорить о сложных вещах просто и доходчиво, увлекательно. Гриневский запомнился мне молодым, сильным, энергичным».

Ю. Первова. Мог ли Грин стать террористом. Журнал «Наука и жизнь», 1992, № 1

11 ноября 1903 в Севастополе под фамилией Григорьев Гриневский – «Студент» – был арестован на Графской пристани по доносу за пропаганду среди солдат севастопольского гарнизона.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Для меня было устроено на Южной стороне смешанное собрание солдат и матросов. Странное, никогда не испытанное и ничем решительно не оправдываемое чувство удерживало меня от поездки. Это было тягостное предчувствие. Я пришел к Киске и сказал, что ехать не могу. Как я ни объяснял, в чем дело, Киска требовала, чтобы я ехал; в конце концов назвала меня «трусом».

При таких обстоятельствах мне ничего больше не оставалось, как пойти на Графскую пристань, к катеру. Не успел я спуститься на площадку, как подошли ко мне два солдата: Палицын и его приятель. Я знал и того. Едва успел я спросить о чем-то по делу, как из-за спины моей вырос, покручивая усы, городовой.

– Разговариваете? – мирно, словно вскользь, спросил он. – Да, – ответил я, и вдруг мои ноги начали ныть. Сердце упало. – А не прогуляться ли нам в участок? – так же спокойно продолжал городовой.

Я посмотрел на солдат.

– За этим мы и пришли… – был тихий ответ.

Городовой свистнул. Подошли еще двое

полицейских. Солдаты исчезли (как я узнал впоследствии, они были уже арестованы и, не зная ни моего имени, ни адреса, ходили при полицейских по городу, чтобы опознать меня). Меня отвели в участок.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

При обыске у Александра Гриневского было найдено несколько десятков печатных изданий революционного содержания; он был заключен в Севастопольскую тюрьму.

Военный министр Куропаткин 19 января 1904 года писал министру внутренних дел Плеве: два солдата севастопольского гарнизона, обвиняемые по «делу о пропаганде» сообщили властям о Грине.

«Дело» солдата Гриневского сохранилось.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

В день ареста Александра Грина товарищ прокурора Симферопольского окружного суда докладывал прокурору Одесской судебной палаты: «Доношу Вашему Превосходительству, что нижние чины крепостной артиллерии Тимофей Кириенко и Степан Кривонос, которые во время допросов вызвались разыскать в городе «молодого человека» и «барышню», посещавших сходки солдат, произносивших на сходках речи и читавших солдатам революционные издания, сего числа часа в 4 пополудни задержали на бульваре «молодого человека», оказавшегося мещанином города Пензы Александром Степановым Григорьевым. Вслед затем в квартире Григорьева немедленно произведен был в порядке 1035 статьи Устава Уголовного судопроизводства обыск, причем в принадлежавшей Григорьеву корзине найдено 28 печатных революционного содержания брошюр под заглавиями: «Вестник русской революции», «Террористический элемент в нашей программе», «Что делается на родине», «Надгробное слово Александру II», «Вольная воля», «Распространение идей», «Русский политический строй и рабочие», «Сон под 1 мая», «Беседы о земле» (5 экземпляров), «Бебель и Бернштейн», «Былое», «Обвинительный акт по делу о дворянине Степане Балмашеве», «Дворянский царь» (4 экземпляра), «Хитрая механика» (2 экземпляра), «Борьба ростовских рабочих с царским правительством», «За веру, царя и

Отечество» (5 экземпляров).

После обыска мещанину Александру Григорьеву немедленно было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных 2 частью 250, 251 и 252 статей Уложения, причем Григорьев, не признав себя виновным, решительно отказался давать какие-либо объяснения по поводу этого обвинения, отказался подписать протокол и даже не пожелал дать сведений о родственных своих связях, семейном положении, о воспитании и т. п.

В общем поведение Григорьева было вызывающим и угрожающим.

По допросе Григорьев заключен под стражу в Севастопольскую тюрьму».

Тогда же севастопольский градоначальник доносил министру внутренних дел:

11 сего ноября около 5 часов вечера помощником начальника Таврического жандармского управления в градоначальстве совместно с участковым товарищем прокурора был произведен обыск в доме турецко-подданного Лефтери Саввы Казанджи Оглу, в квартире пензенского мещанина Ивана Степанова Григорьева, причем в запертой дорожной корзине найдено около 40 экземпляров брошюр различного содержания преступного политического характера; сам же Григорьев задержан около Графской пристани и заключен в тюрьме, как уличенный нижними чинами крепостной артиллерии в соучастии с провизором Канторовичем в распространении между ними брошюр преступного характера».

В. Сандлер. Грин, которого вы не знаете. Журнал «Волга», 1967, № 8, 9

По просьбе заключенных начальство охотно сажало их вдвоем; так, например, я одно время сидел с Канторовичем.

Наши камеры были неравной величины: угловые – побольше, неугловые – темные каморки с выкрашенными до половины в серый цвет стенами, представляющими смесь грязных белил с карандашными и высеченными надписями прежних жильцов. На асфальтовом полу, у стены, помещалась железная койка с соломенным матрацем, соломенной подушкой и одеялом серого грубого сукна. Постельное белье было из холста. У

дверей помещалась параша: ведро с крышкой, вделанное в серый табурет. У окна ставилась на полочку жестяная керосиновая лампа, горевшая всю ночь. Понятно, какой воздух был в камере зимой: тут смешивались запахи керосиновой гари, параши и табаку. Политические пользовались разрешением носить свою одежду и белье. Кто сидел в третьем и четвертом этажах по переднему фасаду, тот обыкновенно целые дни торчал на табурете перед окном, рассматривая протекающую на улице свободную жизнь: пешеходов, извозчиков, посетителей, идущих по двору на свидание или для «передачи». У меня не было ни свиданий, ни передач; но я несколько раз получал по почте от друзей небольшие деньги; раз получил две смены белья и носки.

На собственные деньги заключенных, хранившихся в конторе, мы каждый день вечером составляли список покупок, – их утром приносил и раздавал надзиратель. Против тюрьмы, на углу, была бакалейная торговля, где можно было купить томаты, брынзу, колбасу, чай, сахар, табак и белый хлеб. Но я редко мог баловать себя такими вещами, а тюремная пища была всегда одна и та же: кислый борщ с мелконарезанными кусочками коровьих голов да пшенная каша с бараньим салом. При полуторе фунта в день черного хлеба, при ужине из чашки жидкой пшенной кашицы я часто бывал впроголодь. Утром в шесть часов давали кипяток, слегка подкрашенный чаем, и два куска пиленого сахара.

После чая дежурный уголовный арестант вносил мокрую швабру, которой я протирал пол; потом выносил парашу в уборную. В девять часов происходила «поверка», обход камер начальником или старшим надзирателем, то же повторялось после семи часов вечера. Два раза в день в неопределенно изменяющиеся часы мы должны были «гулять», то есть ходить взад-вперед по двору перед тюрьмой.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

17 декабря 1903 года Александр Гриневский попытался совершить побег, но был задержан.

Начальник севастопольской тюрьмы доносил товарищу прокурора Симферопольского окружного суда:

Содержащийся под стражей во временной мне тюрьме за ротмистром Отдельного корпуса жандармов Васильевым арестант, именующийся Александром

Григорьевым, покушался 17 сего декабря на побег из тюрьмы при следующих обстоятельствах: гуляя около 2 часов дня в тюремном дворе у выхода из тюрьмы под присмотром тюремного надзирателя Дунюшкина, он, проходя по направлению к банному двору, сбросил с себя пальто и быстро пробежал в этот двор к стене ограды, через которую висела веревка, переброшенная через стену неизвестным пособником к побегу его; посредством этой веревки он и пытался бежать; схватив за один конец ее, стал ее тянуть к себе, вытягивая ее во двор, но у самой стены был схвачен тюремными надзирателями Дунюшкиным и Лавриновым.

Произведенным осмотром местности покушения на побег оказалось, что часть стены ограды, через которую была переброшена веревка, выходит на глухую местность, проходящую между тюремной оградой с одной стороны, и между оградой арестного дома с другой стороны. Веревка эта имеет около 27 аршин длины и около 1,5 дюйма толщины с узлами через каждые 3/4 аршина, и за оградой в той местности, где она была переброшена, поднять лист оберточной бумаги (толстой), в которой она была, очевидно, принесена на место предположенного побега».

После неудачного побега Гриневский объявил голодовку. Начальник севастопольской тюрьмы писал товарищу прокурора Симферопольского окружного суда:

Имею честь донести Вашему Высокоблагородию, что покушавшийся на побег 17 декабря политический Александр Григорьев, лишенный мною в наказание в дисциплинарном порядке тех льгот, коими пользовался до покушения, как-то: чтения книг, курение табаку и прогулки, третий день отказывается от приема пищи, заявив, что таковую до тех пор не будет принимать, пока ему не будут возвращены названные льготы».

В. Сандлер. Грин, которого вы не знаете. Журнал «Волга», 1967, № 8, 9

Через четыре дня Гриневский прекратил голодовку и открыл свое настоящее имя. Товарищ прокурора симферопольского суда докладывал прокурору Одесской судебной палаты:

Доношу Вашему Превосходительству, что политический арестант Александр Гриневский (Григорьев) покушался на побег из тюрьмы 17

минувшего декабря около 2 часов дня во время прогулки. Предпринятыми того же числа и.о. помощника начальника жандармского управления в порядке положения об охране установлено следующее: в момент покушения на побег неизвестные пособники Гриневского перебросили через стену ограды тюрьмы длинную веревку, за которую схватился Гриневский и стал взбираться, но был задержан тюремным надзирателем.

После покушения на побег именовавшийся Григорьевым был переведен в камеру нижнего этажа, чтобы устранить возможность переговариваться знаками с лицами, проходящими по улице мимо тюрьмы, и, кроме того, лишен прогулок, чтения книг и письменных принадлежностей. Тогда Григорьев перестал принимать пищу и добровольно голодал в течение 4 суток. Наконец 22 сего декабря, когда ему было объявлено, что более строгое содержание его в тюрьме вызвано его же действиями, он изъявил желание принимать пищу и открыл свое имя и звание, назвав себя потомственным дворянином Александром Степановичем Гриневским. Ныне предстоит проверка указаний о личности назвавшегося Гриневским».

В. Сандлер. Грин, которого вы не знаете. Журнал «Волга», 1967, № 8, 9

Прошел год. Я видел в снах, что я свободен, что я бегу или убежал, что я иду по улицам Севастополя. Можно представить мое горе при пробуждении! Тоска о свободе достигала иногда силы душевного расстройства. Я писал прошение за прошением, вызывал прокурора, требовал суда, чтобы быть хотя бы на каторге, но не в этом безнадежном мешке. После моего ареста отец, которому я написал, что случилось, прислал телеграмму: «Подай прошение о помиловании». Но он не знал, что я готов был скорее умереть, чем поступить так.

На свои прошения я не получал ответа, а прокурор, когда бывал в тюрьме, говорил, что следствие не закончено.

Я не оставлял мысли о побеге, придумывал планы, один другого сложнее и запутаннее. Сидя в четвертом этаже, я мечтал пробить потолок, чтобы вылезть на чердак. Я сидел тогда вместе с учеником Мореходных классов, эсдеком; я всячески подбивал как его, так и других, но встретил довольно хилое отношение. Сидя с

Канторовичем, я почти увлек его планом размягчения известково-ноздреватого камня стены сверлением скважин и вливанием туда серной кислоты, но эта затея рассеялась – кто же мог доставить нам кислоту? Напасть на надзирателя, заткнуть ему рот, надеть его форму, отобрать ключи, взорвать стену во время прогулки динамитом, устроить подкоп, рискнуть пробежать в открытую калитку (когда впускали кого-нибудь) – все было передумано; все было – и осталось – в мечтах.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Следствие продолжалось полтора года – в Военно-морском архиве в Петербурге сохранилось судебно-следственное дело в двух томах Севастопольского военно-морского суда «О рядовом 213 Оровайского резервного батальона Гриневском и нижних чинах Черноморского флота Морозове, Миненко, Борисове, Толмачеве, Квинтове, Машенцеве, Скорике».

Александр Гриневский обвиняется в том, что в 1903 году в городе Севастополе занимался пропагандой революционных идей среди нижних чинов Черноморского флота, с какою целью устраивал сходки матросов, на которых говорил речи противоправительственного содержания, и распространял среди матросов издания революционного характера, т. е. в преступлении, предусмотренном 2 частью 252 и 352 статей Уложения о наказаниях. Гриневский в этом изобличается показаниями обвиняемых Машенцева и Скорика».

О. Воронова. Поэзия мечты и нравственных поисков А. Грина. Журнал «Нева», 1960, № 8

22 февраля 1905 года военно-морской суд севастопольского порта приговорил Грина, адвокатом которого был А.С. Зарудный, позднее защищавший лейтенанта П.П. Шмидта, к 10 годам ссылки на поселении в Сибири. После утверждения приговора императором морской министр сообщал военно-морскому суду севастопольского порта:

Военно-морской суд севастопольского порта приговорил рядового 213-го Оровайского резервного батальона Гриневского и нижних чинов Черноморского флота: Борисова, Морозова, Квинтова, Толмачева,

Скорика и Машинцева за распространение среди нижних чинов флота сочинений и прокламаций противоправного содержания к ссылке на поселение с лишением прав состояния. Вместе с сим суд, приняв во внимание всемилостивейший манифест 11 августа прошлого года, долговременное содержание подсудимых под стражей во время дознания и то обстоятельство, что все подсудимые, за исключением Гриневского, были вовлечены в преступление вследствие своего невежества, которым воспользовались другие, постановил на основании примечания к статье 1180 Военно-морского судебного устава ходатайствовать перед Его императорским величеством о замене ссылки на поселение отдачею в дисциплинарный батальон с лишением некоторых прав и преимуществ по службе, по статье 50 Военно-морского устава о наказании указанных Морозова, Борисова и Скорика – на 12 месяцев и 10 дней, Толмачева и Машинцева – на 10 месяцев и 20 дней, и Увинтова – на 10 месяцев.

По всеподданнейшему докладу сего приговора, по коему Гриневский лишается прав дворянства, а также ходатайства суда об облегчении участи остальных подсудимых, – Государь Император в 8 день сего августа высочайше соизволил утвердить приговор в отношении Гриневского и прочих подсудимых, подвергнув наказаниям согласно ходатайства суда».

В. Сандлер. Грин, которого вы не знаете. Журнал «Волга», 1967, № 8, 9

Приговор вошел в силу 8 августа, но Грина не сослали – впереди был еще один суд, который был отложен, и Грин оставался в тюрьме до 24 октября 1905 года, когда был освобожден по амнистии.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Мне предстоял еще один суд. Гражданское следствие объединило общим процессом меня с эсдеками, составив дело о революционной агитации среди рабочих. У меня нашли несколько таких же брошюр, какие были арестованы среди социал-демократов, и этого оказалось достаточным, чтобы судить меня вместе с Канторовичем и другими свезенными в Феодосию из разных городов Крыма эсдеками.

Заседание палаты было назначено в Феодосии, где я теперь живу с 1924 года и где тщетно искать хотя каких-нибудь следов старой тюрьмы; вся она растащена по частям, и на площади, где она когда-то была, появились небольшие домики, составленные из ее погибшего корпуса.

Меня с Канторовичем привезли на пароходе в Феодосию; в большой нижней камере, куда мы были помещены, сидело уже человек восемь. Вскоре приехали из Петербурга защитники; среди них помню Грузенберга. Как бы в предчувствии осенних событий 1905 года, режим тюрьмы был в высшей степени свободный: камеры не запирались, политические ходили по коридорам и по двору, когда хотели. Рассчитывая бежать, я склонил четырех человек устроить подкоп из камеры через узкое расстояние (не более сажени) между стеной корпуса и наружной стеной, но как быстро охладели мои соучастники! Правда, они достали с «воли» пилу-ножовку, саперную лопатку и пилку от лобзика, однако, когда дошло до дела, работать пришлось одному мне. Я выпилил кусок доски деревянного пола и хотел начать рыть, как другие заключенные стали просить оставить эту затею: многим из них предстояло выйти на поруки и под залог; иные полагались на искусство адвокатов. Они боялись, что возня с подкопом, если она откроется, может им повредить.

Я вставил выпиленный кусок доски на прежнее место и придумал другое: пилкой лобзика я перепилил прут решетки. Теперь никто не соглашался бежать со мной: все ждали суда. Я не хотел идти против скрытого неодобрения своих сокамерников. Должно быть, среди нас был осведомитель, так как неожиданно днем в камеру явился надзиратель и начал стучать по решетке. Однако пропиленное место прута так было незаметно замазано мною варом, что надзиратель ушел ни с чем.

Каждый день происходили беседы с защитниками; каждый день толпа знакомых, родственников и подставных «невест» приходила на свидания, которые давались в конторе тюрьмы всем сразу; тут можно было, на глазах надзирателя, вручить записку, посекретничать, уговориться о чем угодно. Всего сидело тогда человек пятнадцать.

Благодаря усилиям адвокатов на первом же заседании палаты слушание этого общего дела было

отложено. Канторович и многие другие выпущены на поруки или под залог, а я дня через три судился отдельно и по доказанности обвинения получил год тюрьмы. Это наказание покрывалось, конечно, бессрочной ссылкой.

В тюрьме остался один я. Меня посадили в камеру второго этажа. Она не запиралась. Я целые дни бродил по двору, подружился с маленькой девочкой, дочерью начальника, и собакой-овчаркой.

Канторович некоторое время оставался в Феодосии. По моей просьбе он принес мне съестную передачу, табак и пять штук огромных машинных гвоздей.

Будка, у которой дежурил часовой-солдат с винтовкой, помещалась рядом с деревянным сортиром, между будкой и оградой было узко расстояние. Я сделал из гвоздей «кошку», из казенных простынь и своего белья скрутил толстую веревку, завязав на ней частые, большие узлы, приладил к одному концу этого каната свой якорек, спрятал орудие бегства под полу пиджака и вышел во двор гулять. Походив некоторое время, я сделал вид, что захожу в сортир, а сам шмыгнул за будку и перекинул через железный кровельный гребень стены «кошку». Она зацепилась прочно. Тотчас я полез вверх, упираясь, как учили меня уголовные, коленями в стену, и уже схватился за гребень, как веревка лопнула и я свалился вниз. Обрывок болтался вверху, на гребне.

Солдат выглянул из-за будки и растерялся. Он стоял, тупо смотря, как я, смотав оставшийся у меня обрывок, перекидывал его.

– Не смотри! Не смотри! Отвернись, такой-сякой! – кричали солдату уголовные с верхнего этажа, видевшие мою горькую попытку бежать.

– Беги в камеру! – сказал солдат. Он подошел к стене и штыком скинул висящий обрывок на сторону пустыря. Весь дрожа от отчаяния, я ушел, лег на койку и заревел. Дело это не открылось бы, если бы начальник, возвращаясь из города, не заметил валяющуюся у стены «кошку». Он прибежал ко мне, долго бушевал и грозил карцером, упрекал меня в «неблагодарности» и потрясал перед моим лицом «кошкой». Вначале я отпирался от всего, но потом, разозлясь, заявил:

– Вы принимаете все меры, чтобы не выпустить нас отсюда. Почему мы, в таком случае, не можем принимать все меры, чтобы бежать? Ваша задача – одна, наша –

другая.

С этого дня я был заперт на ключ, лишен прогулок и книг, а через три дня, как «опасный», я был увезен снова в надежную севастопольскую тюрьму.

Я вышел лишь 20 октября, после исторического расстрела демонстрации у ворот тюрьмы. Адмирал согласился освободить всех, кроме меня. Тогда четыре рабочих социал-демократа, не желая покидать тюрьму, если я не буду выпущен, заперлись вместе со мной в моей камере, и никакие упрашивания жандармского полковника и прокурора не могли заставить их покинуть тюрьму. Через двадцать четыре часа после такого своеобразного бунта всех нас вызвали в канцелярию, и я получил наконец свободу.

Каждый день я проводил в квартире того ссыльного учителя, который пугал людей на улице страшными возгласами. К нему приходили как в штаб-квартиру. Однажды десятилетняя девочка, дочь учителя, взяла лежавшую среди другого оружия заряженную двустволку. Я мирно разговаривал со Спартаком. У самого моего уха грянул выстрел, заряд картечи ушел глубоко в стену, а девочка, испугавшись, бросила ружье и заплакала. Она призналась, что уже прицелилась в меня (это в двух-то шагах!), но, неизвестно почему передумав, прицелилась мимо моей головы; однако мне обожгло ухо. Она думала, что ружье не заряжено.

Общее волнение очевидцев ничем не отразилось на мне. Я остался спокоен и вял, что объясняю сильной психической реакцией после освобождения. Действительно, свобода, которой я хотел так страстно, несколько дней держала меня в угнетенном состоянии. Все вокруг было как бы неполной, ненастоящей действительностью. Одно время я думал, что начинаю сходить с ума.

Так глубоко вошла в меня тюрьма! Так долго я был болен тюрьмой.

А. Грин. Автобиографическая повесть. Л, 1932

Глава 3. Петербург, Москва, Архангельск

В декабре 1905 года Гриневский приехал в Петербург и стал работать с эсером «Валерианом» – Наумом Яковлевичем Быховским. 7 января 1906 года в Петербурге при облаве Грин был арестован под именем «мещанина местечка Новый Двор Волковысского уезда Гродненской губернии Николая Ивановича Мальцева».

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

После ареста Гриневского Охранное отделение доносило в департамент полиции:

«Мальцев показал, что его зовут Александр Степанов Гриневский, он потомственный дворянин, уроженец Вятской губернии, дезертировавший в 1902 году из 213-го пехотного Оровайского резервного батальона и осужденный приговором севастопольского военно-морского суда к ссылке на поселение, но в силу высочайшего манифеста был освобожден 24 октября от дальнейшего наказания; на нелегальное положение перешел 10 декабря прошлого года».

В. Сандлер. Вокруг Александра Грина. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

В тюрьме Александр познакомился с бестужевкой Верой Павловной Абрамовой, работавшей в «Красном Кресте» и помогавшей заключенным. Позднее она стала его женой.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Через 20 дней министр внутренних дел по представлению Особого совещания распорядился «за принадлежность к партии социалистов-революционеров» выслать Гриневского на 4 года в Тобольск, потом в Туринск, под гласный надзор —

«От департамента полиции объявляется дворянину Александру Степанову Гриневскому, что по рассмотрении в Особом совещании, образованном согласно статье 34 Положения о государственной охране,

обстоятельств дела о названном лице, – господин министр внутренних дел постановил: выслать Гриневского в отдаленный уезд Тобольской губернии под надзор полиции на четыре года, считая срок с 29 марта 1906 года.

19 апреля 1906 года».

В. Сандлер. Грин, которого вы не знаете. Журнал «Волга», 1967, № 8, 9

18 мая 1906 года Гриневский был выслан из Петербурга по этапу, а 12 июня из Туринска бежал. Туринский исправник на следующий день докладывал в Тобольск:

«Тобольскому губернатору.

Административно-ссыльные политические дворяне Георгий Карышев, Александр Гриневский, одесский мещанин Михаил Лихонин, Гавриил Лубенец вчера скрылись благодаря скоплению в Туринске 70 поднадзорных при незначительном количестве городовых.

Исправляющий должность исправника Бирюков».

Новое об Александре Грине. Журнал «Дон». 1965, № 7

В начале июня наша семья переехала на дачу в Парголово. Оттуда я часто ездила в Петербург по делам «Креста», в библиотеку и по поручениям домашних. Как-то в жаркий день, набегавшись по городу, я поднималась по всегда безлюдной нашей парадной (на Фурштадской, 33). Завернув за последний марш, я с изумлением увидела: на площадке четвертого этажа, у самых наших дверей, сидит Гриневский! Худой, очень загорелый и веселый.

Вошли в квартиру, пили чай и что-то ели. Александр Степанович рассказал: прибыл на место ссылки, в Туринск, прожил там несколько дней. Напоил вместе с другими ссыльными исправника и клялся, что не убежит, а на другой день вместе с двумя анархистами сбежал. Шестьдесят верст ехала на лошадях, потом – по железной дороге. Паспорт у него фальшивый, нет ни денег, ни знакомств, ни заработка. Выходило, что одна из причин этого рискованного бегства – я.

Позднее выяснилось, что фальшивый паспорт, с

которым Гриневский приехал в Петербург, он получил еще по дороге в ссылку, в Тюмени, заранее решив, что из ссылки сбежит. Паспорт достал ему его товарищ, Наум Яковлевич Быховский.

Быховский был приговорен к ссылке в Восточную Сибирь, но временно задержан в Тюмени. Живя там, он часто ходил к пересыльной тюрьме встречать эшелоны ссыльных, посмотреть, не пришел ли кто-нибудь из знакомых. В одном из этапов он увидел Гриневского и доставил ему паспорт и двадцать пять рублей.

В. Абрамова. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Летом 1906 года Александр Грин уехал в Самару, потом в Саратов, в Саратове у В.А. Аверкиевой взял деньги и адрес явки в Москве к С. Слетову.

В Москве Грин встретился с эсером Н.Я. Быховским, который попросил Грина написать рассказ-агитку для солдат – так появился первый рассказ Грина «Заслуга рядового Пантелеева», подписанный «А.С.Г.», а позже – «Слон и Моська».

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Проездом за границу Быховский остановился в Москве, и тут его вновь повстречал Александр Степанович. Оба старшие товарищи – С. Слетов и Н. Быховский – отказались дать Гриневскому работу пропагандиста в Петербурге, хотя пропагандист он был талантливый; Слетов называл Александра Степановича «гасконцем», так как тот любил прибавлять к фактам небылицы, а в деле пропаганды и подпольной печати это было опасно. Но Быховский сказал Гриневскому, что партия нуждается в агитке для распространения в войсках. Гриневский ответил:

– Я вам напишу!

И действительно, вскоре принес свой первый рассказ-агитку «Заслуга рядового Пантелеева». С. Слетов был доволен рассказом, заплатил Александру Степановичу и предложил написать еще. Но Гриневский исчез, уехал в Петербург.

В. Абрамова. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Во время своего пребывания в партии эсеров Александр Степанович познакомился с известным ее деятелем «Валерианом» – Наумом Быховским, под началом которого затем стал работать. Наум Яковлевич Быховский относился к Грину очень хорошо и первый открыл в нем будущего писателя. Случилось это так: он поручил «Алексею» написать текст нескольких прокламаций. Александр Степанович написал и дал на проверку Быховскому. Тот, прочтя, прокламации, задумчиво посмотрел на «Алексея» и сказал: «Знаешь, Гриневский, из тебя, мне кажется, мог бы выйти неплохой писатель».

– Эти слова, – рассказывал Александр Степанович, – как удар, толкнули мою душу, зародив в ней тайную, стыдливую мечту о будущем. До сих пор я не знал, к чему стремиться, во мне был хаос и смута желаний; вечная нищета не давала мне возможности остановиться на каком-то твердом решении о своем будущем. Уже испытанные море, бродяжничество, странствия показали мне, что это все-таки не то, чего жаждет моя душа. А что ей было нужно, я не знал. Слова Быховского были не только толчком, они были светом, озарившим мой разум и тайные глубины моей души. Я понял, чего я жажду, душа моя нашла свой путь. Это было как первая нежная любовь. Я стыдился даже своих мыслей об этом, считая, что для писателя очень ничтожен, мало знаю, мало могу и, быть может, нетерпелив. Но зароненная, настоящая мысль не угасала; постепенно я стал понимать, что меня всем существом тянет к писательству, хотя я еще не понимал его и не представлял, как это произойдет.

В 1923 году Н. Быховский раза два был у нас в гостях. Жили мы тогда на Рождественской улице в своей квартире. Как-то вечером Александр Степанович пришел домой с неизвестными мне пожилым невысоким человеком и, представляя его, сказал: «Вот, Нинуша, мой крестный отец в литературе – Наум Быховский».

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Рукопись Музея Грина в Федосии; Симферополь, 2000

Заслугу рядового Пантелеева» издало Донское издательство. За эту брошюру были посажены в тюрьму и редактор, и выпускающий и издатель, как потом рассказывал мне Быховский, но никто не назвал

подлинной фамилии автора.

По приезде в Петербург Александр Степанович написал вторую агитку – «Слон и Моська», которая тоже была принята каким-то издательством, каким – Александр Степанович не помнил, но рассказ света не увидел, так как при обыске в типографии полиция рассыпала набор.

В. Абрамова. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

27 сентября 1906 года член Московского комитета по делам печати А. Венкстерн в докладе комитету писал: «В рассказе «Заслуга рядового Пантелеева» изображается экспедиция военного отряда для укрощения крестьян, учинивших разгром помещичьей усадьбы. В то время, как крестьяне рисуются вполне невинными жертвами, автор не жалеет красок, чтобы изобразить бесчеловечную жестокость и ничем не вызванные варварские нападки войск от офицеров до последнего солдата». В докладе приводятся выдержки из рассказа о других солдатах, которые идут на карательную операцию из-за боязни неповиновения, из страха перед каторгой. Делая вывод, что подобный рассказ направлен на то, чтобы внушить ненависть к солдатам-карателям и призвать их к неповиновению при усмирении «бунтов и беспорядков», цензор продолжает: «брошюру задержать, а против автора возбудить судебное преследование по пункту 6 отдела VIII Временных правил о печати и статьи 129 Уголовного уложения. Комитет просит прокурора Московской судебной палаты привлечь к судебной ответственности автора, издателя и владельца типографии.

Имя автора не установили, часть тиража брошюры арестовали.

8 февраля 1907 года дело закрыто.

В 1961 году один экземпляр рассказа был найден в Фонде вещественных доказательств Московской жандармерии за 1906 год, в 1966 года два экземпляра рассказа были обнаружены в отделе редкой книги Библиотеки имени В.И. Ленина.

5 декабря 1906 года было начато судебное преследование по рассказу «Слон и моська», набор брошюры был разобран.

В 1965 году один экземпляр рассказа был обнаружен

в отделе редкой книги Библиотеки имени В.И. Ленина, в 1966 году – два экземпляра найдены в Библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина.

В. Киркин. Произведения А. Грина под запретом цензуры. Журнал «Советские архивы». М, 1972, № 3

Летом 1906 года Гриневский приехал в Вятку, где отец достал ему паспорт «личного почетного гражданина» Алексея Алексеевича Мальгинова, и через месяц выехал в Петербург. Первый напечатанный рассказ А.С. Грина – «В Италию» появился в газете «Биржевые ведомости» 5 декабря 1906 года.

Впервые подпись «А.С. Грин» появилась в петербургской газете «Товарищ» 25 марта 1907 под рассказом «Случай» – по одной из версий редактор предложил Александру Гриневскому сократить фамилию.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Первый рассказ был написан Александром Степановичем осенью 1906 года и напечатан в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» в декабре того же года. Он назывался в «В Италию» и был подписан «А.А. М-въ». Но такая подпись не удовлетворяла Александра Степановича. Ведь Мальгинов – это была чужая, временная фамилия. Надо было придумать псевдоним. Толковали целый вечер и остановились на «А.С. Грине».

В. Абрамова. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Александр Степанович жил в Петербурге. Писал первые рассказы из революционной жизни, которые потом составили сборник «Шапка-невидимка». Когда Измайлов, у которого должен был печататься один из первых рассказов Грина «Апельсины», спросил его, как он будет подписываться своей фамилией (Мальгинов) или псевдонимом, Александр Степанович, не желая быть Мальгиновым и зная, что не может Гриневским, с молодой пылкостью ответил – «Лиловый дракон». Измайлов расхохотался и сказал, что такой псевдоним совсем не годится. Тогда Александр Степанович взял

первую половину свой настоящей фамилии.

Так родился псевдоним «А.С. Грин». И это имя так плотно подошло к Александру Степановичу, что он говорил: «Знаешь, я чувствую себя только Грином, и мне странным кажется, когда кто-то говорит – Гриневский. Это кто-то чужой мне». Подписывался всегда «Грин» и меня именовал «Грин», утверждая, что и я не Гриневская, как и он. И когда мне пришлось получать паспорт в Феодосии, он попросил знакомую паспортистку проставить мне в нем – Н.Н. Грин»

> *Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Рукопись Музея Грина в Феодосии; Ленинград, 1972; Симферополь, 2000*

Неожиданный успех окрылил Грина. Он получил гонорар, устроился с квартирой и начал писать. Сначала он писал рассказы, совсем далекие от фантастики, из рабочего быта, и постепенно их накопилось целая книга. Сотрудничал он в газете «Биржевые ведомости», в журнале «Огонек», в «Литературном приложении» к «Ниве.

> *Новое об Александре Грине. Журнал «Дон», 1965, № 7*

Вероятно, впервые Грин обращается к Горькому в 1907 году, когда пишет в Италию, на Капри, письмо, в котором просит помочь ему в издании первой книги рассказов.

Грин рекомендуется в письме: «Я беллетрист, печатаюсь третий год и очень хочу выпустить книжку своих рассказов, которых набралось 20–25.

Давно я хотел обратиться к Вам с покорнейшей просьбой рассмотреть мой материал и, если он достоин печати – издать в «Знании». Но так как неуверенности во мне больше, чем надежды – я не сделал этого до настоящего момента, а теперь решился».

> *Н. Изергина. Грин и Горький. Кировский педагогический институт. Ученые записки. Вып. 20. Киров, 1965*

Ответ А. Горького не найден. Возможно, отзыв был благоприятный – первый сборник Александра Грина из

10 рассказов «Шапка-невидимка. Из рассказов о революционерах» вышел в Петербурге в начале 1908 года.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

За год литературной работы у Грина набрался целый сборник рассказов. В конце 1907 года он познакомился с издателем Котельниковым, владельцем книжной лавки «Наша жизнь». Котельников согласился выпустить книгу. Книга под названием «Шапка-невидимка» вышла в начале 1908 года.

В. Абрамова. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

В 1909 году в «Новом журнале для всех» появился первый романтический рассказ Александра Грина «Остров Рено». «В «Острове Рено» уже были заключены все черты будущего Грина. Это простой рассказ о силе и красоте девственной тропической природы и жажде свободы у матроса, дезертировавшего с военного корабля и убитого за это по приказу командира. Грин начал печататься».

В журналах «Вокруг света», «Аргус» были напечатаны рассказы Грина «Колония Ланфиер», «Происшествие на улице Пса», «Штурман четырех ветров», в 1910 году вышел сборник его романтических рассказов. Грин приобретал популярность.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

В журнале «Русское богатство» в марте 1910 года появилась рецензия В. Кранихфельда на сборник рассказов А. Грина из 264 страниц, напечатанном издательством «Земля» в Санкт-Петербурге:

Нынешнего читателя трудно чем-нибудь удивить, и оттого он, пожалуй, и не удивится, когда, прочитав в журнале такие рассказы г. Грина как «Остров Рено» или «Колония Ланфиер», узнал, что это не переводы, а оригинальные произведения русского писателя. Что ж – если другие стилизуют под Бокаччио или под XVIII век, то почему Грину не подделывать Брет-Гарта. Но это поверхностное впечатление; у Грина это не подделка и не внешняя стилизация: это свое. Свое потому, что это

рассказы из жизни странных людей в далеких странах нужны самому автору; в них чувствуется какая-то органическая необходимость – и они тесно связаны с рассказами того же Грина из русской современности, и здесь он – тот же. Чужие люди ему свои, далекие страны ему близки, потому, что это люди, потому что все страны – наша земля, весь мир – родина. Поэтому Брет-Гарт или Киплинг, или По, которые и в самом деле дали много рассказам Грина, – только оболочка. Просто в этой, конечно, абстрактной форме ему легче найти – то есть высказать – то, что он ищет. С виду он бытовик, за бытовыми красками гонится с настойчивостью, которая подчас слишком заметна. Лезут в глаза не столько самые эти термины морского дела и подробности экзотического быта, эти лиселя и штурвалы, эти дурианги и араукарии, сколько та явная преднамеренность, с которой их ищет автор. Но этим он только оттеняет, что быт для него весьма второстепенное дело: слишком очевидно, что бытовая точность нужна ему исключительно для убедительности, для оправдания его психологической фантастики.

Грин по преимуществу поэт напряженной жизни. Он хочет говорить только о важном, о главном, о роковом: и не в быту, а в душе человеческой».

Писатели современной эпохи. М, 1928

Все герои Грина – типичные горожане, сугубые горожане нашего времени, уставшие от жизни и от людей, от самих себя, и жаждущие забвения, временного или вечного. У них безмерные аппетиты к жизни, но мало для нее сил. Сознание собственного у них ярко, почти преувеличенное, но они проявляют его только в погоне за наиболее острыми наслаждениями, соперничая и быстро пресыщаясь.

С людьми у этих «индивидуалистов» обыкновенно «все покончено». Остается или убивать себя, или бежать в пустыню. Убивают герои Грина – и себя, и других чрезвычайно легко: по ошибке, по прихоти, под влиянием легкой вспышки. Ценность жизни в их глазах дошла до минимума. В 9 из 11 рассказах сборника мы встречаем убийство или самоубийство, иногда и то и другое, целый ряд убийств – какой-то кровавый кошмар.

Автор довольно удачно охватил некоторые черты «модернистской» психологии. К счастью для него он, по-

видимому, неглубоко ею проникся. От изображаемых им «ужасов» и эксцессов веет искусственностью и надуманностью. Случается, что среди них нет-нет, да и проглянет простое, живое любопытство автора к жизни, наблюдательность и даже юмор. Несомненно, что мы, здесь имеем дело не с болезнью, не с единственным надломом творчества, как у Л. Андреева, а только с «модой».

Несамостоятельность Грина, вероятно, обусловленная его литературной молодостью, сказывается и в романтических сюжетах, занимательных, в духе Майн Рида и Купера, и в манере письма, довольно яркой, но тяжеловесной – во вкусе примитивного, уже отжившего импрессионизма. Форма рассказов у Грина красива и иногда любопытна, но все же в большей степени вычурна, чем своеобразна.

Однако, и сквозь сумбурный, поверхностный романтизм и сквозь лубочные краски проглядывает несомненная талантливость автора. Чувствуется, что в нем бродит что-то свое, не находя выхода. Побольше бы ему только вдумчивости, искренности и чеховской простоты».

Е. Колтоновская. Критические этюды. СПБ, 1912

Жизнь с Александром Степановичем показалась мне сначала идиллией. Утром я уходила в лабораторию, а в час возвращалась домой завтракать. Александр Степанович радостно встречал меня и даже приготовлял к моему приходу какую-нибудь еду Потом я опять уходила в лабораторию, а по окончании моей работы мы шли куда-нибудь обедать.

Но идиллия очень скоро кончилась. Александр Степанович за год своего пребывания в Петербурге сошелся с литературной богемой. Это делало нашу жизнь трудной и постоянно выбивало из бюджета. Я была бесхозяйственна и непрактична, а Александр Степанович всякую попытку к экономии называл мещанством и сердито ей сопротивлялся.

Жизнь наша слагалась из таких периодов: получка, отдача долгов, выкуп заложенных вещей и покупка самого необходимого. Если деньги получал Александр Степанович, он приходил домой с конфетами или цветами, но очень скоро, через час-полтора, исчезал, пропадал сутки или двое и возвращался домой больной,

разбитый, без гроша. А питаться и платить за квартиру надо было. Если и мои деньги кончались, то приходилось закладывать ценные вещицы, подаренные мне отцом, и даже носильные вещи. Продали и золотую медаль – награду при окончании мною гимназии.

В периоды безденежья Александр Степанович впадал в тоску, не знал, чем себя занять, и делался раздражительным. Потом брал себя в руки и садился писать. Если тема не находилась, говорил шутя: «Надо принять слабительное». Это значило, что надо начитаться вдоволь таких книг, в которых можно было найти занимательную фабулу, нравящегося героя, описание местности или просто какую-нибудь мелочь, вроде звучного или эксцентричного имени; такие книги давали толчок воображению, вдохновляли и помогали ему найти героя или тему. В подобные периоды Александр Степанович не перечитывал прежде известных ему книг, но доставал приключенческую литературу, фантастические романы, читал А. Дюма, Эдгара По, Стивенсона и т. п.

В те годы, когда мы жили вместе, Александр Степанович был молод, мозг его был свеж, и писалось ему легко. В два-три приема рассказ бывал окончен. Александр Степанович читал мне его, диктовал для переписки набело. Наступали тихие, хорошие вечера.

В такие вечера я мучительно задумывалась над вопросом: да что же за человек Александр Степанович? Мне, в то время молодой и совсем не знавшей людей, нелегко было в нем разобраться. Его расколотость, несовместимость двух его ликов: человека частной жизни – Гриневского и писателя Грина била в глаза, невозможно было понять ее, примириться с ней.

Написанное произведение Грин сдавал в редакцию, получал деньги, а дальше повторялось все прежнее».

В. Абрамова. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

27 июля 1910 года Александра Грина по доносу арестовали за проживание по чужому паспорту на его петербургской квартире – Васильевский остров, 6-я линия, дом 1, квартира 33 и поместили в петербургскую тюрьму «Кресты». Осенью 1910 года подследственный Александр Гриневский и Вера Абрамова венчались в церкви градоначальства в Петербурге, на венчании были

две его сестры – Наталья и Екатерина.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Сохранилось «Дело о высылке в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции за принадлежность к социал-революционной партии потомственного дворянина Александра Степановича Гриневского (25 сентября 1910 года – 22 мая 1912 года)», содержащее 66 листов.

Дело открывается секретным донесением № 14977 от 17 октября 1910 года из Охранного отделения Санкт-Петербургского градоначальника Архангельскому губернатору:

Секретно. Архангельскому губернатору.

…К изложенному присовокупляю, что о названном Гриневском в делах подведомственного мне Охранного отделения имеются следующие сведения:

В 1902 году Гриневский дезертировал из 213 пехотного резервного Оровайского батальона, а в 1903 и в 1904 годах привлекался в Севастополе к судебной ответственности по обвинению в противоправительственной пропаганде среди нижних чинов Севастопольской крепостной артиллерии флота. В 1905 году Гриневский был приговорен Севастопольским военно-морским судом за преступления, предусмотренные 129, 130 и 131 статьями Уголовного Уложения, к ссылке на поселение, но затем в силу Высочайшего Указа 21 октября 1905 года освобожден от определенного ему по судебному приговору наказания.

7 января 1906 года, в ликвидацию в Санкт-Петербурге боевого летучего отряда партии социалистов-революционеров, Гриневский был арестован под именем мещанина местечка Нового Двора Волковысского уезда Гродненской губернии Николая Ивановича Мальцева и по настоящему делу, на основании утвержденного г. Министром Внутренних Дел 29 марта 1906 года постановления Особого Совещания, образованного согласно статьи 34 Положения о Государственной охране, Гриневский был выслан под гласный надзор полиции в отдаленный уезд Тобольской губернии на четыре года, с водворением в город Туринск, откуда он 11 июня 1906 года бежал и был обнаружен лишь 27 июня сего года проживавшим в Санкт-Петербурге по чужому паспорту на имя личного почетного гражданина Алексея

Алексеевича Мальгинова.

И. Мыльцына, А. Толстая. А.С. Грин в архангельской ссылке. Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М, 1967, № 3

31 октября 1910 года этапом через Вологду Александр Грин был отправлен в ссылку в Архангельскую губернию.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Архангельский полицмейстер 4 ноября 1910 года рапортом N 10234 докладывал архангельскому губернатору: «Доношу Вашему Превосходительству, что 3 сего ноября доставлен этапным порядком из города Вологды при открытом листе Санкт-Петербургского Правления от 31 минувшего октября за № 10724 поднадзорный потомственный дворянин Александр Степанов Гриневский и впредь до Вашего распоряжения помещен во временную пересыльную тюрьму».

И.В. Мыльцына, А.В. Толстая. А.С. Грин в архангельской ссылке. Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М, 1967, № 3

Первоначальное место ссылки Мезень 6 ноября 1910 года по просьбе жены А. Грина, тогда же приехавшей в Архангельск, было заменено на Пинегу. Немного ранее, 25 сентября, первоначальный четырехлетний срок ссылки сократили до двух лет.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Ехать мы должны в Пинегу за двести километров от Архангельска. Это было очень милостиво, но я поняла степень поблажки только потом, от ссыльных, которые объявили мне, что нас могли заслать гораздо дальше.

Через день выехали из Архангельска на паре низкорослых почтовых лошадей.

На дно возка уложили чемоданы, корзины, портпледы, поверх них настлали слой сена, а на сено положили тонкое одеяло (вместо простыни) и подушки. Мы легли, а ямщик накрыл нас сначала одеялами, а потом – меховой полостью. В начале перегона хотелось смотреть и разговаривать, а потом глаза начинали

слипаться от ровного потряхивания на ухабах, безлюдья и монотонного позвякивания колокольчика. Дремали. Проехав верст пятнадцать, начали зябнуть, пальцы на ногах и руках ныли, пробуждались и посматривали – не видно ли деревни? Наконец достигли почтовой станции, с радостью вылезли из-под всех покрышек и пошли в станционную избу. Там всегда жарко натоплено и можно заказать самовар. Еды на станциях не бывало; надо было или везти ее с собой, о чем мы не знали, или искать по деревне. Напившись чаю, отогревшись и дождавшись лошадей, мы поехали дальше.

В. Абрамова. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Гриневские приехали в Пинегу 12 ноября 1910 года, а 15 августа 1911 года были переведены в село Кегостров, расположенное на острове на Северной Двине напротив Архангельска. С 21 марта 1912 года до конца ссылки Гриневские прожили в Архангельске, первые три дня в Троицкой гостинице, а потом в доме Афанасьева на Олонецкой улице. В ссылке Александром Грином были написаны «Ксения Турпанова», «Зимняя сказка», «Жизнь Гнора», «Синий каскад Теллури», «Сто верст по реке», «Позорный столб» и многие другие произведения.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Н.А. Кулик сказал нам, что в Пинеге есть Народный дом и при нем – библиотека. Она-то и спасала Александра Степановича от тоски. Читал Грин очень много. Подбор книг в библиотеке был случайный, так как большая часть их была пожертвована разными людьми. Были кое-кто из классиков, полные и неполные комплекты толстых журналов и много переводной литературы. Вообще малоподвижный, Александр Степанович редко выходил из дому без надобности, прогулок не признавал, но в библиотеку ходил довольно часто. Позднее, когда мы ближе познакомились с ссыльными, стали получать книги от них, меняться.

Впоследствии Александр Степанович не раз вспоминал, что два года, проведенные в ссылке, были лучшими в нашей совместной жизни. Мы там оба отдохнули. Денег отец высылал достаточно. Поэтому Александр Степанович мог писать только тогда, когда

хотелось и что хотелось.

Александр Степанович поручил мне, когда я буду в Петербурге, зайти в редакцию «Всеобщего журнала». В редакции я встретила А.И. Котылева. Он подошел ко мне, поздоровался и спросил, как живется в Пинеге. Выслушав ответ, спешно простился и ушел из редакции. Такое поведение меня очень удивило: А.И. Котылев довольно часто бывал у нас, когда мы жили на 6-й линии. Он имел репутацию человека порочного, но я не имела возможности убедиться в этом; на мой взгляд, это был человек умный и хорошо воспитанный. Казалось, что они с Александром Степановичем дружили. Приехав в Пинегу, я рассказала Александру Степановичу о странном поведении Котылева.

– Это он и выдал меня, – сказал Грин.

– Да ведь вы же были друзьями?

– Ну, не совсем… Как-то поссорившись, я ему сказал: «Я хоть с тобой и пьянствую, но этим у нас вся дружба и кончается; мы с тобой, как масло и вода, неслиянны». Вот этого он мне и не простил.

В Петербурге я купила Александру Степановичу дробовик для охоты и граммофон с набором пластинок. Ружье и все охотничьи принадлежности очень скрасили ему весну и лето.

В первые полгода жизни в Пинеге Грин совсем не жаловался на скуку. Он был очень утомлен всем пережитым. В тишине и обеспеченности он сначала благодушествовал: много спал, с аппетитом ел, подолгу читал, при настроении – писал, а для отдыха играл со мною в карты или раскладывал пасьянсы. Но к весне начал скучать. Стал раздражителен и мрачен. Поссорился с хозяйкой. Поэтому, когда в мае приехал в Пинегу новый акцизный чиновник, хозяйка сказала, что ей гораздо приятнее иметь жильцом правительственного чиновника, чем ссыльных. И мы снова оказались на Великом дворе, только в другой избе.

Весна в Пинеге мало чем походила на нашу петербургскую, неврастеническую и бледную. Дни настали длинные, солнечные; глубочайшие снега, накопившиеся за долгую, без оттепелей, зиму, принялись бурно таять. Всюду зашумели ручьи, а овраги, которых в Пинеге много, превратились в озера и речки.

Весна развеселила Александра Степановича. Когда просохло, он начал охотиться. Мы купили лодку.

Александр Степанович охотился то на реке, то в лесу. Уходил с раннего утра и возвращался к вечеру, увешанный битой птицей. Поели мы с мамой разнообразной дичи: и болотных куликов, и бекасов, и куропаток, и уток всевозможных разновидностей, от крупных до самых маленьких.

Второй год ссылки, на Кегострове, лежащем в дельте Северной Двины, в трех километрах от Архангельска, мы прожили с Александром Степановичем так же дружно, как и первый в Пинеге.

На Кегострове мы поселились у зажиточных хозяев, имевших рыбокоптильню. Внизу большого, солидно выстроенного дома жили хозяева, там же была и общая кухня. Наверху было большое зало, которым обычно никто не пользовался; оно служило только для приема гостей в торжественных случаях. Рядом с залом были еще три небольшие меблированные комнаты; их мы и сняли.

Когда я ехала в город, чтобы закупить на неделю провизии, то брала смирную старую лошадь. Она везла меня ленивой рысью, так что все меня обгоняли, но зато можно было не бояться. Но когда в город собирался Александр Степанович, он брал застоявшегося жеребца, и поездка превращалась в смену сильных ощущений. Как я ни просила попридержать лошадь до выезда на дорогу, Грине не умел этого сделать. Жеребец вылетел со двора так, будто за ним гнались волки, на всем ходу, под прямым углом сворачивал на дорогу; сани ложились на один бок – того гляди окажешься на снегу, – но благополучно выпрямлялись и начинали скакать по ухабам дороги. Потом стремительно неслись с довольно высокого берега на лед. Дорога на Двине была узкая, а проезжих довольно много. Александру Степановичу хотелось всех обгонять, и он, то и дело крича: «Берегись!» – мчался, сворачивая в снег и накреняя сани.

Весной 1912 года нас перевели в Архангельск.

Вскоре я одна вернулась в Петербург, чтобы все приготовить к приезду Александра Степановича. Наняла квартиру на углу Второй роты и Тарасова переулка. В квартире были две комнаты, коридор и кухня. Купола дешевенькую мебель и пополнила хозяйственный инвентарь. Думала, что устраиваю прочное гнездо, но жизнь вскоре заставила меня понять мою ошибку.

Вскоре пути наши разошлись. Встречи стали

короткими и редкими.

В. Абрамова. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Первая жена Александра Грина Вера Павловна Абрамова разошлась с А. Грином в 1913, позднее вышла замуж за известного геолога К.П. Калицкого.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Архангельская ссылка закончилась 15 марта 1912 года, Гриневские вернулись в Петербург. «Здесь начался лучший период его жизни, своего рода «Болдинская осень». В то время Грин писал почти непрерывно. С ненасытной жаждой он перечитывал множество книг, хотел все узнать, испытать, перенести в свои рассказы. Вскоре он повез отцу в Вятку свою первую книгу».

К. Паустовский. Предисловие к сборнику произведений А. Грина «Золотая цепь». М, 1939

Весной 1913 года Александр Грин был принят в Литературный фонд.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Сохранилось письмо Грина председателю фонда С.А. Венгерову:

«Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич!

Я написал и посылаю Вам свою краткую автобиографию, с перечнем изданий, где приходилось мне быть напечатанным. В непродолжительном времени я пришлю Вам все свои книжки. Но вот беда – совсем не помню, по каким именно NN различных изданий прошли рассказы. Помню только года. Скажите, пожалуйста, нужно это обязательно, или нет? Рассказов, которых нет в имеющих быть присланными мною книжках, – около 60. В большинстве случаев это скверные, наспех написанные вещи, их не стоит читать.

На иностранные языки меня еще не переводили, за исключением одной латышской и еврейской газеты (не помню – какие), а вчера я получил из Мюнхена предложение перевести меня для издания у Георга Мюллера на немецком языке.

С глубоким уважением А.С. Грин. СПБ, 2-я рота, дом

7, кв. 24.

15 марта 1913 года.

А.С. ГРИН

Я родился в городе Слободском Вятской губернии в 1881 году (Грин ошибся на год – авт.), 11 августа, но еще грудным ребенком был перевезен в Вятку, где и жил безвыездно до шестнадцати лет вместе с родителями. Мой отец Степан Евсеевич Гриневский, происходит из рода дворян Виленской губернии. Дедушка, т. е. отец моего отца, был крупным помещиком Дисненского уезда. В 1863 году отец по делу польского восстания был арестован, просидел 3 года в тюрьме, а затем пробыл 2 года в ссылке в Тобольской губернии. Имение, разумеется, конфисковали. Освобожденный общей амнистией того времени, отец пешком добрался до Вятки и здесь в конце концов основался, поступив на земскую службу, где служит и сейчас бухгалтером губернской земской больницы. Ему 71 год. Он женился в Вятке на девице из мещан, Анне Степановне Ляпковой, моей матери, умершей, когда мне было 12 лет.

Мои две сестры и брат (родившиеся позже меня) не имели никакого значения в моей жизни, кроме личных, очень хороших с ними отношений, и поэтому говорить о них я не буду. Детство мое было не очень приятное. Маленького меня страшно баловали, а подросшего за живость характера и озорство – преследовали всячески, включительно до жестоких побоев и порки. Я научился читать с помощью отца шести лет, и первая прочитанная мною книга была «Путешествие Гулливера в страну лилипутов и великанов» (в детском изложении). Мать тогда же научила писать. Мои игры носили характер сказочный и охотничий. Мои товарищи были мальчики-нелюдимы. Я рос без всякого воспитания. В десять лет отец купил мне ружье и я пристрастился к охоте.

Девяти лет я поступил в реальное училище, но после двух исключений за скверное поведение (так называли) был исключен окончательно в третий раз из третьего класса за стихотворный пасквиль на учительский персонал. Меня отвели в городское четырехклассное училище, которое я, после одного исключения, окончил благополучно в 1896 году. Начав читать с шести лет, я читал все, что под рукой было, сплошь, от «Спиритизма с научной точки зрения», до Герштекера и от Жюля Верна

до приложений к газете «Свет». Тысячи книг сказочного, философского, геологического, бульварного и иного содержания сидели в моей голове плохо переваренной пищей. Летом 1896 года с 20 рублями в кармане и советами «не пропасть» я отправился в Одессу, мечтая сделаться моряком. Надо сказать также, что в детстве я усердно писал плохие стихи, а отец, через год после смерти матери, женился вторично.

Поголодав с месяц в Одессе, я поступил матросским учеником на пароход «Платон», позже матросом на «Цесаревич», еще позже – на парусное херсонское судно. В промежутках работал чернорабочим. Затем меня потянуло домой (через год), дела мои пошли скверно. Я выехал зайцем через Ростов-на-Дону – Волгу – к реке Вятке и прибыл домой, где всю зиму переписывал роли местной драматической труппе, выступая изредка в третьестепенных ролях. С неделю я посещал также железнодорожную школу (телеграфисты, кондуктора и пр.), но это мне скоро надоело. Я жил от отца отдельно, он помогал мне. Летом 1898 года я уехал в Баку, где служил на рыбных промыслах, на пароходе «Атрек» (компания «Надежда»), а больше всего был Максимом Горьким. Изнурительная лихорадка заставила меня покинуть Баку, я приехал зайцем домой (весной 1899 года) и поступил банщиком на станцию Мураши Пермь-Котласской дороги. С осени я стал работать в железнодорожных мастерских Вятского депо и строгал различное дерево на различных машинах до весны. В апреле я поступил матросом на баржу, но в Нижнем рассчитался, вернулся в Вятку и глухой зимой ушел пешком на Урал. Я работал на Пашийских приисках, на домнах, в железных рудниках села Кушва (гора Благодать), на торфяниках, на сплавке и скидке дров и дровосеком. К осени мне это надоело.

Я вернулся домой и стал снова переписывать роли для театра и бедствовал. В этом же году (1901-м) я по желанию отца (а, отчасти, и по своему собственному) был сдан в солдаты. Служить мне пришлось в Пензе, в 213-м Оровайском резервном батальоне. Службу я возненавидел мгновенно и, достаточно просидев в карцере, бежал летом 1902 года, но был пойман в Камышине и отсидел еще месяц. Скоро я познакомился с революционерами. Они устроили мне второй побег зимой 1902 года. Я приехал в Симбирск, где, поработав

некоторое время на лесопильном заводе, ранней весной был отправлен в Саратов. Отсюда я выехал через месяц и скитался по разным городам России вплоть до Севастополя, где был арестован в ноябре 1903 года за пропаганду во флоте и крепостной артиллерии.

Я просидел почти два года. Меня присудили к лишению всех прав и бессрочной ссылке на поселение. 17 октября 1905 года освободило меня. В декабре того же года я был арестован в Санкт-Петербурге и в начале июля 1906 года выслан административно в Туринск, Тобольской губернии, откуда через день бежал и приехал в августе в Москву. Здесь я, прожив дней десять, написал первый рассказ для мягковского «Колокола» (издательство) под названием «Заслуга рядового Пантелеева». Мне дали сто рублей. Я приехал в Петербург. Здесь, живя по подложному паспорту, я стал писать. Мой первый литературный рассказ «В Италию» напечатал в начале 1907 года А. Измайлов в «Биржевых ведомостях». Затем два рассказа напечатал В.С. Миролюбов в «Трудовом пути», и я продолжал писать.

Летом 1910 года я был арестован, как нелегальный, и, отсидев положенные три месяца, отправился в Архангельскую губернию сроком на 1 год и 7 месяцев. Мне назначили уездный город Пинегу, затем, к осени 1911 года, перевели в Архангельск. Весной, 15 мая 1912 года, я освободился, вернулся в Петербург и теперь имею право носить настоящее имя. Главное событие моей жизни – встреча с В.П. Абрамовой, ныне моей женой».

Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

На каком-то литературном вечере С.А. Венгеров подошел к Науму Яковлевичу Быховскому и спросил, указывая на Грина:

– Вы, кажется, хорошо знакомы с Грином? Он подал заявление о своем желании вступить в члены литературного фонда. Но говорят, что он беглый каторжанин, что он убил свою первую жену, а потом – английского капитана, у которого украл чемодан с рукописями; теперь он их переводит и выдает за свои произведения. Мы в большом затруднении – можно ли принять его в литературный фонд?

Н.Я. Быховский уверил Венгерова, что Грин сидел в тюрьме только по политическому делу, ни одного иностранного языка не знает и пишет свои рассказы

самостоятельно. После этого Александр Степанович был принят в литературный фонд.

В. Абрамова. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Странен и непривычен был Грин в обычном кругу писателей-реалистов, бытовиков, как их тогда называли. Чужим он был среди символистов, акмеистов, футуристов…

«Трагедия плоскогорья Суан» Грина, вещь, которую я оставил в редакции условно, предупредив, что она может пойти, а может и не пойти, вещь красивая, но слишком экзотическая…» Это строки из письма Валерия Брюсова, редактировавшего в 1910–1914 годах литературный отдел журнала «Русская мысль». Они очень показательны, эти строки, звучащие как приговор. Если даже Брюсову, большому поэту, чуткому и отзывчивому на литературную новизну, гриновская вещь показалась хотя и красивой, но слишком экзотической, которая может пойти, а может и не пойти, то каково же было отношение к произведениям странного писателя в других российских журналах?

В. Вихров. Рыцарь мечты. Предисловие к собранию сочинений А. Грина в 6 томах. М, 1965

Одно время в Петербурге ходил слух, будто Грин – просто-напросто полуграмотный матрос, не умеющий связать двух слов. А рассказы, которые он печатает, украдены им у какого-то капитана дальнего плавания, погибшего во время кораблекрушения.

Особо «осведомленные» сплетники и фантазеры доходили даже до подробностей, рисуя картину, как во время этой катастрофы сам Грин спасается, привязав себя к большому сундуку, в котором находились рукописи капитана.

Слушая эти бредни, Александр Степанович только посвистывал и говорил с веселой усмешкой:

– Можно подумать, что я делюсь своим гонораром с этими услужливыми болтунами. Благодаря их россказням мои книжки лучше покупают!

Впрочем, он знал себе цену и шел своей дорогой.

Н. Вержбицкий. Светлая душа. Журнал «Наш

современник», 1964, № 8; Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Летом 1913 года петербургское издательство «Прометей» выпустило трехтомник А. Грина из 24 рассказов. Тогда же А. Грин навестил в Вятке больного отца, умершего 1 марта 1914 года – сам А. Грин в это время лечился в клинике доктора Трошина. За несколько месяцев до этого Грин разошелся со своей первой женой Верой Павловной Абрамовой.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Мы встретились в маленькой пивной на Рыбацкой улице Петроградской стороны. Грин был в старой круглой бобровой шапке, в потертом длинном пальто с меховым воротником. Сухощавый, некрасивый, довольно мрачный, он мало располагал к себе при первом знакомстве. У него было продолговатое, вытянутое лицо, большой неровный, как будто перешибленный, нос, жесткие усы. Сложная сетка морщин наложила на лицо отпечаток усталости, даже изможденности. Морщин было больше продольных. Ходил он уверенно, но слегка вразвалку. Помню, одной из первых была мысль, что человек этот не умеет улыбаться.

В те времена как писатель Грин был мало известен. Толстые, почтенные журналы редко пускали его на свои страницы. Он печатался в бесчисленных тоненьких, маленьких журнальчиках, вроде «Родины», «Синего журнала», «Аргуса», «Огонька». Маленькие журнальчики печатали Грина много и охотно и никогда не отказывали ему в кредите.

Выходили у Грина в маленьких частных издательствах (других тогда не было) небольшие книжки рассказов. Расходились они, насколько помню, туго. Читатель был падок на гремевшие тогда имена: запоем читали Л. Андреева, обыватели и обывательницы зачитывались Вербицкой, издававшейся небывалыми по тем временам тиражами. Читали Каменского, Арцыбашева, Муйжеля, Ясинского. Вообще шумно звенели имена писателей, теперь накрепко забытых. Имя Грина как-то терялось среди них. Но и тогда о нем уже ходили легенды. Рассказывали, будто Грин украл у какого-то моряка чемодан с рукописями и печатает похищенные у неведомого автора фантастические

рассказы. К этому прибавляли, что Грин совершил какие-то необычайные преступления, с похищениями и убийствами людей, бегал из тюрем и с каторги. Все эти толки, разумеется, никаких оснований не имели, за исключением легенды тюремной. Грин действительно сидел в тюрьме за причастность к какой-то революционной организации или революционному подполью. Будучи человеком молчаливым, он вообще мало говорил, а охотнее слушал, тем более не любил, а вероятно, и не хотел рассказывать о своем прошлом.

Грин никогда не был путешественником, не видел экзотических дальних стран, покрытых пальмовыми рощами и пересекаемых таинственными реками, не видел городов с необычными названиями. Все это он прекрасно умел выдумывать. Зоркости его глаза, точности описаний поражались крупные мастера.

Путешествия Грина обычно начинались и кончались в знакомых петербургских кабачках, встречами с приятелями из петербургской бедной богемы, с людьми, ничуть не похожими на фантастических героев его фантастических рассказов. Пили, сознаться, много и шумно. На Невском в те времена было несколько кавказских погребков. Там подавали шашлык и кахетинское вино. Начиная в одном, мы нередко перебирались потом в другой, третий… Часто бывали в ресторане Черепейникова (в просторечии «Черепня») на Литейном, в ресторане Давыдова (у нас бытовало выражение «пойти к Давыдке») на Владимирском. Этот ресторан был штаб-квартирой петербургских газетчиков. Куприн описал его в рассказе «Штабс-капитан Рыбников». Ходили главным образом по дешевым трактирчикам; в «Вене», дорогом по тем временам ресторане, почти не бывали.

В начале войны я поселился в меблированных комнатах Пименова и поступил на курсы братьев милосердия. В эту зиму мы особенно часто встречались с Грином. Он жил этажом выше. Занимал он большую, светлую, скудно меблированную комнату, окно которой выходило на Пушкинскую. Помню простой стол, темную чернильницу и листы бумаги, исписанные стремительным характерным почерком, – разбросанные страницы рукописи. Писал Грин быстро, сосредоточенно и в любое время дня. Я не помню случая, чтобы обещанный журналу рассказ он не сделал в срок.

В те дни, когда Грин много писал, мы мало общались. Забегали пообедать в маленькую греческую столовую на углу Невского и Фонтанки и возвращались домой. С начала войны в Петрограде запретили продавать алкогольные напитки. Но в пригородах – Царском селе, Гатчине и Павловске – продавали виноградное вино. Иногда мы с Грином отправлялись в один из ближайших пригородов за вином. Как-то на перроне Царскосельского вокзала нам встретился Распутин. Мы узнали его по фотографиям, печатавшимся в тогдашних журналах, по черной цыганской бороде, по ладно сшитой из дорогого сукна поддевке. Грин не удержался и отпустил какое-то острое словечко. Распутин посмотрел на нас грозно, но промолчал и прошел мимо.

И.С. Соколов-Микитов. Давние встречи. Человек из Зурбагана. Л, 1976

После начала Первой мировой войны за Грином, получившим в охранке кличку «Невский», в Петрограде некоторое время велась слежка – с 3 по 11 сентября, 20 октября, 6 ноября 1914 года, 7 июня 1915 года.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

В донесениях наружного наблюдения сохранилось описание внешности А. Грина того времени:

«Наблюдение за «Невским».

Приметы «Невского»: лет 40–45, высокого роста, тонкого сложения, шатен, лицо продолговатое, худощавое, нос прямой, рыжеватые, коротко остриженные усы, бороду только что сбрил. Одет: черная мягкая шляпа, черная накидка, серые брюки. «Невский» проживает: Пушкинская улица, дом 1, меблированные комнаты Пименова».

Е. Прохоров. Александр Грин. М, 1970

Он был высок ростом, худощав – я бы сказал, долговяз, сутул, с длинным узким лицом, изрезанным морщинами, и даже с каким-то шрамом. По характеру он был скорее сумрачен. Я не помню, например, чтобы он когда-нибудь весело хохотал. Это не мешало ему быть остроумным и занимательным собеседником.

Единственно, чего он не терпел в разговорах, это расспросов о его жизни и приключениях. Тут он отделывался каким-нибудь замечанием, вреде: «Да всякое бывало». Но когда заходил разговор о литературе, он загорался и мог спорить сколько угодно.

Любопытно, что никогда, ни при каких обстоятельствах Грин не говорил о характере его арестов и ссылок.

Новое об Александре Грине. Журнал «Дон», 1965, № 7

В 1912–1917 годах в Петрограде Александр Грин дружил с Александром Куприным, который ввел его в редакцию журнала «Современный мир».

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Куприн, предпочитавший общество клоунов, кучеров и борцов обществу иных праздноболтающих литераторов, встретил в Грине родственную душу. Посещение какого-нибудь трактира означало для обоих таинственное путешествие по извилинам чужой души и мозга, как говорил Куприн, и у обоих возникал острый профессиональный интерес к новому собеседнику, когда под влиянием вина откровенность делала его рыцарем или хамом, как говорил Грин.

Имя Грина замелькало в десятках петербургских изданий. Одно время, с чужим паспортом в руках, он подписывался то Мальгиновым, то А. М-овым, то Степановым, то Александровым, то Викторией Клемм, то Еленой Моравской.

Грин писал рассказы, стихи, басни, фельетоны, юморески, вокруг него и в нем бушевало наводнение тем. Писал с размаху, был заражен образами и сюжетами.

Неутомимый, жизнелюбивый, навеки влюбленный в писательство, Грин был неистощим в своей литературной молодости и получил кличку «мустанг».

Чехов начинал «Мелочью» в «Осколках», молодой Куприн зарабатывал на хлеб в «Одесских новостях» и в «Киевской мысли», Грину приходилось писать ради копейки для газеты «Копейка», для «Петербургского листка», для легковесного «Синего журнала».

Л. Михайлова. Александр Грин. М, 1980

Полдень. Редакция журнала «Жизнь и суд». Я сижу за работой. Звонок телефона. Беру трубку. Говорят из редакции журнала «Пробуждение» и любезно предупреждают: «К вам направился писатель Грин». Это из числе серьезных предупреждений. Грин, являясь в редакцию, умел-таки разговаривать с издателями. Отделаться от него и отпустить его без настоятельно требуемого аванса было нельзя. Грин в отношении издателей был поистине неумолим.

Я сказал о тревожном сигнале издателям – двум братьям Залшупиным. Те, не желая платить Грину аванс, быстро схватили свои шляпы, пальто – и были таковы. Я был оставлен «на съедение», но Александр Степанович служащую в редакции братию не трогал.

Пришел Грин. Человек лет сорока, в обветшалом одеянии, в какой-то немыслимой порыжелой шляпе, плохо выбритый.

– Вот, – сказал он, положив на стол свернутую исписанную бумагу, – рукопись.

Он, не снимая шляпы, уселся против меня в кресло и неторопливо начал закуривать.

– Оставьте, Александр Степанович, – сказал я, – не задержу.

– Оставить можно, – ответил Грин, – но мне сейчас необходим аванс в сто рублей. Прошу.

– Ничего не выйдет. Издателей нет, а без них деньги контора не выплатит.

– Почему не выйдет? – изумился Грин. – Выйдет, еще как выйдет! Я подожду прихода издателей и сам поговорю с ними. Не люблю я эту людскую разновидность, но разговаривать с ними люблю.

Он снял пальто, повесил его на спинку стула, кряхтя взобрался на диван. Вскоре он повернулся лицом к спинке дивана и легкое всхрапывание послышалось в комнате.

Раздался телефонный звонок. Звонил издатель, я рассказал ему ситуацию.

– Ладно, – сказал недовольный Борис Соломонович Залшупин, – позвоню немного позже.

Позвонил позже. Ничего не изменилось, вопрос не разрешался. Раздраженный издатель предложил мне выдать настойчивому писателю пятьдесят рублей и

«сплавить» его.

Я разбудил Грина и сообщил о решении издателя. Увы, Грина это не устраивало. Он, твердо убежденный в своем праве, требовал все сто.

Новый звонок по телефону, печальная информация и рев издателя.

– Дайте ему сто рублей, пусть отвяжется.

Получив сто рублей, Грин снисходительно похлопал меня по плечу и назидательно сказал: «Вот как нужно с ними действовать, иначе эти людишки не понимают. Не забудьте, что мы торгуем своим творчеством, силой мышления, фантазией, своим вдохновением! Пока!»

И. Хейсин о А. Грине. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

В июле 1916 года Александр Грин ненадолго приезжал в Вятку и жил у мачехи в доме Нурминских на Кикиморской улице (в настоящее время улица Водопроводная, 12) около двух недель.

В декабре 1916 года за непочтительное высказывание о царствующей династии Романовых в ресторане Александра Грина выслали из Петрограда в Финляндию, в поселке Лунатиокки, расположенный в 70 километрах от Петрограда.

Узнав о Февральской революции 1917 года писатель пешком ушел в Петроград, где стал активно печататься в журналах.

В 1917 году у А.С. Грина было 54 публикации, в 1918 – 35. Он печатался ежемесячно в «Огоньке», «Новом Сатириконе», «Биче», «Свободном журнале», «Синем журнале», «Петроградском голосе», «Чертовой перечнице», «Честном слове», «Мире», «Журнале для всех», «Пламени», «Всевидящем Оке», других изданиях.

В 1918 году А.С. Грин жил в Москве на Якиманке, у своего товарища Николая Вержбицкого, работал в «Газете для всех», «Честном слове», других изданиях.

Лето 1918 года Грин провел под Москвой, в Барвихе.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Надо было писать, зарабатывать на жизнь. Быстрее всего дело оборачивалось в еженедельных журналах. Туда можно было принести рассказ или стихотворение и тут же получить от редактора записку в бухгалтерию с

просьбой – выдать подателю такую-то сумму. Суммы были невелики: за рассказ размером в пол-листа Грину платили 60–70 рублей.

В нашей комнате было темновато. Для работы мы занимали места на двух смежных подоконниках – Грин слева, я справа. Работали молча. Грин писал на отдельных небольших листках, разборчивым почерком, с небольшим количеством поправок.

Когда мы жили в Барвихе, у Грина не было никаких средств к существованию. Чем он жил в это время, трудно было догадаться. И имущества у него никакого не было, кроме чемоданчика со сменой белья и куском мыла.

Устроившись на балконе у крестьянина-дачевладельца, он спал на войлоке, брошенном на сундук. А днем, свернув войлок в трубку, на этом же сундуке писал и ел, сидя на низенькой скамеечке. Хлебных карточек у него не было. Да и хлеба в то время выдавали по сто граммов в день.

Иногда Грин ночью уходил в поле и выгребал руками картофелины величиной с грецкий орех. Ел их сырыми, немного подсаливая. Варить было нельзя – хозяин, узнав об этом, немедленно выгнал бы постояльца.

Н. Вержбицкий. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Осенью 1918 года А.С. Грин переехал в Петроград.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Помню, осенью 1918 года Александр Степанович сказал мне:

– Я женился, переехал к Марии Владиславовне Долидзе. Я там хозяин, сижу за обеденным столом в кресле. Завтра у нас прием – гости.

Я порадовалась за Александра Степановича: значит, у него опять есть домашний уют. Но брак этот длился недолго. Зимой я получила от Александра Степановича письмо, в котором он просил навестить его, так как он вновь одинок. Я нашла Грина на Невском, между Литейным и Надеждинской, на третьем дворе. Комната была маленькая и в мороз нетопленная. Но я ничем не могла помочь Александру Степановичу, так как в 1918–

1919 годах мы, как и все петроградцы, голодали. Я принесла только две большие тыквы. Спросила его, почему он уехал от Долидзе.

– От меня стали прятать варенье и запирать буфет. Я не приживальщик; не моя вина, что негде печататься. Я потом все бы выплатил. Я послал всех куда следует и ушел.

В январе 1919 года Александр Степанович переехал в хорошую комнату окнами в сад, на 11-й линии Васильевского острова, в дом, ранее принадлежавший богачу Гинцбургу. Когда стало известно, что все дома в Петрограде будут национализированы, родственница Гинцбурга, охранявшая дом, предложила его «Обществу деятелей художественной литературы». В «Обществе» принимал деятельное участие М. Горький. В его состав входило большинство тогдашних крупных писателей: Ф. Сологуб, А. Блок, К. Чуковский, В. Шишков, Д. Цензор и другие. Большинство жителей этого дома принимало активное участие в советских журналах того времени. А. Грин участвовал в художественном отделе журнала, издававшегося Ленинградской милицией.

«Общество деятелей художественной литературы» просуществовало недолго, его члены разошлись по вновь образовавшимся организациям: Союз писателей, Союз поэтов», Цех поэтов, Дом искусств.

Александр Степанович прожил в доме «Общества» до лета 1919 года, когда его призвали на военную службу.

В. Абрамова. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Весной 1919 года Грин был призван в Красную Армию и год прослужил в караульном полку в городе Острове Псковской губернии. В армии А.С. Грин заболел тифом и его перевезли в Петроград.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Осенью 1919 года Александр Степанович, как не достигший сорокалетнего возраста, был призван в армию. Военная служба никогда не привлекала его: ни в молодости, когда он добровольно пошел в солдаты, вынужденный к тому мрачно сложившимися обстоятельствами, ни теперь. Часть, в которую его назначили, вскоре была переброшена в Псковскую

область, к городу Острову; километрах в тридцати от него находился фронт. Воевали с белополяками. Александр Степанович был причислен к роте связи и целые дни ходил по глубокому снегу, перенося телефонные провода.

Однажды, изголодавшийся, грязный, завшивевший, обросший бородой, в замызганной шинели, с маленьким мешком за спиной, тусклым зимним утром сидел он в небольшой красноармейской чайной, битком набитой разговаривающими, поющими, ругающимися людьми.

Выйдя из чайной, Грин поплелся в сторону железной дороги. Именно поплелся, так как от слабости подгибались ноги. На станции поездов не было, лишь на третьем пути стоял санитарный поезд без паровоза. На одной из вагонных площадок Александр Степанович увидел врача.

– Ваш поезд куда уходит? – спросил Грин.

– В Петроград, – угрюмо ответил врач.

Александр Степанович попросил осмотреть его. Внимательно прослушав больного, врач буркнул: «Туберкулез», – и приказал санитару вымыть, остричь и положить Александра Степановича на койку. Через час Александр Степанович в чистом белье лежал в чистой постели.

Ночью поезд двинулся. Александр Степанович спал мертвым сном. Остановка в Великих Луках, – врачебная комиссия. Александр Степанович получает двухмесячный отпуск по болезни. Довезли до Петрограда. Жилья нет, все живут холодно и голодно. Александр Степанович ночует то у тех, то у других знакомых. Температурит. Больницы переполнены. Температура сорок. Боясь умереть, как многие тогда умирали, он идет за помощью к М. Горькому.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Александру Грину помог Горький, 15 марта 1920 года назначенный председателем Центрального комитета по улучшению быта ученых – ЦЕКУБУ.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Ни крова, ни еды у Грина не было. Плохо одетый, голодный и больной, он пошел к Алексею Максимовичу

и рассказал ему о своем тяжелом состоянии. Горький, видя, что Грин болен, дал ему записку в лазарет, в Смольный. Через три дня, когда выяснилось, что у Грина не грипп, а сыпной тиф, он был переведен в Боткинские бараки, где и пролежал 28 дней. Отсюда Грин послал Горькому два письма. В одном из них он просил Алексея Максимовича прислать ему меда и чая, а в другом было завещание на случай смерти – передать все литературное имущество первой его жене Вере Павловне Гриневской, которая тогда находилась в Казани.

«Дорогой Алексей Максимович! У меня наметился сыпняк, и я отправляюсь сегодня в какую-то больницу. Прошу Вас, если Вы хотите спасти меня, то устройте аванс в 3000 рублей, на который купите меда и пришлите мне поскорее. Дело в том, что при высокой температуре (у меня 38–40 градусов) мед – единственное, как я ранее убеждался, средство вызвать сильную испарину, столь благодетельную. Раз в Москве (в 1918 году), будучи смертельно болен испанкой, я провел всю ночь за самоваром и медом; съел его фунта полтора, вымок необычайно, а к утру был здоров.

В смольнинском лазарете известно, куда меня отправили. Во втором письме мое завещание. Жена живет Зверинская 17б кв. 25, но еще не приехала из Казани и вестей о ней давно не имею.

Горячо благодарный Грин.

26 апреля 1920 года, Санкт-Петербург, Смольный лазарет».

> *Н. Изергина. Грин и Горький. Кировский педагогический институт. Ученые записки. Вып. 20. Киров, 1965*

Грин болел тяжело. Он вышел из больницы почти инвалидом. Без крова, полубольной и голодный, с тяжелыми головокружениями, он бродил целыми днями по гранитному городу в поисках пищи и тепла. Было время очередей, пайков, коптилок, черствых корок хлеба и обледенелых квартир.

> *К. Паустовский. Предисловие к сборнику произведений А. Грина «Золотая цепь». М, 1939*

В мае 1920 года Грин, еще не окрепший, вышел из больницы.

По ходатайству М. Горького А. Грину дали академический паек и комнату на Набережной Мойки, 59, в «Доме искусств».

Тогда же Александр Грин написал повесть «Сокровище африканских гор», выпущенную в издательстве «Земля и фабрика» в 1925 году.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

А.С. остро чувствовал трагическую безвыходность своего положения и снова пошел к Горькому. Тот отдал ему письмо к заведующему Петроградским военным округом, прося откомандировать А.С. (как красноармейца) в библиотеку организованного в то время Горьким Дома искусств, который предназначался для писателей, поэтов, художников.

А.М. Горький привлек Грина к детскому отделу издательства Гржебина и предложил ему написать два романа для юношества, один – о путешествии Нансена на Северный полюс, другой – путешествиях Ливингстона и Стенли в Африку.

Н. Изергина. Грин и Горький. Кировский педагогический институт. Ученые записки. Вып. 20. Киров, 1965

Просьба Горького была уважена, и Грин поселился на Мойке, у Полицейского (ныне Народного) моста, в Доме искусств.

Переехал Александр Степанович туда в мае 1920 года. Здесь я его и увидела. Застала я Александра Степановича здоровым и веселым.

Дом искусств был открыт в декабре 1919 года. Сначала он был задуман как филиал Московского Дворца искусств, но очень скоро вырос в самостоятельное учреждение. Во главе дома стоял М. Горький, средства же давал Народный комиссариат просвещения.

Потребность в создании Дома искусств была большая. Прежние писательские группировки вокруг журналов исчезли вместе с журналами, а собираться где-нибудь, чтобы обсудить свои профессиональные нужды, было необходимо. Кроме того, многие литераторы, музыканты, художники во время голода занялись всевозможными побочными заработками, отрываясь,

таким образом, от своей профессии. Чтобы помочь им выбраться из тяжелого материального положения, при Доме искусств было открыто общежитие. В нем Грин и получил хорошую меблированную комнату. Там же можно было получать и обед.

В помещении Дома искусств устраивал свои вечера Союз поэтов и позднее молодое общество – Цех поэтов.

8 декабря 1920 года выступил Александр Степанович Грин со своей феерией – «Алые паруса». Публика приняла эту поэтическую повесть очень тепло. Александр Степанович рассказал мне, что вынашивал повесть пять лет; черновик ее лежал у него в походной сумке, когда он был на военной службе.

В. Абрамова. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Чтобы попасть в комнату Грина, надо было пройти через большую кухню, потом спуститься по ступенькам в небольшой коридорчик. К нему примыкал перпендикулярно длинный темный коридор, слева вторая или третья дверь вела в комнату Александра Степановича. Видимо, в комнатах этих в прошлом жила прислуга.

Комната – небольшая, длинная, полутемная. Высокое узкое окно выходит в стену, на окне почти всегда спущена белая полотняная штора. В комнате и днем горит электричество.

Справа от двери большой платяной шкаф, почти пустой, так как у Александра Степановича не было лишней одежды. Слева большая железная печь-«буржуйка». На полу почти во всю комнату простой зелено-серый бархатный ковер. За шкафом вплотную такое же зелено-серое глубокое четырехугольное бархатное кресло. Перед ним маленький стол, покрытый салфеткой, узкой стороной к стене. За ним железная кровать, покрытая темно-серым шерстяным одеялом. Над нею большой портрет Веры Павловны (стоит в три четверти, заложив руки за спину) в широкой светло-серой багетной раме – увеличенная фотография. За кроватью стул.

Слева, за печкой, стул; за ним простой небольшой комод, покрытый какой-то блеклой цветной скатертью. На комоде – две фотографии Веры Павловны в детстве и юности, в кожаной и красного дерева рамках,

фотография отца Александра Степановича, чарочка с оленем крошечная саксонская статуэтка – пастушок с барашком и собачка датского фарфора, длинноухий таксик, – подарок Веры Павловны, небольшое зеркало, пачка чистых гроссбухов для писанья, чернильница, карандаш и ручка с пером. В одном ящике комода пачка рукописей, в другом – смена белья, в остальных – пусто. За комодом – третий стул. Вот и все.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Как сейчас: вижу его невзрачную, узкую и темноватую комнатку с единственным окном во двор. Слева от входа стояла обычная железная кровать с подстилкой из какого-то половичка или вытертого до неузнаваемости коврика, покрыта в качестве одеяла сильно изношенной шинелью. У окна ничем не покрытый кухонный стол, довольно обшарпанное кресло, у противоположной стены обычная для тех времен самодельная «буржуйка» – вот, кажется, и вся обстановка этой комнаты с голыми, холодными стенами.

Грин жил в полном смысле слова отшельником, нелюдимом и не так уж часто появлялся на общих сборищах. С утра садился он за стол, работал яростно, ожесточенно, а затем вскакивал, нервно ходил по комнате, чтобы согреться, растирал коченеющие пальцы и снова возвращался к рукописи. Мы часто слышали его шаги за стеной, и по их ритму можно было догадываться, как идет у него дело. Чаще всего ходил он медленно, затрудненно, а порою стремительно и даже весело, – но все же это случалось редко. Хождение прерывалось паузами долгого молчания. Грин писал. В такие дни он выходил из комнаты особенно угрюмым, погруженным в себя, нехотя отвечал на вопросы и резко обрывал всякую начатую с ним беседу.

Обитатели дома вообще считали его излишне замкнутым, необщительным и грубоватым. С ним мало кто хотел водиться. К тому же кое-кто и побаивался его острого, насмешливого взгляда и неприязненного ко всем отношения. Один из старых литераторов, сам человек нервный и желчный, заметил однажды: «Грин – пренеприятнейший субъект. Заговоришь с ним и ждешь, что вот-вот нарвешься на какую-нибудь дерзость». В этом была крупица истины. Грин мог быть порою и резким, и

грубоватым. Жил он бедно, но с какой-то подчеркнутой, вызывающей гордостью носил он свой до предела потертый пиджачок и всем своим видом показывал полнейшее презрение к житейским невзгодам.

Внешность у него была в то время мало располагающая к себе. Худощавый, подсохший от недоедания, всегда мрачно молчаливый, он казался человеком совсем иного мира. Многие, знавшие его только внешне, отказывали ему даже в интеллигентности, говорили, что он похож на маркера из трактира, на подрядчика дровяного склада и т. д.

Но таким Грин был для тех, кто знал его очень мало. Он словно сам заботился о том, чтобы окружить себя атмосферой неприязни, отгородиться нарочитой грубостью от всякого непрошеного вмешательства в его внутренний мир. Годы бесприютной скитальческой жизни и порою полуголодного существования даже в относительно благополучные для литераторской среды времена приучили его к настороженности и осторожности. И мало кто из знавших его в то время подозревал, сколько настоящего, светлого лиризма было в его душе, сколько подлинной любви к человеку, веры в светлые качества его существа и великие творческие возможности. Недаром именно им, общепризнанным «мизантропом», «грубоватым циником», были созданы удивительные сказки и легенды о людях крепкой воли, страстной мечты, чистого душевного благородства.

Жизнь Грина была тяжелой, жестокой, порою почти беспросветной, но ничто не могло сломить в этом необычайном человеке прирожденного оптимизма и неустанного мужества. Очевидно, за эту веру в людей, за пылкий, пусть несколько наивный романтизм и любил Горький его рассказы, казалось бы, совсем далекие от реальной обстановки. И везде, где было нужно, защищал Грина от упреков в «нездешности», ласково-иронически называя его «полезным сказочником» и «нужным фантазером»

Жили мы в то время – в 1920–1921 годах – довольно скудно, хотя и получали выхлопотанный Горьким паек из Дома ученых. В дни получки устраивали долгожданные пиршества, в которых нередко, на общих началах, принимал участие и Грин. И тогда мы видели его разговорчивым, добродушно подсмеивающимся и совсем непохожими на обычного угрюмца.

С окончанием гражданской войны, с восстановлением нормальной жизни в городе, с появлением первых издательств, новых редакций постепенно сходила на нет и обособленная жизнь Дома искусств. Он прекратил свое существование, как писательское общежитие, и все мы, его обитатели, разошлись по своим гнездам. Исчез с моего горизонта и А.С. Грин. Лишь изредка встречал я его в какой-либо редакции, сменившего поношенную шинель на обычное пальто и мягкую шляпу. Он входил молча, несколько угрюмо кивал присутствующим и клал на стол секретаря рукопись очередного рассказа. Как-то мне пришлось видеть его, когда он пришел за ответом. Секретарь объяснял ему что-то, мялся при этом, и по всему было видно, как он мучительно подыскивает слова для приличной формулы отказа. Александр Степанович слушал его внимательно, ничего не возражая, и только под конец не выдержал:

– Да говорите прямо – не подходит. И все тут. Меня этим не удивишь. К тому ли еще я привык в жизни. А писать иначе я не могу. Не умею. Будьте здоровы.

И, забрав рукопись, удалился так же угрюмо, как и вошел.

Я долго не видел его после этой встречи. Грин уехал из Петрограда, – сказали, в Москву, а потом и вообще переселился на юг.

В. Рождественский. Страницы жизни. М, 1960; Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

В 1920 и 1921 году Грин и Горький, до его отъезда в Италию, часто встречались.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Это был очень высокий человек в выцветшей желтой гимнастерке, стянутой поясом, в черных штанах, сунутых в высокие сапоги. Широкие плечи его чуть сутулились. Во всех движениях его большого тела проявлялась сдержанность уверенной в себе силы. Резким и крупным чертам длинного лица его придавал особое, необычное выражение сумрачный взгляд суровых, очень серьезных, неулыбающихся глаз. Высокий лоб его изрезан был морщинами, землистый цвет осунувшихся, плохо выбритых щек говорил о недоедании и только что

перенесенной тяжелой болезни, но губы были сжаты с чопорной и упрямой строгостью несдающегося человека. Нос у него был большой и неровный.

Отворив дверь, человек этот остановился на пороге. Алексей Максимович, приподнявшись, протянул руку ему, сказал:

– Прошу.

И по обычаю своему взглянул в глаза вошедшему улыбающимися, внимательными своими глазами. Посетитель, храня все тот же мрачно-чопорный вид, поздоровался с Алексеем Максимовичем и вручил ему объемистую рукопись – это были исписанные размашистым почерком огромные, вырванные из бухгалтерского гроссбуха листы. Затем он сел на стул, заложил ногу на ногу, скрутил, важно и сосредоточенно поджав губы, козью ножку, закурил и в комнате запахло махоркой. От предложенных Алексеем Максимовичем папирос он вежливо отказался, объяснив, что любит крепкий табак.

Случайный и почтительный свидетель этой встречи, я из последовавшего затем разговора понял, что этот угрюмый человек в солдатской гимнастерке – писатель Александр Грин. Это было в двадцатом году.

М. Слонимский. Об авторе «Алых парусов». Журнал «Звезда», 1960, № 9

Зимой 1918 года Грин встретился с Ниной Николаевной Мироновой. Они поженились 23 февраля 1921. Официальная регистрация брака произошла 20 мая 1921 года в Петрограде – там сохранилась «Выпись о браке № 1010».

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Все знаменитые дни своей жизни Александр Степанович приурочивал к цифре «23», которую считал для себя счастливой: 23 августа 1880 года – его рождение; 23 июля 1896 года – отъезд в Одессу; 23 марта 1900 года – на Урал. 23 ноября 1894 года – родилась я. Александр Степанович говорил: «Значит, ты судьбою была мне назначена». 23 февраля 1921 года по старому стилю мы с ним поженились.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине.

Симферополь, 2000

Весной 1921 года Грины переехали из «Дома искусств» в снятую квартиру на улице Пантелеймоновской (Пестеля), дом 11, где прожили до февраля 1922 года. В 1923 году Грины жили на 8-й Рождественской улице, дом 21, квартира 10.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

В 1918 году, в начале зимы, я работала в газете «Петроградское эхо» у Василевского и там впервые увидела Александра Степановича Грина и познакомилась с ним. Он мне сначала показался похожим на католического патера: длинный, худой, в узком черном с поднятым воротником пальто, в высокой черной меховой шапке, с очень бледным, тоже узким лицом и узким, как мне тогда показалось, извилистым носом. Впоследствии это впечатление рассеялось, а про нос свой Александр Степанович, смеясь, говорил: на лице, похожем на сильно мятую рублевую бумажку, расположился нос, в начале формы римской – наследие родителя, но в конце своем – совершенно расшлепанная туфля – наследие родительницы.

Был Грин росту ровно два аршина восемь вершков, и вес никогда не превышал четырех пудов, даже в самое здоровое время. Был широк в плечах, но сильно сутулился. Волосы темно-каштановые с самой легкой проседью за ушами, глаза темно-карие, бархатистого оттенка, брови лохматые, рыжеватые, усы такие же. Нижняя челюсть выдавалась вперед, длинный неправильный рот, плохие зубы, черные от табака. Голова хорошей, чрезвычайно пропорциональной формы. Очень бледен и в общем некрасив. Все лицо изборождено крупными и мелкими морщинами.

Глаза его имели чистое, серьезное и твердое выражение, а когда задумывался, становились как мягкий коричневый бархат. И никогда ничего хитрого или двусмысленного во взгляде.

Руки у Александра Степановича были большие, широкие; кости – как бы в мешочках из кожи. Рукопожатие хорошее, доверчивое. Рукопожатию он придавал значение, говоря, что даже наигранно искренняя рука всегда себя выдаст в рукопожатии.

Грин редко смеялся. Но дома, без посторонних,

улыбка довольно часто появлялась на его лице, смягчая суровые линии рта.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

В снятую в мае комнату на Пантелеймоновской, 11 мы переехали 9 июня. В дни перед переездом Грин один ездил в Токсово. Кто-то из знакомых посоветовал ему провести там лето, восхищаясь красотой местности и озерами, и Александр Степанович захотел первые месяцы нашей совместной жизни провести в этой деревне в 40 километрах от Петрограда, в живописной местности у границы Финляндии, изобилующей лесами, озерами, рыбой, грибами и ягодами.

Местность, по его словам, так прекрасна, что было бы истинным счастьем пожить там месяца два. У меня загорелось сердце – поехать в Токсово.

Дорога от станции к деревне шла по заросшей вереском долине. Деревня, живописно окруженная лесом, стояла на высоком холме. Озера мы не увидели сразу. Александр Степанович, оставив меня на краю дороги, зашел к тому финну, где он присмотрел комнату. Комната не была занята и мы в ней поселились. Отдохнув с полчаса, попив молока, мы пошли на манившее нас озеро. И сразу очаровались. Извилистые тропинки вели к нему. Зарослями дикой малины, орешника, кустами черники и голубики полон был лес. Мы оба трепетали от наслаждения и предвкушения той прекрасной дикой жизни, какая нас, еще мало знавших друг друга, прельщала каждого в отдельности.

В тот год дачников в деревушке почти не было, за трудные голодные годы первых лет революции все буйно заросло, заглохло и затихло. Рыба была непуганая. Озера окружали деревню, замечательные озера, обросшие по берегам лесом, полным грибов и ягод.

Сначала мы раздобыли дырявую старую лодчонку, половили с нее несколько дней – скучно стало ежеминутно откачивать воду, пугая рыбу. В это время мы познакомились с местными жителями. За два кило сельдей в месяц, любимого лакомства местных финнов, получили право ежедневно пользоваться крепкой, небольшой, хорошо просмоленной лодочкой. Ну и заблаженствовали. Сначала жадно, ежедневно, чуть забрезжит заря, еще небо серое, выходили из дому и по

росистым, душистым тропинкам шли к озеру. Утренняя свежесть, розовеющий постепенно небосклон, то там то сям первое щебетанье просыпающихся в кустах птиц – как сладостны эти минуты! Мы в лодке, утренняя тишина прозрачна, лишь изредка нарушит ее чириканье пролетевшей птички, всплеск рыбы. Чуть шевеля веслами, чтобы не нарушить эту блаженную, чистую тишину, Александр Степанович ведет лодку к середине озера, к камням. Осторожно, еле всплескивая воду, спускаем якорь. Налаживаем удочки и молча сидим, ожидая момента клева. На заре он хорош. Окуни, плотва, ерши, лещи мелькают из воды один за другим, ловко подсеченные. Солнышко уже высоко. Клев утихает, корзина полна рыбы. Снимаемся с якоря и плывем к берегу – мы проголодались. По ожившим теплым, залитым солнцем тропинкам, через лес и кустарник, наполненные гуденьем пчел и щебетаньем птиц, возвращаемся домой. Из принесенной добычи дружно готовим завтрак и ложимся спать до обеда. Вечерами ходим на ловлю редко. Любим розовую, прозрачную тишину утра и вод. Вечером – шумно: на разные голоса кричит деревня, мычат и звенят колокольцами коровы. Тоже по-особенному хорошо, но не так, как на заре.

Летом 1921 года мы насладились рыбной ловлей полной мерой.

Прожив в Токсове до середины сентября, мы, нагруженные сухими и маринованными грибами, моченными и вареными ягодами, вернулись на Пантелеймоновскую.

Мы были бедняки. В комнате не было ни кровати, ни дивана для сна, и мы, набив матрацы соломой, спали на полу.

На Пантелеймоновской прожили до февраля 1922 года. Жилось по тогдашним временам материально скудновато, но, Бог мой, как бесконечно хорошо душевно.

Новую квартиру сняли на Песках, на 7-й Рождественской у старушки учительницы, имевшей какое-то отношение к Дому литераторов, где Грин с ней познакомился. Маленькая, скудно обставленная студенческая, грязноватая комната на пятом этаже, но зато светлая, с окном-фонарем на улицу.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине.

Симферополь, 2000

В 1921 году Александр Грин закончил свою самую знаменитую повесть – феерию «Алые паруса», которая была напечатана в 1923 году.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Грин писал, что в витрине магазина увидел «отлично смастеренный бот с правильно сидящим красным крылообразным парусом».

«История «Красных парусов» видимо, осязательно началась с того дня, когда, благодаря солнечному эффекту, я увидел морской парус красным, почти алым. Конечно, незримая подготовительная работа сделала именно такое явление отправным пунктом создания, но о ней можно говорить только как о предчувствии: я, например, слышу шаги за дверью и проникаюсь уверенностью, что неизвестный идет ко мне; я не знаю, кто он, как выглядит, что скажет и сделает, однако по отношению к этому еще не состоявшемуся посещению во мне работают неуловимые силы. Я ощущаю их, как теплоту или холод, но не властен понять. Наконец входит некто, в данном случае безразлично кто бы он ни был, и я перехожу к ясности сознания, действующего по определенному направлению. Таким предчувствовавшимся, но не вошедшим лицом был, примерно, солнечный эффект с парусами.

Надо оговориться, что любя красный цвет, я исключаю из моего цветного пристрастия его политическое, вернее – сектантское значение. Цвет вина, роз, зари, рубина, здоровых губ, крови и маленьких мандаринов, кожица которых так обольстительно пахнет острым летучим маслом, цвет этот – в многочисленных оттенках своих – всегда весел и точен. К нему не пристанут лживые или неопределенные толкования. Вызываемое им чувство радости сродни полному дыханию среди пышного сада. Поэтому, приняв солнечный эффект в его зрительном, а не условном характере, я постарался уяснить, что приковало мое внимание к этому явлению с силой хаотических размышлений.

Приближение, возвещение радости – вот первое, что я представил себе. Необычная форма возвещения указывала тем самым на необычные обстоятельства, в

которых должно было свершиться нечто решительное. Это решительное вытекало, разумеется, из некоего длительного несчастья или ожидания, разрешаемого кораблем с красными парусами. Идея любовной материнской любви напрашивалась здесь, само собой. Кроме того, нарочитость красных парусов, их, по-видимому, заранее кем-то обдуманная окраска приближала меня к мысли о желании изменить естественный ход действительности согласно мечте или замыслу, пока еще неизвестному»

А. Грин. Собрание сочинений в 6 томах. М, 1965, 1980

Тем временем в Каперне произошло такое замешательство, такое волнение, такая поголовная смута, какие не уступят эффекту знаменитых землетрясений. Никогда еще большой корабль не подходил к этому берегу; у корабля были те самые паруса, имя которых звучало как издевательство; и теперь они ясно и неопровержимо пылали с невинностью факта, опровергающего все законы бытия и здравого смысла.

Александр Грин. «Алые паруса». Собрание сочинений в 6 томах. М, 1965

В январе 1923 года критик Николай Ашукин писал об «Алых парусах» в выходившем в Петрограде журнале «Россия»:

«Книги Грина, странные и фантастичные, всегда увлекательны по фабуле, близкой к вымыслам путешествий и приключений Стивенсона или Хаггарда. Он оживляет старую романтику «бутылки рома», «морского волка», «матросов в приморской таверне», «железного пирата», – все те романтические цветы, которые за школьной партой волновали когда-то каждого. Грин возвращает нас к романтике нашей юности, заставляя воспринимать творческую фантастику так, как должно: бескорыстно увлекаясь, следить за действием механизма, движущего героев и события его повестей и рассказов, верить в условность места и времени действия, не требуя от автора тяжелого натурализма современного повествования. Прелесть творчества Грина в том, что оно литературно и не

выходит за пределы литературного искусства».

Тогда же от «Алых парусах» написал и Сергей Бобров в петроградском журнале «Печать и революции» (1923, № 3):

«Александр Грин – один из самых интересных наших прозаиков. Грин заметен был еще давно, при первых своих выступлениях задолго до войны. Он тогда удивлял еще – необыкновенно красиво, грациозно и изящноразвитым языком, простотой разговорного приема, чистой типичностью чужой речи, полным отсутствием фальши, тонкостью и глубиной содержания – и очень хорошо придуманными формами сюжета.

Повесть «Алые паруса» – большой связный рассказ, почти сказка, почти фантазия, но она ласкает вас своей неприкрашенной добротой, существенностью, той толерантностью к описываемому, которая не заключает в себе никакого предательства. Идиллизм автора всюду и во всем. Его описания другой раз образцовы, его замечания и образы – так и просятся в пример.

Это еще не совершенство, книга Грина, не окончательное мастерство, экспрессионистическая жажда искусства еще дает себе знать: роман этот не столько роман вообще, сколько роман автора с его книгой – но это живое, в этом есть истинное, – хочется верить, что Грин на этом не остановится».

В этот же период Александром Грином написан роман «Блистающий мир», напечатанный в 1923 году в журнале «Красная нива».

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Однажды Александр Степанович дал мне задачу – придумать для героини «Блистающего мира» имя легкое, изящное и простое. Два дня я была сама не своя. Сотни имен вереницей проходили перед моими глазами, и ни одно не подходило к тому, о чем думалось. Иногда нерешительно, чувствуя неправильность предлагаемого, я говорила Александру Степановичу то или другое имя. Он только отрицательно мотал головой. В один из вечеров Александр Степанович читал мне киплинговского «Рики-тики-тави». Окончилось чтение, и я, еще под впечатлением прочитанного, ходила, хозяйничая, вокруг печурки и напевала про себя: «рики-тики-тави» – и неожиданно закончилось само собой: «рики-тики-тави-тум!» И так в голову и ударило: Тави

Тум, Тави Тум – да ведь это же имя! Как из пушки выпалила:

– Сашенька! Тави Тум!

Он рассмеялся, видя мое волнение, и тоже радостно сказал:

– Вот это хорошо, Тави Тум – то, что подходит совершенно.

Так родилась Тави Тум.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Роман «Блистающий мир» построен мастерски. Он увлекателен, динамичен и держит читателя от начала до конца в напряжении. Действие романа происходит в 1913 году в обычном для Грина сказочном городе Лиссе. Содержание романа составляет борьба бескрылого буржуазного мира против «чуда», против мечты, воплощенной в образе летающего человека Друда. К ужасу тюремщиков, Друд вырывается, вылетает из тюрьмы, куда упрятали его, он побеждает всесильного министра с его полицией, побеждает спокойно, иронически, презрительно.

Но каковы стремления Друда? «Невидимка» Уэльса хочет завоевать мир. Грин лишает Друда желания вмешиваться в жизнь. Друд отвергает план овладения миром. Он говорит: «Мне ли тасовать ту старую истрепанную колоду, что именуется человечеством? Не нравится мне эта игра».

В противоположность «Алым парусам» в романе «Блистающий мир» действует герой, склонный к пассивности, пессимизму в оценке реальной жизни. Друд живет в сказочном бесплотном мире музыки, веселья, покоя, изредка только появляясь в мире реальном, где он вызывает ненависть не активностью своей, не какими-нибудь планами борьбы против косности людей, но просто необычностью своего чудесного свойства.

Мечта фатально гибнет от соприкосновения с действительностью. Друд погибает. Образ «разбитой мечты» реализован Грином в летающем человеке, который разбился при падении. И женщина, ненавидящая Друда за то, что он смутил ее земную жизнь чудесной мечтой, говорит над его трупом: «Земля сильнее его; он мертв, мертв, да, и я вновь буду жить, как жила». И люди продолжают прежнюю жизнь, ничего

не изменилось в этом косном мире.

Такова грустная философия этого противоречивого романа, написанного Грином непосредственно после оптимистических «Алых парусов». Ненависть к косности человеческой сочетается в этом романе с бессилием, беспомощностью, бесплотностью мечты. Энергичное развитие сюжета, динамичность композиции романа контрастирует со смутными и вполне пассивными идеалами главного героя, которые ежечасно опровергались жизнью в годы, в которые писался этот роман».

М. Слонимский. Об авторе «Алых парусов». Журнал «Звезда», 1960, № 9

Получив весной 1923 года большой гонорар за роман «Блистающий мир», Грины поехали отдыхать в Крым.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Александр Степанович наслаждался Севастополем не меньше меня. Он говорил, что красота и своеобразие города вошли в него настолько, что послужили прообразом Зурбагана и Лисса. Долго бродили по городу, смотрели на него и удивлялись – что в этом цветущем белом городе, легко взбегающем на прибрежные кручи, дает такое сильное впечатление? Все ли пережитое им, но не обугрюмившее его лица; улыбка ли мудрости и простоты, лежащая на нем…

А севастопольский базар тех времен! Живая картина! Под огромными зонтиками кучи разнообразнейших товаров; базар блистал сочной яркостью серебристо-разноцветных рыб, фруктов, овощей, цветов; а сзади, как фон, голубая бухта, где сновали или стояли на причале разные мелкие суда – от лодок до шхун с белыми, желтыми, розовыми парусами. Базар пел, кричал, завывал и по южному беззаботно веселился. Какие голоса! Какие рулады торговцев и живописнейших торговок – песня, да и только! Казалось, весь город радуется существованию этой своей утробы.

Затем мы поехали в Балаклаву, любезную сердцу Александра Ивановича Куприна, а потом на пароходе – в Ялту. И опять целые дни мы бродили по городу, побережью, как козы лазали по холмам, ездили на

лошадях в Ливадию, Алупку, к водопаду Учан-су.

В Москве Александр Степанович написал рассказ «На облачном берегу» – отзвук нашего путешествия.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

1922–1924 годы были наиболее плодовитые в творчестве Грина. Я считаю с 1921 года, года нашей женитьбы, так как манеры Александра Степановича работать в молодые годы я не знала, но он сам о себе молодом говорил: «Я был заряжен темами, сюжетами, образами, словами, мог писать много и часто». Такого Александра Степановича я уже не знала. В нем уже не было пожара, треска, неожиданности. Пламя творчества горело ровно, сильно и спокойно. Иногда даже как бы физически ощутимо для меня. В эти годы Александра Степановича любезно встречали в редакциях и издательствах. Часто, очень часто получал предложения написать что-либо в духе сегодняшнего дня и всегда категорически отказывался.

– Принимайте меня таким, каков я есть. Иным я быть не могу. Есть много талантливых людей, с радостью пишущих о современности, у них и ищите того, что просите у меня.

Видя, что Грин действительно тверд в занятой им позиции, к нему стали относиться все холоднее и холоднее, и к 1930-му году возможность для Александра Степановича печататься была сведена почти к нулю – один новый роман в год и никаких переизданий.

Пока же мы пользовались плодами этого хорошего отношения, жили покойно и сытно, но Александр Степанович начал втягиваться в богемную компанию, начал пить, и это привело нас к переезду на юг.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Симферополь, 2000

Глава 4. Феодосия, Старый Крым

10 мая 1924 года постоянным местом жительства семьи писателя стала Феодосия.

В Феодосии Александр Грин прожил до 1930 года. Из гостиницы «Астория» Грины переехали на улицу Галерейную, дом 10, где прожили четыре года – с мая 1924 по ноябрь 1928 года, и два года – на Верхне-Лазаретной улице (улице Куйбышева), дом 7.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Итак, мы решили переехать в Крым. Надо было выбрать город. Из поездки 1923 года мы вынесли отчетливое впечатление, что жизнь в Севастополе, Ялте, вообще на южном берегу – не для нас. Нам нужен был небольшой тихий городок на берегу моря.

Перебирая для переезда города Крыма, мы остановили свой выбор на Феодосии. Что прельстило нас в ней? Не могу сказать. Я впервые была на юге с Александром Степановичем в 1923 году, на южном побережье, очаровавшем меня. У Грина с Феодосией было связано воспоминание о пребывании в течение восьми месяцев в тамошней тюрьме, о неудавшейся попытке сокамерников бежать через сделанный под полом подкоп. И все. Города он не знал и не помнил даже смутно. Был еще разговор, недавно, с какими-то случайными знакомыми железнодорожниками. Они восхваляли дешевизну жизни в Феодосии. Это, видимо, нас больше всего и пленило. Южный берег, как мы это увидели в 1923 году, был дорог для нас – бюджет наш был убог, случаен, а юг оставался югом везде, дешевизна же являлась большим подспорьем.

Мы переехали в Феодосию и не пожалели: было в ней тогда девственно хорошо, живописно и дешево, без обилия курортников, впоследствии изменившего лицо города.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972. Симферополь, 2000

Писатель много работал, в Москве и Ленинграде часто выходили сборники его рассказов – «На облачном

берегу», «Сердце пустыни», «Брак Августа Осборна». В 1924–1925 года им написаны автобиографические рассказы «Случайный доход», «Золото и шахтеры», «Тюремная старина», «По закону».

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Вскоре неподалеку от прежнего нашего жилья в Симферопольском переулке, 4, мы нашли небольшую, в три комнаты, квартирку (Галерейная, 8 (теперь 10. – *А.А.*), купили кое-что остро необходимое и зажили, как нам хотелось. Теперь у нас была довольно большая полутемная столовая, комната побольше для работы Александра Степановича (в ней же мы и спали) и совсем крошечная – для мамы, а внизу – шесть ступенек – большая, низкая, разлаписто живописная кухня. Если Александр Степанович работал поздно вечером, он уходил из кабинета в столовую, чтобы не мешать мне курением. Через несколько месяцев нам удалось присоединить к нашей квартире еще одну совсем изолированную комнату, которая стала рабочей комнатой Александра Степановича.

В этой квартире мы прожили четыре хороших, ласковых года…

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

В октябре 1924 года Александр Грин написал о себе в сборнике «Писатели. Автобиографии современников»:

«Я родился в городе Вятке в 1880 году, 11 августа, образование получил домашнее; мой отец, Степан Евсеевич Гриневский, служил в земстве, а в Вятку попал из Сибири, куда был в 63 году сослан за восстание в Польше. Моя мать – русская, уроженка города Вятки, Анна Степановна, скончалась, когда мне было одиннадцать лет.

Шестнадцати лет я уехал из Вятки в Одессу, где служил матросом в Российском обществе промышленности и торговли и в Добровольном флоте. Я проплавал так три года, затем вернулся домой и через год снова пустился путешествовать. После различных приключений я попал в 1906 году в Петербург, где напечатал первый свой рассказ в «Биржевых ведомостях» под названием «В Италию».

Всего мной написано и напечатано (считая еще не вошедшие в книги) около 350 вещей.

Феодосия, 31/X, 1924.

А. Грин»

Писатели. Автобиографии современников. М, 1926

В июне 1925 Александр Грин познакомился с Михаилом Булгаковым, по приглашению Максимилиана Волошина отдыхавшим в доме поэта в Коктебеле.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Как-то Максимилиан Александрович подошел к М.А. и сказал, что с ним хочет познакомиться писатель Александр Грин, живший тогда в Феодосии, и появится он в Коктебеле в такой-то день. И вот пришел бронзово-загорелый, сильный, немолодой уже человек в белом кителе, в белой фуражке, похожий на капитана большого речного парохода. Глаза у него были темные, невеселые, похожие на глаза Маяковского. Да и тяжелыми чертами лица он напоминал поэта.

С ним пришла очень привлекательная вальяжная русская женщина в светлом кружевном шарфе. Грин представил ее как жену. Разговор, насколько я помню, не очень-то клеился. Я с любопытством разглядывала загорелого «капитана» и думала: вот истинно нет пророка в своем отечестве. Передо мной писатель-колдун, творчество которого напоено ароматом далеких таинственных стран. Явление вообще в нашей «оседлой» литературе заманчивое и редкое, а истинного признания и удачи ему в те годы не было.

Мы пошли проводить эту пару. Они уходили рано, так как шли пешком. На прощание Александр Степанович улыбнулся своей хорошей улыбкой и пригласил к себе в гости.

Л. Белозерская-Булгакова. Воспоминания. М, 1990

В феврале 1927 года Александр Степанович заключил с издательством «Мысль» (Вольфсона) договор на издание полного собрания сочинений. Не зная еще тогда, что мы попали в руки к ловкому и прожженному дельцу, причинившему нам в дальнейшем много горя,

мы наслаждались деньгами и мечтами. Март и апрель провели в подборке и розыске материалов для книг, а в мое надумали снова съездить в Ялту, очарование которой еще не ушло из нашей памяти. В середине мая поехали.

Ялта была битком набита курортниками, и мы достали лишь огромную сырую, не очень уютную комнату в доме, стоявшем в парке. Парк был хорош, а комната плоха, но так как почти целые дни мы проводили вне дома, то это не составляло заботы. Теперь, уже немного зная Ялту, мы не торопились, не горели, а тихо радовались. Решили осмотреть окрестности Ялты не с многочисленными экскурсиями, а в одиночку. Наняли сановитого бородатого извозчика Николая, имевшего хорошую парную коляску, договорясь с ним о местах и о сроках поездок. Начали с осмотра Никитского сада, восхитившего нас своим разнообразием, поднялись в деревню Никита и, пообедав там, решили подняться еще выше – полюбоваться широкой панорамой южного берега. Зрелище было поразительное: с большой высоты берег цветущими уступами и белыми домиками довольно круто спускался к синей чашке моря, в которой чернели Монах и другие прибрежные скалы. Подымалась темная стена невысокого крымского соснового леса. Воздух был особенно свеж и душист. Тихим вечером, умиротворенные и усталые, возвращались обратно. Николай рассказывал нам страшные истории, происходившие в этих метах в первые годы революции, но рассказы его воспринимались ухом, а не сердцем, которое радовалось окружающей красоте. И так изо дня в день.

Вечером Александр Степанович любил посидеть в малопосещаемом винном погребке, расположенном частью в уступе скалы и через маленькие, высоко поднятые окна таинственно освещавшемся лучами заходящего солнца. Посидит час-полтора, потягивая любимое белое вино не торопясь, просматривая газету. Водки в этом пути совсем не было. Так прожили мы три недели.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Симферополь, 2000

В 1927 году для журнала «30 дней», обратившегося

ко многим писателем с просьбой ответить, как они живут и работают, Грин написал:

«Один день.

Я опишу один день. Встал в 6 часов утра, пил чай, пошел в купальню, после купанья писал роман «Обвеваемый холм», читал газеты, книги, а потом позавтракал. После этого бродил по квартире, курил и фантазировал до обеда, который был в 4 часа дня. После того я немного заснул. В 7 часов вечера, после чая, я катался с женой на парусной лодке; приехав, еще пил чай и уснул в 9 часов вечера. Перед сном немного писал. Так я живу с малыми изменениями, вроде поездки в Кисловодск. Когда сплю, я вижу много снов, которые есть как бы вторая жизнь».

Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Кабинет Грина – это небольшая квадратная комната с одним окном на Галерейную улицу. Убранство ее чрезвычайно просто и скромно. Направо от входа, в углу, у наружной стены стоит небольшой старенький ломберный стол. Стол Александр Степанович купил его сам и, хотя он не очень удобен для работы, другого не хотел.

– Писатель за письменным столом – это очень мастито, профессионально и неуютно, – говорил Александр Степанович. – От писателя внешне должно меньше всего пахнуть писателем.

На столе квадратная, граненая, стеклянная чернильница с медной крышкой. Она из письменного прибора моего отца; подарена мною Александру Степановичу в первый год нашей совместной жизни. Весь прибор он не захотел взять из тех же соображений, по каким пишет на ломберном столе. Но с удовольствием взял чугунную собаку: «Она со мной имеет некоторое сходство». Александр Степанович считал, что почти каждый человек имеет сходство с каким-нибудь животным, птицей или предметом. И сам он, несомненно, походил на этого чугунного пойнтера. Недаром его любимое домашнее имя было «Соби», «Собик», «Пес». Меня он звал «Котофей», или «Котофеич, который ходит сам по себе», или «Дези». Электрическая лампа со светло-зеленым шелковым абажуром на бронзовом подсвечнике, простая ручка, которой Александр Степанович всегда писал, красное мраморное

пресс-папье, щеточка для перьев и пачка рукописей – вот и все на письменном столе Александра Степановича.

В стене, слева от стола, – шкаф. Там лежат книги, которые Грин покупает при малейшей возможности. Преимущественно беллетристика, русская и переводная. Под книжными полками узенькая дешевая кушетка. У стола с одной стороны полукруглое рабочее место, с другой, у окна, – клеенчатое, мягкое. На окне белые полотняные портьеры, и яркое солнце дня умеряется их белизной.

Все в комнате, да и во всей квартире, куплено самим Александром Степановичем. Он был хозяин дома, за это он уважал себя, этого раньше он не переживал и этим наслаждался. Он как-то, смеясь, говорил, что его жизненный идеал – шалаш в лесу у озера или реки, в шалаше – жена варит пищу, украшает шалаш и ждет его. А он, охотник-добытчик, все несет ей и поет ей красивые песни.

Александр Степанович ходил по распродажам, толчку, все время что-нибудь выискивая. Как-то, после очередной поездки в Москву, Александр Степанович подъехал к нашей квартире на возу, украшенном стареньким узким буфетом, пузатым гардеробом и другими вещами. Он сиял от удовольствия, рассказывая, где, как и за сколько купил каждую вещь, гордясь своим умением и практичностью, требуя и от нас высокой оценки этих своих качеств.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Рукопись Музея Грина в Феодосии; Ленинград, 1972; Симферополь, 2000

Встаю рано, часа в четыре. Александр Степанович еще спит. Иду в комнату Александра Степановича. Вчера он писал или размышлял допоздна. По полу и по столу раскиданы окурки, пепел. Воздух кисло-застоявшийся. Распахивая окно, собираю окурки и пепел, мою пол и, вымыв, снова разбрасываю окурки по полу, но в меньшем количестве, чем прежде. Александр Степанович не разрешает, чтобы его комната убиралась, чтобы в ней мылся пол. Не потому, что он неопрятен, внутренне он ничего не имеет против чистоты и порядка, как в жилье, так и во внешнем виде, он жалеет меня. Ему кажется, что мыть пол – труд для меня непосильный. А мне не трудно.

Затем я иду с матерью на базар. Это наша ежедневная необходимость и мое удовольствие. Пестрая переливчатость, звонкоголосость, шум и дух южного базара, всегда живописного, доставляет мне веселую радость. Купив необходимое, быстро возвращаемся домой. Перед уходом мы заготовили самовар, он быстро закипает. Ко времени нашего возвращения базара Александр Степанович чаще всего уже на ногах, моется, курит у себя. Или же я бужу его, принеся к постели стакан крепкого душистого чая. Он очень любил чай, хороший, правильно и свежезаваренный из самовара, в толстом граненом или очень тонком стакане. Чтобы чай был не только хорош, но и красив. Он был его подсобным рабочим средством. В те годы в Феодосии трудно было доставать хороший чай. Пользуясь поездками в Москву, я привозила несколько фунтов лучшего чая, но его часто не доставало от поездки до поездки. И как только я узнавала, что в каком-либо феодосийском магазине появился чай, летела туда и всеми правдами и неправдами покупала его, на сколько хватало денег.

Больше всего Александр Степанович пил чай утром, после первой папиросы. Если в тот день он писал, то сразу же, встав с постели, уходил в свою комнату. Туда я, тихонько посматривая в стекло двери, приносила ему стаканы со свежим горячим чаем. Молча ставила, забирая выпитый, иногда пять-шесть за утро.

Часов в девять, а иногда и позже Александр Степанович кончает писать и выходит в столовую. Его ждет накрытый стол. Горяченькое мать быстро подогревает или жарит внизу на кухне. До женитьбы на мне Александр Степанович не завтракал по утрам. Мог опохмелиться, но ничего не ел до обеда. С полгода, еще когда мы жили без матери, я боролась против этой вредной его привычки, так как с детства была приучена к плотной еде рано утром, ибо тогда и зараза не так легко к человеку пристает – так внушали мне родные. Постепенно и Александр Степанович привык к этому.

Если он не писал утром, то мы втроем плотно завтракали в семь часов, часов в одиннадцать – легонько, второй раз, в два-три обедали, в пять часов – чай с булочкой, печеньем, сладким и вечером, в восемь часов, негромоздкий ужин – остатки второго от обеда, кислое молоко или компот, а иногда только чай с бутербродом.

Если Александр Степанович утром писал, то до обеда он редко куда выходил, разве только за газетой. Обычно полеживал в спальне или выходил покурить на скамью перед кухней.

Иногда в такие часы Александр Степанович рассказывал мне о написанном в тот день или о том, что не удается ему. Если же он утром не писал, то часов в восемь мы с ним, забрав книжки, рукоделье, газету, шли на широкий мол. Побродив по нему взад и вперед, усаживались на бревнах или на камнях, лежавших недалеко от воды, и проводили часа два-три, читая, тихо разговаривая, а иногда молча, о чем-то думая или бесцельно мечтая. Реже ходили на Сараголь, на девственный берег моря, так как всегда было жарко возвращаться домой. Изредка ходили на волнорез к карантину. Но там Александр Степанович не любил бывать – на берегу возились купающиеся, визг, хохот, беготня. Александр Степанович любил у моря тишину, звуки моря, порта, а не курортный шум. На пляж в Феодосии не ходили. Александр Степанович не выносил курортной раздетости, особенно пропагандируемой в те первые годы нашей жизни в Феодосии. Дома, в часы непереносимой жары, в квартире с закрытыми ставнями, он иногда раздевался донага, перепоясывая бедра полотенцем. Но никто, кроме меня и матери, не должен был видеть его в таком наряде. Летом Александр Степанович всегда ходил в суровом или белом полотняном костюме, или в темно-сером люстриновом, который очень любил.

Мы ложимся спать не позднее десяти часов вечера, встаем с матерью очень рано, Александр Степанович – позже. Он ложится спать несколько позднее меня, читает у себя в комнате.

> *Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Рукопись Музея Грина в Федосии; Ленинград, 1972; Симферополь, 2000*

За 6 лет в Феодосии Грин написал четыре романа, две повести, около сорока рассказов. В 1925 году опубликован роман «Золотая цепь» и повесть «Сокровище африканских гор». В 1928 году им был закончен роман «Бегущая по волнам», который только через год с трудом удалось напечатать в издательстве «Земля и фабрика». Тогда же А. Грин закончил роман «Джесси и Моргиана»,

в 1929 году напечатанный издательством «Прибой». В том же году А. Грин написал роман «Дорога никуда», опубликованный издательством «Федерация» в 1930 году.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Публикации в периодических изданиях:

1906 год – 1; 1907 – 9; 1908 – 26; 1909 – 21; 1910 – 22; 1911 – 6; 1912 – 20; 1913 – 30; 1914 – 43; 1915 – 105; 1916 – 50; 1917 – 54; 1918 – 35; 1919 – 8; 1920 – 0; 1921 – 2; 1922 – 7; 1923 – 15; 1924 – 15; 1925 – 5; 1926 – 12; 1927 – 8; 1928 – 5; 1929 – 6; 1930 – 6; 1931 – 4.

Печатался – «Биржевые ведомости», «Сегодня», «Товарищ», «Наш день», «Огонек», «Русская мысль», «Новый журнал для всех», «Слово», «Всемирная панорама», «Русское богатство», «Новая жизнь», «Солнце России», «Нива», «Современник», «Синий журнал», «Отечество», «XX век», «Бич», «Петроградский листок».

Ю. Киркин. Александр Грин. Библиографический указатель произведений. М, 1980

5 марта 1928 года А.М. Горький писал Н.Н. Асееву из Сорренто: «Грин – талантлив, очень интересен, жаль, что его так мало ценят».

Н. Изергина. Грин и Горький. Кировский педагогический институт. Ученые записки. Выпуск 20. Киров, 1965

Письма А. Горького А. Грину до сих пор не найдены.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

В частном издательстве «Мысль» И.В. Вольфсона с 1928 года выходило Собрание сочинений Грина – вышло 8 томов из 15. Проспект собрания составил А. Грин.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Выход томов намеченного ленинградским издательством «Мысль» пятнадцатитомного Собрания сочинений проходил со значительными трудностями. Александр Степанович проделал огромную работу, подобрал большинство своих произведений,

опубликованных в различных журналах и газетах. Это потребовало немалых усилий и обследования груды периодических изданий. Он старательно добивался возможной полноты. Конечно, при этом наряду с интересными и ценными произведениями в собрание были включены и второстепенные, недостаточно занимательные для рядового читателя рассказы.

Владелец издательства Л.В. Вольфсон обладал большим деловым размахом. В издательских кругах его прозвали «маленький Гиз» имея в виду не французского герцога, а Государственное издательство, с которым он пытался соперничать по масштабу выпуска книг. Естественно, его привлекала в первую очередь коммерческая сторона, и он всячески сопротивлялся опубликованию тех произведений, которые могли по тем или иным причинам понизить спрос. Не имея права перестраивать подобранные Грином сборники, издатель стал выпускать тома в разбивку, проявляя намерение отказаться от издания книг, казавшихся ему невыгодными. Грин через суд добился выполнения договорных условий, однако издательство было вскоре ликвидировано, и Собрание сочинений так и осталось незавершенным.

Э. Арнольди. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

После 1928 года Грин все чаще стал получать отказы от издательств – на место романтизму уже давно шел социалистический реализм.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Отказы появлялись все чаще. Наконец, в тридцатом году в «ЗИФе» Грину сказали откровенно: «Вы не хотите откликаться эпохе, и, в нашем лице, эпоха вам мстит».

Мстила Грину (если вообще можно говорить о мести) не эпоха, а чинуши, засевшие в издательствах, до мозга костей пропитанные идеями вульгарного социологизма», трактовавшего современность только как злободневность.

Чем труднее становилось Грину, тем больше замыкался он в себе.

Из редакции в редакцию путешествовали рассказы и неизменно возвращались к автору. И не какие-нибудь

однодневки – «Комендант порта», новелла, которая теперь включена во все сборники Грина.

Но Грин продолжает работать. Он заканчивает «Автобиографическую повесть», задумывает и продумывает роман «Недотрога», который, он считал, будет лучше «Бегущей», но который так и не удалось закончить.

В. Сандлер. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

Его отказывались печатать, обвиняли в отрыве от действительности, а он отвечал на это рассказом о том, как нужен людям мечтатель-чудак, чье доброе сердце равно болит за тех, кто в опасном плавании, и за тех, кому предстоит испытать горечь утраты. Этот рассказ «Комендант порта» был написан в 1929 году, писатель так и не увидел его напечатанным.

Несмотря на притеснения рапповских критиков, писатель продолжал работать. Горечь и боль прорывались только в письмах к друзьям: «Дорогой Иван Алексеевич! Оба письма Ваши я получил и не написал Вам доселе лишь по причине угнетенного состояния, в котором нахожусь уже два месяца. Я живу, никуда не выходя, и счастьем почитаю иметь изолированную квартиру.

Я живу, никуда не выходя, и счастьем почитаю иметь изолированную квартиру. Люблю наступление вечера. Я закрываю наглухо внутренние ставни, не слышу и не вижу улицы.

Мой маленький ручной ястреб – единственное «постороннее общество», он сидит у меня или у Нины Николаевны на плече, есть из рук и понимает наш образ жизни.

Л. Варламова. Дом-музей А.С. Грина. Симферополь, 1986

Чем ближе к концу 20-х годов, тем разнузданнее ведут себя рапповские рецензенты по отношению к Грину. «Творчество Грина чуждо нашей современности» – начинается одна из рецензий. Что тут еще писать? Однако рецензент закончил поплевыванием в сторону Гриновской мечты: «По своим настроениям и темам книга («Бегущая по волнам». – *Авт.*) и непонятна и

чужда рабочему читателю. Созданный воображением Грина мир иных людей и иных отношений не нужен советскому читателю своей отвлеченностью. Рабочему читателю книгу не рекомендуем.

В конце концов его просто стали включать в список «Книг, не рекомендуемых для массовых библиотек».

В. Харчев. Поэзия и проза Александра Грина. Горький, 1975

В эти тяжелые дни Александр Степанович иногда приходил домой пьяный. Тогда Феодосия узнала, что Грин пьет. Как-то Александр Степанович, протрезвясь, рассказывал: «На меня, пьяного, Нинуша, даже лошади головы оборачивали, не только все бабы». Мне было больно, но боль Грина была еще сильнее, и я ничего ему не говорила. Мы жили втроем в нужде, в тоске перед завтрашним днем, ничего нам не сулившим, так как в литературе господствовала и задавала тон клика Авербаха, зажимавшая все талантливое.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Симферополь, 2000

В меня не вдумываются рецензирующие меня, меня не связывают с человеческой жизнью, литературой. Это потому, что, подумав обо мне, нужно, во-первых, поворошить затасканные, стандартные слова, представления; нужно потрудиться основательно, во-вторых. И хорошо знать мои произведения.

Когда я понял, осознал, что я художник, хочу и могу им быть, когда волшебная сила искусства коснулась меня, то всю свою последующую жизнь я не изменял искусству, творчеству. Ни деньги, ни карьера, ни тщеславие не столкнули меня с истинного моего пути. Я родился писателем, им и умру.

А. Грин. Собрание сочинений в 6 томах. М, 1965, 1980

Лето 1929 года Грины провели в Старом Крыму – на «даче» Шемплинских – небольшом саманном домике с садом по улице Свободы, дом 1.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Хозяйка дачи Мария Васильевна Шемплинская рассказывала о своем постояльце: «Запомнился цвет лица. Нездоровый, землистый. Жесты скупые. Чужих здесь не было, держался свободно, самим собой. Часто улыбался. Его «выдавало» выражение глаз: то высокомерное, то детски доверчивое. Чувствовалось: человек честный, негнущийся, ни на какую фальшь не пойдет.

Я составляла букет роз для Александра Степановича. Старалась, чтобы все розы были одинаковы, почти в бутонах. Нечаянно срезала распустившуюся и говорю: «Она уже совсем мертвая». Александр Степанович, он был рядом, улыбаясь, сказал на это: «Мария Васильевна, все цветы хороши!

Моя дочка, Бианка, полутора лет, бегает по саду, говорит «Па!» (дескать: падай!) Александр Степанович со всего роста валится в траву, ребенок забирается ему на спину, оба очень довольны друг другом.

Запомнилась одна его фраза – своей необычностью и серьезным тоном. По какому поводу была сказана, уж и не помню, а звучит так: «Мы, матушка, или всей душой, или – всей спиной к людям».

Н. Тарасенко. Дом Грина. Симферополь, 1976

В один из летних месяцев мы неожиданно встретились с ним в Коктебеле на даче поэта и художника Максимилиана Волошина. Грин пришел пешком из Старого Крыма. У Волошина всегда бывало много летних гостей – писателей, художников, музыкантов. Александр Степанович не прижился в их среде. И здесь он казался грубоватым, а порою и излишне резким. Я видел, как он один бродил по берегу залива, изредка подбирал тот или иной заинтересовавший его камешек и тотчас же бросал его в море. Так он ни с кем и не завязал разговора и к вечеру собрался домой. Таким он был и у себя, в маленьком белом домике на тихой улице Старого Крыма. Любил бродить один в окрестных горах.

Последние его годы прошли в почти полном отчуждении от литературной среды, но Грин продолжал работать с прежней сосредоточенностью и увлечением.

В. Рождественский. Страницы жизни. М, 1960; Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

23 ноября 1930 года А.С. Грин с женой переехали из Феодосии в Старый Крым и сняли квартиру в кирпичном доме по улице Ленина, 102, где жили до начала лета, а потом переселились в частный дом по улице Октябрьской, 55. Там Грин продолжил работу над автобиографической повестью, названной писателем «На суше и на море. Автобиографические очерки А.С. Грина» («Легенда о себе»). В 1931 году главы повести печатались в февральском, мартовском, апрельском и сентябрьском номерах ленинградского журнала «Звезда», отдельное издание вышло летом 1932 года в «Издательстве писателей в Ленинграде», давшей книге свое название – «Автобиографическая повесть». Смертельно больной писатель успел получить сигнальные экземпляры книги.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

К «Автобиографической повести» не следует относиться, как к безусловно документальному повествованию. Свидетельства современников и архивные материалы, которыми располагают исследователи, позволяют обнаружить немало фактических неточностей и ошибок, связанных нередко с тем, что автора просто подводила память. Но прежде всего надо иметь в виду, что, работая над «Повестью», Грин не просто вспоминал события прожитой им жизни, а хотел также нарисовать картины своей эпохи. В результате «Повесть» написана как бы в двух планах: с одной стороны, главным героем ее является сам А.С. Грин, она рассказывает о его детстве и юности, о годах его бродяжничества, с другой, – она полна всевозможных отступлений, рассказов о других людях и событиях, в которых писатель сам не участвовал или свидетелем которых не был. Поэтому, как ни камерна книга по своей теме, все же это не автобиография А.С. Грина, а именно «Автобиографическая повесть», в которой писатель обобщил увиденное им на рубеже двух веков.

В. Сандлер. Воспоминания об Александре Грине. Л, 1972

После поездки в Москву в августе 1931 года Александр Грин слег.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Незадолго до смерти, в августе 1931 года, Грин поехал за деньгами в Москву. Жена с трудом заняла ему денег на дорогу. В Москве Грин столкнулся с случаем исключительного бюрократизма, который сейчас кажется просто невероятным. У меня хранится заявление Грина в Издательство художественной литературы. Он предлагал издательству свою «Автобиографическую повесть». Издательство не давало ясного ответа. Грин не мог ждать – жить в Москве было не на что, не было даже денег на обратную дорогу. Грин написал заявление. Привожу из него отрывок: «Уезжая сегодня домой в Крым, я лишен возможности дождаться решения издательства, но обращаюсь с покорнейшей просьбой выдать мне двести рублей, которые меня выведут из безусловно трагического положения».

Это было осенью 1931 года. Кажется невероятным, что талантливому умирающему писателю бюрократы из издательства отказали в такой ничтожной помощи.

К. Паустовский. Предисловие к сборнику А. Грина «Золотая цепь». М, 1939

Через несколько лет Грин из широко известного писателя, чьи книги печатались массовыми тиражами и раскупались мгновенно, снова стал изгоем; его не только не издавали – произведения его, как и десятка других «несозвучных эпохе» авторов, изымались из библиотек, уничтожались. Подошли жестокие тридцатые годы. Незадолго до смерти Александр Степанович поехал в Москву – из Крыма, в котором давно поселился с семьей. В столице друзья посоветовали Грину хлопотать о пенсии. К этому времени он уже чувствовал себя тяжело больным. Но писать заявление в Союз писателей ему чрезвычайно не хотелось. Его уговаривали, советовали сослаться на приближающийся литературный юбилей – 25 лет – и обязательно упомянуть о революционных заслугах: пропагандистской работе, арестах, ссылках. В то относительно умеренное время эсеры начала века, работавшие нередко рука об руку с социал-демократами, считались заслуженными революционерами. Шел тридцать первый год.

«Александр Степанович, – вспоминала Нина Николаевна Грин, – свирепо протестовал: «Не хочу существовать на подачку, а политической пенсии тем более не хочу. Прятаться за то, что стало мне чуждым и

ненужным, не буду. С моим революционным прошлым мы квиты – именно в партии я стал писать. И довольно об этом». Но, в конце концов, видя безысходность нашего положения, согласился хлопотать, не упоминая об революционном прошлом. В успех своих хлопот он верил мало: «Замытарят, замотают, – говорил он, – очень далек от всего и всех. Ничего не выйдет». И как прав был Александр Степанович: равнодушные чиновники из Союза писателей – его, больного, измученного, терзали этой пенсией до самой смерти».

Ю. Первова. Мог ли Грин стать террористом. Журнал «Наука и жизнь», 1992, № 1

Прочтя в апреле 1932 года о прекращении существования РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей. – *А.А.*), Александр Степанович сказал облегченно: «Ну, теперь, дружок, нам станет легче жить. Повеяло свежим ветром, разогнали авербаховскую шайку». Но не пришлось пожить…

Александр Степанович говорил: «Мне во сто крат легче написать роман, чем протаскивать его через Дантов ад издательств». Чванливая, зазнавшаяся группа литературных тузов того времени не понимала и не ценила Грина. Он для них был писателем маленьких журналов, писателем авантюрного легкого жанра, ушедшим из действительности. Они проглядели за именуемым ими «легким жанром», прекрасные стиль, язык и замыслы его – чистоту, благородство, силу и нежность человеческой души, мечты.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Симферополь, 2000

7 июня 1932 года в Старом Крыму Грины переехали в купленный ими домик на ул. Урицкого, 56.

Александр Грин скончался 8 июля 1932 года.

А. Андреев. Жизнь Александра Грина

Нина Грин писала Вере Абрамовой-Калицкой: «Я думала, что провожать буду только я да мама. А провожало человек 200, читателей и людей, просто жалевших его за муки. Те же, кто боялся присоединиться к церковной процессии, большими толпами стояли на

всех углах пути до церкви. Так что провожал весь город».

В. Ковский. Реалисты и романтики. М, 1990

В ночь с шестого на седьмое января 1954 года видела сон: Александр Степанович вернулся (так именно во сне и подумала). Стоит около меня, держа в руке толстую книгу, завернутую в тонкую беловато-сероватую бумагу. Указательный палец заложен в середину книги. Спрашиваю: «Почему, Сашенька, издательства не просят твоих книг для переиздания, ведь уже полгода, как ты вернулся?» – «Ничего, – отвечает Александр Степанович, – издадут. Они еще не знают о моем возвращении».

Смотрю на книгу и вижу на бумаге, которой она обернута, моей рукой написано:

А.С. Грин. По воздушным замкам моего воображения».

И что же? С конца 1954 года об Александре Степановиче стали говорить – двадцать пять лет молчали. В 1955 году уже широко говорили. Печатается книга.

Вернулся.

Н. Грин. Воспоминания об Александре Грине. Симферополь, 2000

При жизни писателя с 1917 по 1932 год вышло 40 отдельных изданий его произведений и около 150 рассказов было опубликовано в различных газетах, журналах и сборниках; за годы 1932–1965 вышло около 45 отдельных изданий, а в периодической печати перепечатано (в ряде случаев опубликовано впервые) около 100 рассказов.

Е. Прохоров. Александр Грин. М, 1970

Если бы Грин умер, оставив нам только одну свою поэму в прозе «Алые паруса», то и этого было бы довольно, чтобы поставить его в ряды замечательных писателей, тревожащих человеческое сердце призывом к совершенству. Грин писал почти все свои вещи в оправдание мечты. Мы должны быть благодарны ему за это. Мы знаем, что будущее, к которому мы стремимся, родилось из непобедимого человеческого свойства –

умения мечтать и любить.

К. Паустовский

Глава 5. Писатели и литературоведы об Александре Грине

Во времена моей юности все мы, гимназисты, зачитывались выпусками «Универсальной библиотеки». Это были маленькие книжечки в желтой бумажной обложке, напечатанные петитом. Стоили они необыкновенно дешево. За десять копеек можно было прочесть «Тартарена» Доде или «Мистерии» Гамсуна, а за двадцать – «Давида Копперфильда» Диккенса или «Дон-Кихота» Сервантеса.

Русских писателей «Универсальная библиотека» печатала только в виде исключения. Поэтому, когда я купил очередной выпуск со странным названием «Синий каскад Теллури» и увидел на обложке имя автора – Александр Грин, то, естественно, подумал, что Грин иностранец. В книге было несколько рассказов. Помню, я открыл книгу, стоя около киоска, где я ее купил, и прочел наугад:

«Нет более бестолкового и чудесного порта, чем Лисс… Разноязычный город определенно напоминает бродягу, решившего наконец погрузиться в дебри оседлости. Дома рассажены как попало среди неясных намеков на улицы, но улиц, в прямом смысле слова, не могло быть в Лиссе уже потому, что город возник на обрывках скал и холмов, соединенных лестницами, мостами и… узенькими тропинками. Все это завалено сплошной густой тропической зеленью, в веерообразной тени которой блестят детские, пламенные глаза женщин. Желтый камень, синяя тень, живописные трещины старых стен; где-нибудь на бугрообразном дворе – огромная лодка, чинимая босоногим, трубку покуривающим нелюдимом; пение вдали и его эхо в овраге; рынок на сваях, под тентами и огромными зонтиками; блеск оружия, яркое платье, аромат цветов и зелени, рождающий глухую тоску, как во сне – о влюбленности и свиданиях; гавань – грязная, как молодой трубочист; свитки парусов, их сон и крылатое утро, зеленая вода, скалы, даль океана; ночью – магнетический пожар звезд, лодки со смеющимися голосами – вот Лисс».

Я читал, стоя в тени цветущего киевского каштана, читал не отрываясь, пока не прочел до конца эту причудливую, как сон, необыкновенную книгу. Внезапно я ощутил тоску по блеску ветра. По солоноватому запаху морской воды, по Лиссу, по его жарким переулкам, опаляющим глазам женщин, шершавому желтому камню с остатками белых ракушек, розовому дыму облаков, стремительно взлетающему в синеву небосвода.

Нет! Это была, пожалуй, не тоска, а страстное желание увидеть все это воочию и беззаботно погрузиться в вольную приморскую жизнь. И тут же я вспомнил, что какие-то отдельные черты этого блещущего мира я уже знал. Неизвестный писатель Грин только собрал их на одной странице. Но где я все это видел? Я вспоминал недолго. Конечно, в Севастополе, в городе, как бы поднявшемся из зеленых морских волн на ослепительное белое солнце и перерезанном полосами теней, синих, как небо. Вся веселая путаница Севастополя была здесь, на страницах Грина.

Я начал читать дальше и наткнулся на матросскую песенку:

Южный Крест там сияет вдали.
С первым ветром проснется компас.
Бог, храня корабли,
Да помилует нас!

Тогда я еще не знал, что Грин сам придумывал песенки для своих рассказов.

Люди пьянеют от вина, солнечного сверкания, от беззаботной радости, щедрости жизни, никогда не устающей открывать нам блеск и прохладу своих заманчивых уголков, наконец – от «чувства высокого». Все это существовало в рассказах Грина. Они опьяняли, как душистый воздух, что сбивает нас с ног после чада душных городов.

Так я познакомился с Грином. Когда я узнал, что Грин русский и что его зовут Александр Степанович Гриневский, то не был этим особенно удивлен. Может быть, потому, что Грин был для меня к тому времени явным черноморцем, представителем в литературе того племени авторов, к которому принадлежали и Багрицкий, и Катаев, и многие другие писатели-черноморцы.

Удивился я, когда узнал биографию Грина, узнал его неслыханно тяжкую жизнь отщепенца и неприкаянного бродяги. Было непонятно, как этот замкнутый и избитый невзгодами человек пронес через мучительное существование великий дар мощного и чистого воображения, веру в человека и застенчивую улыбку. Недаром он написал о себе, что «всегда видел облачный пейзаж над дрянью и мусором невысоких построек».

Грин с малых лет обладал очень точным воображением. Когда он стал писателем, то представлял себе те несуществующие страны, где происходило действие его рассказов, не как туманные пейзажи, а как хорошо изученные, сотни раз исхоженные места.

Он с полным правом мог бы сказать о себе словами французского писателя Жюля Ренара: «Моя родина – там, где проплывают самые прекрасные облака».

Почти все, кто писал о Грине, говорят о близости Грина к Эдгару По, к Хаггарду, Джозефу Конраду, Стивенсону и Киплингу. Грин любил «безумного Эдгара», но мнение, что он подражал ему и всем перечисленным писателям, неверно: Грин многих из них узнал, будучи уже сам вполне сложившимся писателем.

Грин очень ценил Мериме и считал его «Кармен» одной из лучших книг в мировой литературе. Грин много читал Мопассана, Флобера, Бальзака, Стендаля, Чехова (рассказами Чехова Грин был потрясен), Горького, Свифта и Джека Лондона. Он часто перечитывал биографию Пушкина, а в зрелом возрасте увлекался чтением энциклопедий.

Грин начал писать и создал в своих книгах веселых и смелых людей, прекрасную землю, полную душистых зарослей и солнца, землю, не нанесенную на карту, и удивительные события, кружащие голову, как глоток вина.

Грин населил свои книги племенем смелых, простодушных, как дети, гордых, самоотверженных и добрых людей. Эти цельные привлекательные люди окружены свежим, благоухающим воздухом гриновской природы – совершенно реальной, берущей за сердце своим очарованием. Мир, в котором живут герои Грина, может показаться нереальным только человеку, нищему духом. Тот, кто испытал легкое головокружение от первого же глотка соленого и теплого воздуха морских побережий, сразу почувствует подлинность гриновского

пейзажа, широкое дыхание гриновских стран.

Рассказы Грина вызывают в людях желание разнообразной жизни, полной риска, смелости и «чувства высокого», свойственного исследователям, мореплавателям и путешественникам. После рассказов Грина хочется увидеть весь земной шар – не выдуманные Грином страны, а настоящие, подлинные, полные света, лесов, разноязычного шума гаваней, человеческих страстей и любви.

Сказка нужна не только детям, но и взрослым. Она вызывает волнение – источник высоких и человеческих страстей. Она не дает нам успокоиться и показывает всегда новые сверкающие дали, иную жизнь, она тревожит и заставляет страстно желать этой жизни. В этом ее ценность, и в этом ценность не выразимого подчас словами, но ясного и могучего обаяния рассказов Грина.

Грин был не только великолепным пейзажистом и мастером сюжета, но был еще и очень тонким психологом. Он писал о самопожертвовании, мужестве – героических чертах, заложенных в самых обыкновенных людях. Он писал о любви к труду, к своей профессии, о неизученности и могуществе природы. Наконец, очень немногие писатели так чисто, бережно и взволнованно писали о любви к женщине, как это делал Грин.

Грин говорил, что «вся земля, со всем, что на ней есть, дана нам для жизни, для признания этой жизни всюду, где она есть».

К. Паустовский

Грин создал свои, нигде не существующие города: Лисс, Гель-Гью или Зурбаган, сделав их ареной феерических, заманчивых, трогательных и всегда удивительных событий. Его герои носят имена, тоже не встречающиеся ни на одном языке, – Гнор, Филатр или Энниок.

Конечно же Грин создал себе свою «Швамбранию» подобно юному Льву Кассилю – страну вымыслов со своей картой, гербами и флагом. Но если Кассиль затем, став писателем, изобразил свои детские мечтания, чтобы подвергнуть сомнению их источник, то Грин – чтобы жить и бороться за Швамбранию, или нет, лучше сказать, за свою «Гринландию». Ей он посвятил 6 романов и десятки новелл. Он отдал ей годы и подчинил жизнь.

Грин не просто погружался в жизнь вымысла, отдаваясь ее причудливой логике. Нет, он вел постоянную тяжбу с жизнью действительной, он оглядывался, он оправдывался, он постоянно вел неуловимую линию противопоставления, которой хотел придать значение моральное. Создавая мир, казалось так далеко отлетевший от земли, Грин не только внутренне чувствовал ее тяготение, но, как это ни покажется парадоксальным, более, чем кто-либо другой, был зависим от нее во всех своих творческих движениях, как ни фантастичны они в своей оболочке. Страницы его книг испещрены замечаниями и отступлениями, которые звучат философски и даже политически. Он защищает право на мечту. Он за тезис: «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой». Грин не просто мечтатель. Он воинствующий мечтатель.

Точно вопреки очевидному, Грин наполняет свои рассказы пейзажами, аксессуарами, обстановкой, чья условная, литературно-традиционная романтичность делает их иногда беззащитными от упрека в банальности. Точно так же в качестве мотивировок своих авантюрных историй, необычайностей или ситуаций Грин прибегает к обычным мотивировкам сновидений, бреда, болезней, похищений. Отсюда его героями часто являются преступники, люди неизвестных профессий, но обладающие досугом и средствами и, конечно, моряки и матросы. С той изящной иронией, которой Грин владеет в совершенстве, от говорит нам о своем любимой порте: «Мы не будем делать разбора причин, в силу которых Лисс посещался и посещается исключительно парусными судами. Причины эти – географического и гидрографического свойства». Но, конечно, причины эти лежат в пристрастии автора ко всему, что хотя бы через литературу приобрело магнетическую силу вызывать деятельность воображения, пусть оно и будет сродни тому, которое заставляет мальчиков играть в индейцев и пускать кораблики из бумаги.

И вот, отказавшись в открытом идеологическом бою защитить свою Гринландию, Грин находит иной путь защиты – лирический. И вот, отказавшись построить нечто помимо традиции, Грин самое банальное хочет сделать живым и оригинальным. Он сам открывает грудь всем упрекам и идет навстречу им.

Надо мечтать, потому что это не расслабляет, но

является источником силы, таинственной и не названной, но ощутимой каждым.

Величайшим наслаждением для Грина от юности до конца дней было толкаться в порту или стоять часами над морем. Если не считать случайного рейса в Александрию, он никогда не плавал в заграничное плавание и никогда не был за границей. Он не знал также ни одного иностранного языка. Но так велика была у него птичья тоска к полету в неведомое, что всех героев своих он перенес в неведомую страну и всем постарался придать какие-либо, только не русские имена и облик. Он устремил свои силы к тем необнаруженным значениям, ведомым только мечтателям, какие таяться в гавани среди кранов и тюков, меж щелей бортов и в запахах палубы. Подобно Гарвею, он различал на горизонте, за мысом, берега стран, куда направлены бугшприты кораблей, ждущих своего часа. «Гул, крик, песня, демонический вопль сирены – все полно страсти и обещания», ибо «над гаванью – в стране стран, в пустынях и лесах сердца, в небесах мыслей – сверкает Несбывшееся – таинственный и чудный олень вечной охоты».

Не во внешних выдумках сердце Гренландии. Нет, именно в стремлении заставить между строк зазвучать мелодию поэтической отрешенности от действительности, где последняя описывается и как бы существует в качестве столкновения, как напоминание о лучшем и несбывшемся.

«Среди уродливых отражений жизненного закона, – говорит Грин в «Бегущей по волнам», – и его тяжбы с духом моим я искал, сам долго не подозревая того, внезапное отчетливое сознание: рисунок или венок событий, естественно свитых и столь же неуязвимых подозрительному взгляду духовной ревности, как четыре наиболее глубоко поразившие нас строчки любимого стихотворения. Таких строчек всегда – только четыре».

Здесь – весь Грин.

К. Зелинский

«Опасность, риск, власть природы, свет далекой страны, чудесная неизвестность, мелькающая любовь, цветущая свиданием и разлукой; увлекательное кипение встреч, лиц, событий; безмерное разнообразие жизни, между тем как высоко в небе – то Южный Крест, то

Медведица, и все материки – в зорких глазах, хотя твоя каюта полна непокидающей родины с ее книгами, картинами, письмами и сухими цветами, обвитыми шелковистым локоном, в замшевой ладанке на твердой груди».

Кто в известную пору жизни не мечтал об этом, перед кем не маячили такие миражи и не вставали эти видения романтических странствий и счастливой свободы, кто не бывал – пусть в мечтах – вольным капитаном прекрасного брига, корвета или шхуны – кораблей, украшенных парусами, овеваемых воздухом морских мифов и легенд!

Необыкновенность творчества Александра Грина, писателя, долго находившегося в оскорбительном забвении, состоит в том, что он сделал волнующее романтическое фантазерство – страну отроческого воображения – реальным миром, полным жизни, что он подробно описал эту страну и узаконил как естественное и обычное все то, что постные люди полагают оторванным от жизни, чуждым реальному и несбыточным.

Земли, которых нет на карте, но которые везде между Востоком и Западом, Севером и Югом; города сл звучными и зовущими названиями, возникающие на берегах теплых морей как легендарные поселения первых веков; мужчины – цельные, благородные, таинственные покровители слабых, друзья мужественных; женщины и девушки, чье очарование несказанно, какие-то золушки, феи и принцессы на горошине, одетые в нынешнее платье; матросы – громкие пьяницы и добродушные храбрецы; заманчивые, приглашающие гавани, старинные корабли и старое вино – многое прекрасное и пленительное из богатств и радостей мира собрано А. Грином на страницах его поэтических книг.

Судьба произведений А. Грина сложна и неустойчива. Его творчество имеет и влюбленных поклонников, и брюзгливых отрицателей. Последним удалось сделать то, что книги А. Грина сейчас почти неизвестны (опубликовано в 1956. – *А.А.*) широкому читателю, а идеологическая репутация этого давно умершего художника до сих пор колеблется где-то на опасной грани.

В книгах А. Грина мы встречаем традиционный

романтический «случай»: с одной стороны, герой – романтик, сказочник, с душой, полной поэтических движений, различающий «кружева тайн в образе повседневности», утонченное и углубленно-созерцательное существо; с другой – общая «проза жизни», интересы каждого дня, вульгарность и бездушие, та жизнь, в которой «человек человеку – волк»… Грубая, негуманная, не прекрасная жизнь его времени вызывала в Грине содрогание. Но, отрицая эту жизнь, А. Грин иногда слишком горестно уединялся в своем романтическом отрицании и приходил порою к индивидуализму и обособленности на духовно-утонченной основе. Именно тогда на страницах его книг проскальзывали столь чуждые его душевному изяществу грубые слова о простонародье, не знающем чистых духовных радостей любви, мечты, сказки. И странно бывает читать это рядом с другими эпизодами из книг А. Грина, где именно картины простой и немудрящей жизни рыбаков, ремесленников и матросов овеяны поэзией и теплотой глубокого и серьезного сочувствия, где эти люди тоже становятся добрыми героями гриновской сказки. Таковы Лонгрен из «Алых парусов», капитаны и матросы из «Кораблей в Лиссе», герои рассказов «Словоохотливый домовой», «Сто верст по реке», «Акварель» и другие.

Константин Паустовский в предисловии к новому изданию «Избранного» А. Грина пишет о происхождении гриновского романтизма: в старой России «окружающее было страшным, жизнь – невыносимой. Она была похожа на дикий самосуд. Грин выжил, но недоверие к действительности осталось у него на всю жизнь. Он всегда пытался уйти от нее, считая, что лучше жить неуловимыми снами, чем «дрянью и мусором» каждого дня».

Однако, когда читаешь книгу его рассказов, вдруг начинаешь замечать, что «неуловимые сны» гриновской фантазии очень близко подходят в прекрасной яви; кажется, что вся нереальность места действия в его рассказах, вся их подчеркнутая «нездешность» носят характер невольной поэтической мистификации; если всмотреться в мир образов А. Грина, во все частности его художественных картин, то мы рядом с уходом от действительности увидим преображение действительности волшебным андерсеновским

прикосновением. «Море и любовь не терпят педантов», – А. Грин в лучших из своих рассказов научает нас видеть глубину, даль и дымку мечты там, где мы привыкли видеть определенность и прозаичность очертаний.

У А. Блока есть стихи:

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

В подобный же момент наше воображение застают и романтические новеллы, и повести А. Грина.

В «Избранном» А. Грина, изданном Гослитиздатом, облик этого единственного в своем роде художника представлен довольно разносторонне. Кстати, тут есть даже вполне «бытовые» рассказы, в которых романтическая условность остается почти только в фантастических именах героев, а помимо этого в них вполне реальные, отличные по выдумке истории портовой, морской жизни (например, «Капитан Дюк», или «Комендант порта»). Но в большинстве своем произведения А. Грина – это поэтически и психологически утонченные сказки, новеллы и этюды, в которых рассказывается о радости сбывающихся фантазий, о праве человека на большее, чем просто «проживание» на земле, и о том, что земля и море полны чудес – чудес любви, мысли, природы, – отрадных встреч, подвигов и легенд.

Корабли, бегущие по волнам в рассказах А. Грина, бегут неведомо куда и неведомо зачем, но ведь всегда в этом мире добрым и могучим людям найдется, что делать и куда направить парус. Излюбленные герои А. Грина – добрые и немного таинственные капитаны, в душе которых патриархальное благородство соседствует с современной утонченностью чувств и естественным демократизмом. Таков капитан Грэй из рассказа-феерии «Алые паруса» – «тип рыцаря причудливых впечатлений, искателя и чудотворца, то есть человека, взявшего из бесчисленного разнообразия ролей жизни самую опасную и трогательную – роль провидения…» Как раз с этого в рассказах А. Грина начинается чудесное. Когда люди добровольно берут на себя роль доброго провидения по отношению к другим, когда они остро

романтически воспринимают мир, тогда самые невероятные сказочные чудеса становится осуществимыми и даже «то, что существует как старинное представление о прекрасном-несбыточном… по существу, так же сбыточно и возможно, как загородная прогулка». Читать и перечитывать «Алые паруса» – одно наслаждение. Нужно так преданно верить в силу любви, в обаяние романтической мечты, так уйти в сказку, чтобы столь неопровержимо, психологически и поэтически изящно поведать о реально сбывшемся в обыкновенной рыбацкой деревне сказочном чуде. Прелестная и причудливая девочка Ассоль, с детства неудержимо поверившая прекрасной басне проходящего сказочника о корабле с алыми парусами, который однажды придет за ней, действительно переживает такой незабвенный день. Эта история говорит о том, как любовь верит в чудо и как человек, любя, посвящает это чудо другому. Прелестны те строки, в которых описывается, как Ассоль стоит на берегу, глядя на вставший в виду алопарусный «Секрет», – «одна среди пустоты знойного песка, растерянная, пристыженная, счастливая, с лицом не менее алым, чем ее чудо, беспомощно протянув руки к высокому кораблю». А когда от корабля отделилась лодка, на которой стоял Грэй, то «тысячи последних смешных страхов одолели Ассоль… она вбежала по пояс в теплое колыхание волн, крича: «Я здесь, я здесь! Это я!» Это не сказка. Это не волшебная история о Золушке и принце. В «Алых парусах» для этого слишком много реального, почти житейского: стоит только напомнить все те страницы, где рассказывается о том, как Грэй вдохновенно организует свое «чудо» – покупку алого шелка в городской лавке и так далее. Это в подлинном смысле слова «феерия» – феерия любви и радости, сбывающаяся для всех, кто так любит. В стране А. Грина человек просто осуществляет все то хорошее, что в реальной действительности часто держится в душе под замком или распыляется в тысячах малозаметных житейских действий и поступков. Рассказы А. Грина говорят о том, как «невыразимо чудесно» любить и владеть сказочным секретом счастья, как хороши «улыбка, веселье, прощанье и – вовремя сказанное чуткое слово».

Собранный в некий волшебный фокус, свет любви и какого-то романтического доброжелательства в

рассказах А. Грина радостно воздействует на душу; они, эти рассказы, навевают стремление к добру, изяществу, нежности. «Добрый вечер! Добрый вечер, друзья! – слышим мы голос «Бегущей по волнам» – этой поэтической музы А. Грина. – Не скучно ли на темной дороге? Я тороплюсь, я бегу…» Поэзия старинных морских сказаний и любовных поверий, романтический колорит «Летучего голландца» и «Принцессы Грезы» соединены на страницах произведений А. Грина с остротой современного мышления, с тем, что дала человечеству психологическая традиция новейшей литературы – от Эдгара По до А. Чехова. Во многих гриновских рассказах поставлен в разных вариациях один и тот психологический опыт – столкновение романтической, полной таинственных симптомов души человека, способного мечтать и томиться, и ограниченности, пошлости людей каждого дня, всем довольных и ко всему притерпевшихся.

Вот тут, в этом старом романтическом конфликте, и усматривали иногда «уход от жизни» в творчестве А. Грина.

В «Избранном» напечатан великолепный рассказ «Возвращенный ад», в котором формула, если можно так сказать, гриновского романтизма, далекого от простого «выдумывания красивых историй», раскрыта полностью и убедительно. Когда журналист Галиен Марк, выздоровев от раны, полученной во время дуэли, встал на ноги новым человеком – уравновешенным и бездумно довольным жизнью, это можно было воспринять как пришедшее наконец избавление от той мучительной жизни, которую вел он до болезни. Тогда он находился непрерывно «в состоянии мучительного философского размышления» и испытывал «нестерпимую насыщенность остротой современных переживаний», державшую его сознание «в тисках»; теперь он был «смешливым субъектом, со скудным диапазоном мысли и ликующими животными стремлениями». Тогда Галиен Марк переживал минуты «неясного беспокойства! вызывавшего острую работу фантазии, тогда он не мог спастись от своей болезни даже в обществе пошляков, так как видел, что и «пошленькое пристегнуто к дьявольскому колесу размышлений»; теперь же он не сомневался, что «все, что видишь, такое и есть» и что «все очень просто». Раньше он писал талантливые статьи, все его «волновало,

тревожило, заставляло гореть, спешить», а теперь он – знаменитый Галиен Марк – не испытывает нужды написать более трех страниц, в которых говорится о том, что сначала по снегу прошла дама, потом собака, а затем крупно шагающий мужчина «спутал следы на снегу в одну тропинку своими широкими калошами». И лишь изредка герой, всем довольный и ничем не тревожимый, испытывает мгновенные потрясения, как память о былом: однажды он видит бедняка с глазами, полными бесконечной скорби, и эта скорбь передается ему; другой раз в пошлом кабаке во время непристойно-самодовольного разгула на колени к нему доверчиво вспрыгнула «маленькая, больная и худая, как щепка, серенькая трактирная кошка», и откуда-то взялось в душе его «горькое, необъяснимое отчаяние»; наконец, еще раз, когда Галиен Марк шел ночью по улицам, шел с «сытой душой», он взглянул вверх и увидел там «среди других яркую, торжественно висящую звезду. Что было в ней скорбного? Каким голосом и на чей призыв ответило тонким лучам звезды все мое существо, тронутое глубоким волнением при виде необъятной пустыни мира? Я не знаю… Знакомая причудливая тоска сразила меня». Но для того, чтобы вновь полностью обрести утерянное, вернуться к жизни духовной, к томлениям совести и воображения, ко всему тому «аду», от которого думал спастись Галиен Марк, ему понадобилось пережить большее: от него уходит прелестная, разочарованная Визи, он остается один. И вот тут уже прорывается та плотина полной успокоенности, трезвости и глубокого довольства, которая отгородила героя от жизни, от ее волнений и загадок, и он вновь вместе с возвратившейся к нему любовью «вернулся к старому аду – до конца дней».

В этом рассказе все существо гриновской «мечты» – как утверждения для человека необходимости видеть в жизни больше «того, что есть», отрицания самодовольной трезвости, закупоренной от всех тревожащих, ранящих, заставляющих «мыслить и страдать» впечатлений. В романтике гриновского типа «уюта нет», «покоя нет», она происходит от нестерпимой жажды увидеть мир совершеннее, возвышеннее, и потому душа художника столь болезненно реагирует на все мрачное, скорбное, приниженное, обижающее гуманность. Таким образом, романтика в творчестве А.

Грина по существу своему, а не по внешне несбыточным и нездешним проявлениям должна быть воспринята не как «уход от жизни», но как приход к ней со всем очарованием и волнением веры в добро и красоту людей, в расцвет иной жизни на берегах безмятежных морей, где ходят отрадно стройные корабли.

Художественная прелесть прозы А. Грина не может быть оспорена. Конечно, сейчас иногда кажется излишним и наивным своеобразный «дендизм» его стиля, подражательность, изысканность прозаического ритма, старомодная «философичность» некоторых мест в его рассказах (особенно в «Бегущей по волнам»), но тем не менее порою ослепляет его художественная точность и изобразительная сила в совершенно реальных картинах природы, описаниях моря и зарослей, в портретах изображаемых им людей – особенно в необыкновенно очаровательных фигурках девушек, этих Дези, Биче и Визи. Мы видим, мы любим это «прекрасное, нежно-нахмуренное лицо, эти ресницы, длинные, как вечерние тени в воде синих озер, и рот, улыбающийся проникновенно, и нервную живую белизну рук…»

И еще грань «магического кристалла» гриновского искусства – его изображение природы, стоящее на уровне изысканного «пленэра» новой живописи. А. Грин может быть назван первоклассным пейзажистом. И дело тут не только в той полной реальности его пейзажей, его приморских акварелей, о которой хорошо говорит К. Паустовский во вступительной статье, не только в том волшебстве воображения, с которым А. Грин во всей точности воспроизводит отсутствующую в действительности местность в своих рассказах. Главное то, как радостно, торжественно и близко душе все, о чем пишет А. Грин, как это все входит в зрительный и эмоциональный опыт любого вдумчивого наблюдателя природы и как искусство А. Грина умеет сделать заманчивым и поэтичным каждый обыкновенный уголок его страны. Похоже на то, как в его рассказе «Акварель» двое людей, живших и грубо ссорившихся в постылом доме на окраине города, случайно увидели этот свой дом на выставке картин, написанный талантливым живописцем. И то, что было для них каждодневным и привычным – «окна, скамейка, яма среди кустов, поворот за угол, наклон крыши, даже выброшенная банка из-под

консервов», – предстало вдруг преображенным и милым. Таков эффект многих мест в рассказах А. Грина, где нет ничего нереального и, однако, все стократ чище, радостнее, ярче, чем мы это знаем…Белой точкой на горизонте, в исчезающей отдаленности моря появляется корабль, за ним еще один и еще… Ветер и волны дружно влекут их, они летят, слегка накренясь, у них почти живые, стройные формы; ветер воет в тонких снастях, плещет вдоль берега тугая отлетающая волна, загорелые веселые матросы глядят за горизонт – что там? И наше сердце стремится лететь за ними, к тучам, полным зарева далеких, удивительных городов, к цветам и скалам таинственных стран воображения…

Это корабли Александра Грина.

М. Щеглов

Правда, что жизнь писателя была полна странствий и приключений, но ничего загадочного, ничего легендарного в ней нет. Можно даже сказать так: путь Грина был обычным, протоптанным, во многих своих приметах типичным жизненным путем писателя «из народа». Совсем не случайно некоторые эпизоды его «Автобиографической повести» так живо напоминают горьковские эпизоды из «Моих университетов» и «В людях».

Жизнь Грина была тяжела и драматична; она вся в тычках, вся в столкновениях со свинцовыми мерзостями царской России, и, когда читаешь «Автобиографическую повесть», эту исповедь настрадавшейся души, с трудом, лишь под давлением фактов, веришь, что та же рука писала заражающие своим жизнелюбием рассказы о моряках и путешественниках, «Алые паруса», «Блистающий мир». Ведь жизнь, кажется, сделала все, чтобы очерствить, ожесточить сердце, смять и развеять романтические идеалы, убить веру во все лучшее и светлое.

Нет, Грин не пересадочное, не экзотическое растение на ниве российской словесности, произрастающее где-то на ее обочине. И если уж искать истоки его творческой манеры, его удивительного умения вторгать фантастическое в реальное, то они в народных сказках, и у Гоголя, в его «Носе» или «Портрете», и у Достоевского, и в прекрасных повестях и рассказах русского фантаста Н.П. Вагнера (1829–1907), писавшего под сказочным

псевдонимом «Кот Мурлыка». Его книжки хорошо знал Грин с детства. Иные из гриновских новелл вызывают в памяти «Господина из Сан-Франциско» И. Бунина, «Листригонов» А. Куприна… Нет, Грине не иноземный цветок, не пересадочное растение, он «свой» на многоцветной ниве русской литературы, он вырос как художник на ее почве, там глубокие корни его своеобычной манеры.

Творчество Грина в его лучших образцах не выбивается из традиций русской литературы – ее высокого гуманизма, ее демократических идеалов, ее светлой веры в Человека, чье имя звучит гордо. То, что эта неизбывная мечта о гордом человеке бьется в книгах Грина неприкрыто, обнаженно, яростно, может быть, и делает его одним из самых оригинальных писателей.

Творчество Грина – черточка лица эпохи, частица ее литературы, притом частица особенная, единственная.

Авантюрные по своим сюжетам, книги Грина духовно богаты и возвышенны, они заряжены мечтой обо всем высоком и прекрасном и учат читателей мужеству и радости жизни. И в этом Грин глубоко традиционен, несмотря на все своеобразие его героев и прихотливость сюжетов.

Одна из самых притягательных черт гриновского своеобразия в том и состоит, что мир юношеского воображения, страну чудесных подвигов и приключений писатель изображает так, будто страна эта и в самом деле существует, будто мир этот зрим и весом и знаком нам в мельчайших подробностях. И писатель прав. Читая его книги, мы в той или иной мере узнаем в них себя, узнаем свои юношеские грезы, свою страну воображения и испытываем ту же дрожь самопознания, какую испытывал сам Грин, читая Чехова или Жюля Верна, Фенимора Купера или Брет Гарта.

Сюжеты его книг ведут люди действия, те, которые «видят в своей мечте святую и великую истину» и ради нее идут на дерзновенные свершения. Презирающий смерть лоцман Битт-Бой, исполненная неугасимой веры в мечту Ассоль, верный Санди и неподкупная Молли в «Золотой цепи» мужественный Тиррей Давенант, вступивший в неравную борьбу с сильными мира сего в «Дороге никуда», бесстрашная Дэзи в «Бегущей по волнам», Тави в «Блистающем мире», поверившая в невозможное, – в этих образах олицетворено основное

содержание, социальный пафос гриновских книг, одухотворенных высокой романтикой мечты, такой мечты, о какой говорил Писарев, что ее «можно сравнить с глотком хорошего вина, которое бодрит и подкрепляет человека».

В. Вихров

Александр Степанович обладал прекрасным свойством: он превосходно отличал добро от зла, или, вернее, он безошибочно чувствовал, что хорошо и что дурно. Кроме того, он хорошо знал самого себя и был с собой искренен. Выявить себя целиком он не захотел, но говаривал, что его можно узнать, вчитываясь в его произведения. Это верно, хотя и не до конца. Александр Степанович только частично выявлял свои мысли, чувства и поступки в лице своих героев. И можно, мне кажется, безошибочно узнать, когда, рассказывая будто бы о своих героях, Александр Степанович говорит о себе; это чувствуется по особой, твердой и честной, интонации. Но в большинстве случаев Александр Степанович изображает только либо положительную, либо отрицательную сторону своего «я».

В. Абрамова

Александр Степанович не любил рассказывать о себе посторонним, да и близким без большой охоты. И сам – не расспрашивал. На редкие, правда, просьбы редакций журналов дать автобиографический материал он суховато отвечал: «Моя биография – в моих книгах». Иногда мне это казалось смелым, и я говорила ему о своем впечатлении. Он отвечал мне, что для него это не смелость, а истина, что настоящий художник, пишущий не для сегодняшнего дня, не для карьеры, а для души, по существу, является всеми героями – положительными и отрицательными – своих произведений, ибо для того, чтобы изобразить тот или иной персонаж, нужно настолько слиться с ним, что он является как бы действительной частью его существа. «Внешние наблюдения над разными людьми и случаями, – говорил он, – только помогают мне сконцентрировать и оформить впечатление от самого себя, увидеть разные стороны своей души, разные возможности. Я и Гарвей, и Гез, и Эсборн – все совместно. И со стороны на себя

смотрю, и вглубь, и вширь. Только на самом себе я познаю мир человеческих чувств. И чем шире в писателе способность проникать через себя в сущность других людей, тем он талантливее и разнообразнее. Он как бы всевоплощающий актер. Мне лично довольно познать себя и женщину, любимую и любящую меня. Через них я вижу весь свой мир, темный и светлый, свои желания и действительность. И, каковой бы она ни была, она вся выразилась в образах, мною созданных. Надо лишь уметь их прочесть».

Грин был повышенно чувствителен к похвалам своему искусству. Он говорил: «Похвала, слов нет, приятна, но всегда или почти всегда чувствую себя при этом так, словно я – голый, и все меня рассматривают». Он очень тонко чувствовал оттенки похвалы: простая, искренняя – чаще от нелитературных людей – трогала и волновала его. Умная, серьезная похвала настоящего ценителя искусства доставляла истинное удовольствие. Похвала литературных и редакционно-издательских «тузов» раздражала его, вызывая насмешку или ядовитый отпор, – она всегда плавала по поверхности. Он знал себе цену как художнику, знал свои слабости, свой рост, свои силы – больше всех тех, кто в недостаточно искренних и тактичных словах величественно награждал его похвалой.

Н. Грин

Это писатель замечательный, молодеющий с годами. Его будут читать многие поколения после нас, и всегда его страницы будут дышать на читателей свежестью, такой же, как дышат сказки.

М. Шагинян

Александр Степанович Грин, при внешней своей общительности, был человек замкнутый, несколько настороже, и мне кажется – эта настороженность была в нем чувством собственного достоинства. Он знал себе цену, берег в себе свое умение неповрежденным уйти в вымысел и неповрежденным выйти оттуда, он никогда и никого близко не допускал к замыслам своим.

На фоне скудоумной дореволюционной ежедневно-журнальной беллетристики пряный аромат и острое дыхание гриновских рассказов воспринималось

приблизительно как ананас после вареной моркови. Упорство, воля, неистребимая любовь к своему призванию, вера в необходимость того, что ты делаешь, – все это в совокупности помогло Грину не потерять себя и в неприкосновенности сохранить свой строй языка, свою инструментовку прозы.

Л. Борисов

Грин всех почему-то волновал, и не только как автор, но и как личность. Что-то своеобразное было в его внутрь себя обращенном взгляде, суровом, но готовом на привет лице. Резкость его суждений не обнажалась перед каждым, но на ходу брошенные реплики создавали образ цельный и убедительно стройный. Он покорял своей внутренней убежденностью.

Грина считали мрачным, угрюмым человеком, говорили: «Он странный». Он был глубоко замкнутым – таким сделала его жизнь, но он мог, всегда был готов со страстью отразить атаку на свои человеческие права, встать на защиту своих творческих прав, и не только своих.

Вероятно, Грин сам был в чем-то сродни Дон-Кихоту, о котором писал в Новом Сатириконе:

Нет, не умер Дон-Кихот!
Он бессмертен, он живет!
Защищать сирот и вдов
Был герой всегда готов.
Но когда сирот так много
И у каждого порога
По вдове…

Стихи Грина – да, это не оговорка, – именно стихи часто появлялись на страницах «Нового Сатирикона» в течение 1914–1915 годов. А между тем в эти годы Грин был уже признанным писателем, мастером новеллы: вышли пять или шесть его книг.

Грина упорно влекла сатира, быть может потому, что его активной душе было тесно в привычных рамках, что неизрасходованная творческая энергия просила еще какого-то выхода. Кроме того, как я могла заметить, Грин всегда был самым ярым врагом мещанства, даже незначительное проявление мещанства, корысти, злобы

приводило его в бешенство.

Л. Лесная

Грин был отважный и мужественный человек, между прочим, неистощимый на озорство, иногда до жестокости справедливый. Он ненавидел мещанство и приземленный бытовизм и был к ним беспощаден. Грин не любил злых людей, хотя не был человеконенавистником. Наоборот. Он любил человека таким, каким тот может быть. Он страдал, не видя такого человека, и создавал мир, достойный его. Приподнятый стиль, острые сравнения, необычайные для русской речи имена и названия городов. Иначе он не мог: описывая иной, вымышленный мир, он стремился избавиться от ненужных ассоциаций с привычным окружением.

Грин избегал намеков – он говорил прямо и открыто, под стать своим героям. И его писательский труд огромен – он честной «земной» работой завоевывает право писать самые небывалые вещи. И новое он дает щедро. Мир, созданный Грином, не безлюден, – не одинокая душа писателя-эстета и отшельника населяет этот мир, а люди – разные и вместе с тем в чем-то близкие друг другу, созданные воображением Грина. Сильный дух в сильном теле, соединение силы и интеллекта, воли и душевной тонкости – таков гриновский идеал.

Грин отлично знал все темные стороны жизни. Но он понимал также, что натурализм враждебен человеку: от него портится зрение и слух, вянут мечты и замыслы. Натурализм грабит человека: он заслоняет прекрасное, дает людям, ищущим красоту, камень вместо хлеба. Эта отрава выступает то под лозунгом «полной правды» о жизни, то под лозунгом «полного знания» о жизни, но она не дает правды, ибо непричастен к правде натурализм, которому доступна лишь поверхность вещей, и не ведает он самого главного о жизни: что она прекрасна, ибо одухотворена. Одухотворенности жизни и посвящено творчество Грина.

Б. Вахтин

«Алые паруса» принадлежат к наиболее «гриновским» произведениям, в них заключены самые характерные творческие свойства писателя,

привлекающие к нему читателей: мечта и вера в свою мечту, уверенность, что она сбудется, какой бы она ни казалась несбыточной. При этом мечта осуществляется не фантастически, не волею таинственного рока, а необычайно просто и правдоподобно: любовь превращает мечту в материально ощутимую действительность; и за всем этим скрыта очень простая и реальная истина: люди сами, своими руками создают судьбу – другим и себе!

При всей своей общительности и простоте Грин отнюдь не был болтливым «компанейским человеком», а всегда оставался сдержанным и замкнутым. Его манера держаться вполне соответствовала его внешности. Ему были чужды экспансивность, суетливость, оживленная жестикуляция, сколько-нибудь бурное выявление чувств. Скорее он отличался заторможенностью жестов и движений. Мне кажется, ему была свойственна малоподвижность, замедленность реакций.

Говорил он спокойно, не прибегая к эффектам, хотя часто речь его становилась литературной, похожей на язык его произведений. Мне запомнилась своей необычностью перебивка в его разговоре, когда он сам себя прервал, сказав, что здесь он должен «звездочкой», то есть выноской, как на странице книги, вставить замечание.

У меня осталось впечатление, что Грин никогда не смеялся. Он усмехался, улыбался, но смех был ему как-то не к лицу. При этом он обладал замечательным чувством юмора, любил и ценил остроумие, с удовольствием принимал хорошую шутку и сам любил иронически сострить. Не случайно среди произведений Грина целый ряд юмористических рассказов и много раз он печатался в известном «Сатириконе».

Мало говорил Грин о своем творчестве. Я не помню, чтобы он распространялся о своих замыслах, о том, над чем и как работает. Изредка в разговоре он, между прочим, отмечал какую-нибудь сюжетную деталь, показавшуюся ему привлекательной. На вопросы – о чем он сейчас пишет, обычно отвечал очень кратко и неопределенно, упоминая о названии рассказа, одной фразой характеризуя тему. Это делалось настолько бегло, сто мне ничего отчетливо не запомнилось.

Нужда не смогла сделать Грина скупым или хотя бы бережливым. Когда у него появлялись деньги, они легко и без счета протрачивались, после чего наступало

продолжительное безденежье.

Может быть когда-нибудь появится исследователь, который составит географическую карту страны Грина, но я должен был поверить, что у него самого эта страна во всей реальности стояла в воображении перед глазами! Он мог ее видеть и рассказывать о ее пейзажах, городах с их улицами и домами.

Мне думается, что Грин жил в своих рассказах и переживал то необычное, к которому его влекло, между тем как в действительности оно оставалось несбывшимся. Он жил своей богатой фантазией, жил многими жизнями своих героев, волновался их чувствами и получал удовлетворение, какое не мог или не умел найти в обыденности. Я догадываюсь, что Грин часто сам был персонажем своих рассказов и растворялся в них своими впечатлениями, мечтами, идеалами. Он присутствует в своих рассказах таким, каким ему хотелось стать, но – не удалось!

Э. Арнольди

Имя Александра Грина звучало в дореволюционной русской литературе отдельно от всех школ и течений, отдельно от всех других писательских имен. Имя «Александр Грин» звучало дико и бесприютно, как имя странного и очень одинокого создателя нереальных, только в воображении автора живущих людей и стран. Толстые журналы и альманахи редко допускали на свои страницы произведения этого мечтателя. Маститые критики утруждали себя писанием статей об этом необычном авторе необычных для русской литературе вещей. Но все же творчество Александра Грина, вызывавшее интерес и внимание читателя, требовало объяснений. И было решено, что Александр Грин – последователь авантюрной западноевропейской и американской литературы. Грин был оттеснен в мелкие журналы, требовавшие «сюжетной литературы», он получал премии на конкурсах бульварной «Биржевки». Негласно было решено, что серьезных проблем этот писатель не ставит. Имя его стояло в ряду забытых ныне литераторов, постоянных сотрудников всякого рода «Синих журналов».

Но Александр Грин продолжал беспокоить воображение. Он не развлекал, а тревожил. И в каком бы плохоньком журнальчике ни печатались рассказы его,

они, резко контрастируя с остальными материалами журнала, обращали на себя внимание и оставались в памяти. Имена ряда влиявших на Грина иностранных писателей кое-что объясняли в творчестве Грина. Любимейшими писателями Грина были Стивенсон и По, и бесспорно влияние на него этих классиков. Но неразъясненным оставалось своеобразие Грина.

Будь Александр Грин простым эпигоном, покорным подражателем, не стоило бы особенно долго и говорить о нем. Но этот мятежный писатель отличался глубоким своеобразием своего отчаяния, своих надежд и мечтаний. Его творчество окрашено в свой, особый цвет. И в творчестве этом выражен своеобразный облик человека, которого услаждают, мучают и влекут к активным действиям мечты, кажущиеся ему подчас несбыточными, человека, страстно ненавидящего все злое в жизни и активно любящего доброе.

Александр Грин умел внушать страх иным людям. Он умел отвечать резко, сговорчивостью и ложным добродушием он не отличался. И в литературе он был несговорчив, упрямо от книги к книге прокладывая свой, особый путь. В нем долго жило убеждение, укоренившееся с дореволюционных лет, что только на себя и можно положиться.

Один поэт, решив использовать Грина для своей группировки, адресовался к нему как к родственному якобы этой группе писателю:

– Объединитесь с нами! – предложил он.

– Нет, – с тихой яростью ответил Грин и прошел мимо.

Потом он объяснил мне:

– У него косой и недобрый взгляд. Он злой человек.

Александр Грин, одинокий, нелюдимый, угрюмый, не был злым человеком и не был злым писателем. В этом большом и сильном теле жила страстная мечта о доброй жизни и добром человеке, воплощающем в жизнь мечты о счастье человеческом. Что же касается разных литературных групп, то Грин никогда ни в каких группах не состоял, он жил и умер писателем-одиночкой. Он не понимал и не признавал групповой борьбы, отвергал зависть и склоку.

Мечты и надежды Грина яснее всего выражены в его книгах. Книги – главное, что характеризует писателя. Грин был в творчестве своем до конца искренен и чист. И

творчество Грина из года в год становилось углубленнее. Оно светлело в послереволюционные годы, словно медленной и робкой рукой человека сомневающегося, недоверчивого, но желающего поверить раздвигались черные шторы, открывая взору мир осуществимого и реального счастья.

Грин тщательно работал над языком своих произведений, ища наиболее выразительные слова для выпуклого, рельефного изображения своих фантастических героев. Нет ничего случайного и неряшливого в языке лучших произведений Грина. Стиль Грина, оживляемый то лирикой, то иронией, остается всегда спокойным, ровным, лишенным претенциозного, безвкусного вычура, выспренней риторики. Самые необычайные событий Грин излагает без нажима так, как рассказывают о самых обыкновенных, всем известных вещах. Этот контраст тона и содержания, придавая художественную убедительность произведениям Грина, составляет особенность его манеры, которая опять-таки роднит лучшие его произведения с народными сказками.

М. Слонимский

Грин был нелюдим. Мне кажется, это оттого, что он верил в чудеса, а люди не могли ему дать этих чудес. Но самое удивительное – он думал, что в нем самом есть что-то чудесное.

Его недооценили. Он был отнесен к символистам, между тем все, что он писал, исполнено веры именно в силу, в возможности человека. И, если угодно, тот оттенок раздражения, который пронизывает его рассказы, – а этот оттенок безусловно наличествует в них! – имел своей причиной как раз неудовольствие его по поводу того, что люди не так волшебно сильны, какими он видел их в своей фантазии.

Иногда говорят, что творчество Грина представляет собой подражание Эдгару По, Амбруазу Бирсу. Как можно подражать выдумке? Ведь надо же выдумать! Он не подражает им, он им равен, он так же уникален, как они.

Наличие в русской литературе такого писателя, как Грин, феноменально.

Ю. Олеша

Грин был высоко честен, строг и чопорен; не любил ни малейшей фамильярности; резко обрывал всякие попытки панибратства. Из-за подчеркнутой сдержанности и строгости на многих производил впечатление загадочное; уверен, что именно в этом корень ходивших о нем легенд.

Очень любил читать и говорить о путешествиях, хотя сам путешествовал мало, побывал только в Александрии. Вообще увлекался всем таинственным.

Грин отчетливо сознавал, что стоит особняком в ряду писателей, и гордился этим. Читательский успех у него был широкий. Но критика относилась к нему свысока и упрекала в плохом языке, напоминающем перевод с английского.

Что я особенно ценю в произведениях Грина? Переплетение романтической и реалистической стихии. Мечту – не отвлеченную, абстрактную, а, если можно так выразиться, мечту, поставленную тут же. Этим-то она и наиболее убедительна. Думаю, что этим и объясняется успех Грина у публики развитой, интеллигентной.

Г. Шенгели

Как в древней Финикии чуть ли не все были заняты изобретением систем алфавита – одной из них пользуется ныне полмира, – так в России того времени изобретали совершенный мир и совершенного человека. Свои варианты предлагали политики и поэты, художники и философы, композиторы и просто верующие – во всех богов, какие есть! – люди.

Одним из искавших был Александр Грин.

Грин был отважный и мужественный человек, между прочим, неистощимый на озорство, иногда до жестокости справедливый. Он ненавидел мещанство и приземленный бытовизм и был к ним беспощаден. Ему ничего не стоило населить целый поселок злобными и ограниченными людьми, которые не поют песен, а если поют, то «грубые, как урчание в животе, коротенькие четверостишия с ужасным мотивом». У него не было жалости к таким людям. Он их ненавидел и презирал, и любимый финал его вещей – посрамление бытовой слепоты и неверия в радость необычного.

Грин не любил злых людей, хотя не был человеконенавистником. Наоборот. Он любил человека таким, каким тот может быть. Он страдал, не видя такого

человека, и создавал мир, достойный его.

Фантазия Грина питалась жизненными образами, легко обращаясь с масштабом: малое он увеличивал, большое уменьшал, добывая материал для создаваемого им необычного мира. Если бы Грин только фантазировал, он не смог бы убедить читателя. А ему ли, познавшему всю радость книги для погруженных в горечь жизни, было не заботиться о живом контакте с читателем, о том, чтобы быть понятым! И поэтому чем смелее и невероятнее его выдумка, тем точнее и конкретнее описаны детали вымышленного. «Одной ногой стоять на небе, другой – на земле», – таков девиз Александра Грина. Вспомните скрупулезно точные описания вымышленных городов, пейзажей, людей; вспомните описания дворца в «Золотой цепи». «Старинные волшебники покраснели бы от стыда, что так мало придумали в свое время», – писал Грин. И он имел право на эту фразу.

Приподнятый стиль, острые сравнения, необычайные для русской речи имена и названий городов… Иначе он не мог: описывая иной, вымышленный мир, он стремился избавиться от ненужных ассоциаций с привычным окружением.

Грин избегал намеков – он говорил прямо и открыто, под стать своим героям. И его писательский труд огромен – он честной «земной» работой завоевывает право писать самые небывалые вещи. И новое он дает щедро.

Да, трудно удержаться по эту сторону хорошего вкуса, если пишешь о летающем человеке и бегущей по волнам, но Грину это удалось. Возможно, стилизация Грина – следствие особой природы его взгляда на мир.

Грин не искал славы – он искал в ней новых путей. Практически каждый писатель декларирует этот принцип, но не каждый так убедительно показывает верность своей теории.

Мир, созданный Грином, не безлюден, – не одинокая душа писателя-эстета и отшельника населяет этот мир, а люди – разные и вместе с тем в чем-то близкие друг другу, созданные воображением Грина. Сильный дух в сильном теле, соединение силы и интеллекта, воли и душевной тонкости – таков гриновский идеал.

Не был ли Грин первым из тех, кто видел мир только в розовом свете? Почему у него в большинстве случаев

торжествуют правда и добро, а все недоброе оказывается посрамленным? Разве нет в жизни мрачных сторон?

Грин отлично знал все темные стороны жизни. Но он понимал также, что натурализм враждебен человеку: от него портится зрение и слух, вянут мечты и замыслы. Натурализм грабит человека: он заслоняет прекрасное, дает людям, ищущим красоту, камень вместо хлеба. Эта отрава выступает то под лозунгом «полной правды» о жизни, то под лозунгом «полного знания» о жизни, но она не дает правды, ибо непричастен к правде натурализм, которому доступна лишь поверхность вещей, и не ведает он самого главного о жизни: что она прекрасна, ибо одухотворена. Одухотворенности жизни и посвящено творчество Грина.

Основное – открытие новых путей в русской прозе – Грин сделал. Он неповторимый мастер сюжета – не «последовательности событий во времени», а игры событий. Он мастер радостного жизнеутверждения, воспевший победу мечты как непреложный закон жизни.

Б. Вахтин

Жизнь, лишенная смысла и гуманных ценностей, несет человеку страдания и отчуждение. «Утопия» писателя, названная впоследствии Гринландией, и современная ему дореволюционная Россия – это образ абсурдного мира. В произведениях Грина предреволюционной поры (как и в творчестве Л. Андреева, А. Ремизова, А. Белого) предвосхищаются многие из тех исканий, которым еще только предстояло появиться в европейской литературе под именем экзистенциализма и экспрессионизма.

Е. Иваницкая

Грину, которого в последние годы жизни печатали все меньше и меньше, не раз приходило в голову, что пора подводить итоги. А уж о том, как станут его издавать и переиздавать спустя полвека, он и представить себе не мог. Между тем, полвека прошло, а поднятый им когда-то алый парус все ярче сверкает перед глазами юношей и девушек, способных «делать чудеса своими руками», готовых всю жизнь «искать и неожиданно находить» и ради этого, если понадобится, «ступить ногой на бездну». Эти девизы, оставленные

Грином молодежи, обладают поистине научной силой».

Э. Россельс

Идеалом стремлений искусства, по Грину, является «добрый дух живой жизни», который, «как красота, сам про себе благо, так как заражает других.

А. Ревякина

Грин хотел видеть людей другими, лучше, ему рисовался идеал гармонического человека, свободной личности с богато развитой духовной жизнью, с чувством прекрасного, с уважением к внутреннему миру своему и других. Именно потому он пытался пробудить в людях тоску по осмысленной, радостной и целеустремленной жизни, протестовал против разрушения личности в буржуазном обществе, против утраты духовных ценностей.

В чем тайна неумирающего обаяния творчества Александра Грина? Может быть, в том, что он в большей степени, чем кто-либо, сохранил в себе детскую свежесть чувств и способность удивляться. «Детское живет в человеке до седых волос», – говорится в его рассказе «Жизнь Гнора».

Грин – романтик, в его мире много условного, вымышленного. Но что касается внутреннего мира героев, здесь он чрезвычайно точен и достоверен. Среди части читателей сложилось мнение, что у Грина – романтика исключительного. Капитаны, бороздящие моря, отважные охотники, путешественники, аристократки… Но это-то как раз и является у него условными. Ведь главная героиня «Алых парусов» – дочь моряка Лонгрена Ассоль, Тави из «Блистающего мира» или Дэзи из «Бегущей по волнам» – простые девушки, зарабатывающие на жизнь собственными руками, находясь в самой обычной, подчас грубой и жестокой, мещанской среде. Право же, «аристократизм» гриновских героев и героинь не от их положения в обществе, а от возвышенности чувств и благородства душ.

Отсвет «Алых парусов» ложится на все творчество Грина, которое он посвящает решению самой значительной проблемы – проблемы человеческого счастья. Его герои воюют со всем, что мешает счастью людей.

Талант Грина добр. Но он становится беспощадным, когда видит фальшивое и низкое.

Страницы гриновских книг заполнены описанием прекрасных морей, залитых солнцем городов, неповторимо интересных людей. Герои его видят и учат видеть: шум ветра или моря, музыка способны изменить человека. И человек в книгах Грина слышит биение сердца друга и тонко улавливает светлое чувство девушки, он слышит и учит слушать «сквозь тонкое стекло жизни». Поэтому страницы книг Грина необычайно поэтичны.

Грин верит: красота зависит от человека, от его умения создавать ее.

Мечта становится реальной силой, преобразующей мир. Грин торжествует победу действенной мечты над обывательским неверием в ее силу.

Для Грина человек, способный ярко воспринимать мир, могуч – он может материализовать мечту, рассеяв наваждение.

Лирически взволнованную интонацию его книг сопровождают философски-спокойные размышления умного человека, доверчиво рассказывающего о своих открытиях в мире души.

Неповторимость книг Грина – в их удивительной атмосфере поэтичности и гармонии, в предельно достоверном и реалистическом описании никогда не существовавших городов и не происходивших событий. Эту атмосферу создает и гриновский пейзаж, неразделимо связанный с душевным миром героя, и обилие элементов искусства – музыка, скульптура, живопись, книги, – и восприятие вещей, и пристальное внимание к цвету, к звуку, и неожиданность ассоциаций, и бережное отношение к слову.

Грин умел видеть красоту во всем и передал это ценное умение своим героям.

Грин знал, что сами люди не изменяются. Он знал и то, что сначала надо сделать обстоятельства человечными.

Грин – за внутреннюю свободу человека, за бескомпромиссное развитие личности; жалок тот, кто приспосабливается, – за это он вынужден заплатить колоссальными душевными издержками и в конечном счете гибелью собственной личности.

Грин оставил нам десятки волнующих и прекрасных

произведений, возбуждая в людях желание творить по законам красоты. Среди них немало таких, где действуют его мужественные и нежные герои, сами не сознающие величия своих поступков, потому что они для них норма.

В. Харчев

Грин считал, что серое прозябание – это не удел человека, а отклонение от нормы; только от человека и от общества зависит, чтобы человек распрямил крылья и полетел.

Е. Прохоров

Удивительным было то, что А.С. Грин, писатель такой тонкой духовной организации и творческого своеобразия, и в начале литературной деятельности, и в период зрелости таланта не принимался всерьез дореволюционной литературной средой. В основном его считали представителем облегченно-занимательного жанра и, как автору, отводили ему место на страницах малопочтенных еженедельников, не предлагая сотрудничества в тогдашних «толсто-идейных» (насмешливое определение самого Грина) журналах. Под стать легковесно-развлекательной прессе была и литературная среда, в которой приходилось вращаться этому уже зрелому, твердо осознавшему свой путь писателю. Его товарищами по профессии оказались люди, делившие литературную поверхностную скоропись с навыками и привычками типичной для того времени богемы. В большинстве своем это были бойкие поставщики скороспелого «чтива» в угоду вкусам малотребовательного обывательского круга. Доступ в более серьезные издания был для них закрыт, эту участь поневоле приходилось испытывать и Грину, постоянно нуждавшемуся в заработке, зависящему от прихоти низкопробного книжного рынка. Несмотря на то, что частное издательство «Прометей» Михайлова уже начало незадолго до революции выпускать Собрание его сочинений, отношение критики к этому своеобразному писателю оставалось высокомерным и даже несколько пренебрежительным.

В. Рождественский

Обогащение мира красотой, его духовное освоение происходят тогда, когда природный (солнечный, лунный) свет соединяется с духовным. Стремление к этому выступает в художественной системе Грина как стремление к Несбывшемуся. Образ Несбывшегося – символ цели. Несбывшееся заложено в самой природе человека и проецируется на внешний мир как некая противоречивость, устраняющаяся беспредельной духовностью.

Осуществлением Несбывшегося становятся «светлые страны». В системе «светлых стран» главное место занимает образ океана. Интенсивность света в нем сочетается с беспредельностью пространства. Слияние природного света (солнечного, лунного, звездного) с глубинами моря создает особый мир – «синее сияние океана», который становится измерением духовного мира героев – обладателей «странной летящей души».

Ничего не закончено, не завершено, не закреплено окончательно в мире «светлых стран», в мире «странной летящей души» героев Грина. У этого мира нет границ; выраженные светом (и цветом), его грани постоянно раздвигаются, сверкают новыми оттенками. Гриновское видение мира способствует расширению сознания личности, открывает путь к реальному преображению человеческой жизни. Процесс этого творческого преображения непрерывен, как непрерывен сам процесс жизни.

И. Дунаевская

В своих рассказах, романах и повестях Грин умел радовать и волновать людей. Он рассказывал в них о радости сбывающейся мечты, о праве человека на большое счастье, о чудесных подвигах и открытиях, о красивой любви, способной совершить чудо, о дружбе навек, о мужественных, героических, благородных людях, смело идущих навстречу опасности. Верой в человека, в его неистощимые возможности, светлое будущее, мечтой о красоте человеческой пронизаны многие произведения Грина. Его книги, написанные, по словам Куприна, «золотым и веселыми языком», учат молодежь мечтать и осуществлять свою мечту, любить и уважать людей, стремиться к справедливости, добру, красоте, воспитывать в себе высокие чувства.

Н. Изергина

Почти все гриновские произведения – большие и малые – подчинены самовластно владеющей им идее радости сбывающихся фантазий, торжеству человека, сумевшего осуществить свою самую желанную мечту.

Можно обладать неиссякаемой фантазией, можно научиться строить поистине головокружительные сюжетные коллизии, но не уметь придавать своему вымыслу абсолютно убеждающую реальность. Тут не помогут ни ум, ни начитанность, ни большой литературный опыт. Нужен особый талант, та волшебная палочка мастерства, которой в совершенстве владели сумрачный американский новеллист Эдгар По и добрый, ясный сказочник Андерсен.

Владел такой волшебной палочкой и Александр Грин. Под ее воздействием самое невероятное и фантастическое принимало четкие реальные формы и убеждало, как видимое и существующее.

В. Дмитревский

Изучение новелл Грина, а также архивных материалов показывает, что писатель считал авантюрную ситуацию лишь внешней оболочкой, за которой должно скрываться глубокое психологическое содержание. Он черпал из различных источников такой материал, который отвечал его нравственно-этическому идеалу. Об определенной целенаправленности в выборе им тем позволяют судить не только новеллы, но и записи неосуществленных замыслов, находящиеся в ЦГАЛИ.

М. Саидова

Необычны были для русской литературы герои Грина – необычен был и он сам, одинокий, замкнутый и немного чопорный, взрастивший в грязных ночлежках мечту о прекрасном мире.

О Грине можно сказать словами Лескова: «Он сам – почти миф, и история его – легендарна». Грин никому не рассказывал о своей жизни и своих замыслах. «Не люблю пустого залезания в чужую душу, – говорил он. – Словно писатель – магазинная витрина: пяль все наружу!»

Лучшее в творчестве Грина заслуживает широкой популяризации и читательского внимания: его огромное

писательское мастерство, его страстная любовь к людям и активная ненависть ко злу, его лирико-героическое ощущение мечтающей и творящей личности.

Страна Грина очень живописна, но ничуть не фантастична, даже несколько упрощена, архаична и диковата; ее единственным украшением являются цветы и зелень. Вот один из характерных для Грина пейзажей: «Мои воспоминания впечатлений природы обычно упираются в оригинальный контраст между гористым местом и окружающими его болотистыми равнинами. Этот контраст всегда привлекал меня. Он представляет одно из редких соединений разнородного, которые нет желания отнести к какой-нибудь географически определенной территории; думая о нем, кажется, что природа вложила в этот свой каприз весь запас странных противоречий, свойственных душе нашей, со значительным и тонким намеком».

Этот отвлеченный пейзаж очень напоминает обычные для писателя зарисовки фантастического Ламмерика или Покета; а между тем в нем частично отразилась природа Токсова, ленинградского пригорода, где Грин жил в 1921 году.

Вдова Грина в своих воспоминаниях свидетельствует, что пейзажи Гертона, Гель-Гью, Зурбагана навеяны писателю любимыми им крымскими местами. «Это Крым, это наши пути-дороги… и великая любовь Александра Степановича к природе». В «Автобиографической повести» Грин и сам признается в этом: «Некоторые оттенки Севастополя вошли в мои города». Можно также отметить, что Гель-Гью очень похож на Гурзуф: Грина «особенно привлекала клочковатость» этого города.

Герои Грина в большинстве своем благородны и мужественны, упорны и великодушны – истинные жизнелюбцы и борцы за жизнь.

Женщину Грин всегда изображает предельно чисто и целомудренно. Никакой двусмысленности, никакой игривой эротики нельзя встретить в его произведениях. Героическая страсть, доведенная до трагической высоты, становится основным содержанием рассказов Грина о любви. Она для него является оружием борьбы с «маленькой любовью», «дачными страстями». Его отношение к любви нормативно, исключительно серьезно и кристально прозрачно. Те женщины, которых

изображает Грин, заслуживают рыцарского отношения. Они чисты и великодушны, верны и преданны, умеют любить, прощать и верить.

Самое любимое читателями произведение Грина – это его повесть-феерия «Алые паруса», удачно названная М. Слонимским «сказкой о воплощенной в жизнь месте, о том, как добрая воля человека претворяет мечту о счастье в счастье реальное». В «Алых парусах» воплощены лучшие свойства творчества Грина: повесть вызывает стремление к подвигам, к познанию мира, воспитывает чувство прекрасного, рыцарское уважение к женщине, понимание высокой нравственности. Она исполнена лирической взволнованности, животворящей бодрости, оптимизма, веры в то, что «несчастье не есть неустранимая основа бытия, а мерзость, которую люди могут и должны отмести от себя» (М. Горький).

Грин часто возвращается к вопросу о писательском мастерстве и сам много и напряженно работает над своими произведениями. Считая поэзию своим «прибежищем и утешением», Грин говорил, что «настоящий талант всегда найдет дорогу к сердцу», но никогда не пренебрегал технической отделкой произведения, заявляя: «опытный художник знает, что вдохновение приходит редко, что разум доканчивает работу интуиции».

О писательском трудолюбии Грина свидетельствуют многократно переписанные черновики «Бегущей по волнам», «Крысолова»; многочисленные переработки «Дороги никуда». «Иногда, – говорил он, – часы провожу над одной фразой, добиваясь истинного ее блеска, бывало, сюжет вдруг по-новому выступит, рельефно оттенится то, что было в полусумраке, или родится новый сюжет или какая-нибудь картина нового создания».

Особенно большое значение Грин придавал хорошо написанному началу, считая его «входом в русло», музыкальным ключом тональности всего произведения, а к себе он предъявлял в этом отношении особенно большие требования: «Так как я пишу вещи необычные, то тем строже, глубже, внимательнее и логичнее я должен продумывать внутренний ход всего. Фантазия всегда требует стройности и логики. Я менее свободен, чем какой-нибудь бытописатель, у которого и ляпсус сойдет, прикрывшись утешением: чего в жизни не

бывает!»

«Каторжниками воображения» называл Грин писателей, сравнивая их с арестантами каторжной тюрьмы, таскающими на себе тяжести творчества.

Очень интересна в творческой манере Грина его горячая заинтересованность в судьбах своих героев. Даже расставшись с ними, он не забывает об их существовании, таком непреложном для него. В набросках для себя он рассказывает о дальнейшей жизни придуманных им персонажей.

Грин в истории русской литературы интересен своей поэзией мечты и нравственных поисков. Он свято верил в действенность своего искусства и говорил: «Знаю, что мое настоящее всегда будет звучать в сердцах людей!»

Лучшие произведения Грина полны глубокой поэтической любви к жизни и к людям, лирико-героического ощущения мечтающей и творящей личности. В них звучит призыв к творчеству, к мужеству, гимн жизни, утверждение, что вся земля, со всем, что на ней есть, – все для человека, для развития жизни и признания ее повсюду. Гриновское «настоящее» и по сей день – помощник в нашей борьбе за правду и красоту человеческих отношений.

О. Воронова

Грин изобрел экзотику в «чистом виде» – вне какой-либо исторической, географической или социальной прикрепленности.

М. Петровский

Бывают имена значащие, имена-характеристики – Скотинин, Стародум, Собакевич. У Грина таких прямых, намекающих имен нет. Его имена экзотичны, они не прописаны в общежитейском лексиконе: Тинг, Гнор, Тарт, – где вы их найдете, как переведете? а вместе с тем они звучат и звучанием своим будят ассоциации. Ассоциации у каждого свои, а эмоциональное восприятие имен – безошибочно.

Экзотическая яркость образов у Грина опиралась на серьезное размышление о современности. Исключительность приключения он связывал с героикой отрыва от привычного, от «раз навсегда данной картины жизни», как об этом скажет другой, более поздний

персонаж, осмысливая ошибки прошлого. Неизведанное – рискованный, но и доступный вид борьбы с ужасом внутренней скованности, с безысходностью условий существования, знак неодолимой тяги к иной жизни. То была попытка художника ответить самому себе.

Грин испытывал острое сочувствие к человеческому страданию, разделял идеал чистоты и бескорыстия, воспринял нравственный и эстетический максимализм Достоевского. Но как романтик он шел от общей картины зла к интимному миру отдельной личности.

Особенностью художника Грина была камерность видения и отображения, но это камерность особого рода. Грин поэтизировал совершенство отдельного человека в убеждении, что совершенство, вооруженное сознанием собственной силы, действует неотразимо. Накануне и после революции герой Грина обретает невиданное могущество. События требуют от него того же, что и от больших масс людей, – огромности созидательных усилий в борьбе с сопротивляющимся злом.

Должное в мировоззрении Грина – это прекрасное, а прекрасно только то, что активно выражает человечное. Власть красоты огромна, но не безгранична. Однако она утверждается в его творчестве и как предмет, и как манера. Прекрасному объекту отвечает прекрасное изображение.

Способ убеждения Грина – красота во всем. Изумление совершенством – вот чего добивается романтик. Грин, определив идеал, оснащал его – не декоративно, а по существу. Чувство, мысль, поступок, портрет, пейзаж отдельно и совокупно аргументируют должное и служат пользе прекрасного целого.

Природа, нива трудов и искусство – два мира красоты, куда вписал Грин разнообразие жизненных конфликтов.

У Грина методом объяснения, воссоздания и поэтизации жизни стала психологическая фантастика. Он смело начал сочетать редкое – случай приключения – с трудным нравственным экзаменом.

«От воображенного к действительному» (определение Н.Н. Грин) – таков путь фантастических сюжетов Грина. Эта особенность движения творческой мысли писателя подчас оставалась непонятой и теми, кто его читал, и теми, кто писал о нем.

Гриновский сюжет, гриновский пейзаж, гриновский

характер…

Вместилище красоты, единственное в своем роде, с отсветом нездешности над очень близким, знакомым. Осознанно или бессознательно, человек ловит прекрасное, желая, чтобы оно утвердилось. И потому тянет медленно читать Грина, и вспоминать прочитанное, и перечитывать снова.

Грин покоряет и очаровывает поисками счастья, которое «иногда приходит к людям. Отсюда его мечта о небывалом, о странах, которых нет, о приключениях, которых не было, о добрых и хороших снах, от которых людям становится чище, лучше, свободнее на земле…

Грин сотворил слепок земли, собственную страну. Он ее строил, заселял, один управлял ею, он поглощен ею целиком, там живет и тяжко работает. Пространство и время – тут, внутри себя, надо не расплескать.

В лучших творениях Грина читатель ищет и находит неотразимые нравственные образцы. При жизни у Грина не было такого большого читателя. В сороковых, пятидесятых, шестидесятых годах, в наши дни его произведения вновь стали необычайно популярными.

Да, книги Грина в строю. Они живое орудие в борьбе против прагматизма и бездуховности. Они воюют с трусостью, мелким эгоизмом, с самоутешительным ничтожеством жалкого духа – «мы люди маленькие, что с нас взять», воюют и с другой категорией мещан – агрессивными захребетниками, с их бесцеремонной теорией и практикой «жизненного успеха» любой ценой, самоуверенным невежеством, фетишизмом материальности.

Грин врос в наше время крепкими корнями, след его остался, значит, был крупным, ибо, по его же словам, «малый след скоро зарастает травой».

Л. Михайлова. Александр Грин. М, 1980

Роман А. Грина созидается на основе дерзновенной фантазии художника. Выдумка – основа этого романа. Однако научной выдумки, как у А. Беляева, в гриновской фантастике нет. Но здесь налицо то, что называется психологической фантастикой. Конечно, гриновская фантастика полярно противоположна психологической фантастике Г. Гофмана, которого привлекала большей частью «ночная сторона» человеческой души, власть темных сил, играющих человеком, трубный зов рока.

Гриновская фантастика – это «солнечная сторона» человеческой души, торжество извечно доброго, нравственно здорового начала в человеческом сердце. Принимая во внимание категорию фантастического в гриновском романе, его можно определить как роман фантастический.

Гриновский роман образует особую разновидность жанра в русской пореволюционной прозе. Это романтический роман. Он не имеет аналога в нашей литературе.

Н. Кобзев

Романтик Грин хорошо различает абстрактные категории добра и зла и создает их живые модели; зоркий психолог, он способен ярко изобразить духовного человека. Творческая «установка» Грина, в общем, проста и лежит в русле демократической литературной традиции. Он считал, что «любой рассказ должен содержать жестокую борьбу добра со злом и заканчиваться посрамлением темного и злого начала». Романтик старается, сколько возможно, привнести в жизнь человеческого тепла и прямо говорит об этих своих усилиях: «Я настолько сживаюсь со своими героями, что порой и сам поражаюсь, как и почему не случилось с ними чего-нибудь на редкость хорошего! Беру рассказ и чиню его, дать герою кусок счастья – это в моей воле. Я думаю: пусть и читатель будет счастлив!»

Мир тайны воображения… Его мысли, как и его чувства, рождают отзвук в нашем реальном мире. Его герои, «лишенные обязательного местного колорита, кажутся нездешними, а они вокруг нас». Они живут в воображаемом мире, но в них мы прозреваем себя – в лучших своих побуждениях; иногда различаем упрек себе; почти всегда – дружеский жест, поддержку, обновленье смысла старинных понятий – вера, надежда, любовь; убежденность в том, что светлое в человеке обязательно возьмет вверх.

Любя жизнь, Грин мечтал видеть ее совершенной.

Н. Тарасенко

Ключ к художественному феномену Грина следует, вероятно, искать не только в том, что перед нами мир условно-романтический и мир психологический, но и в

том, что это еще мир поэтический.

Непреходящая причина популярности писателя – в его оптимистической проповеди благородства, честности, активной доброты. Любимые его герои объединены той высокой этикой человеческих отношений, которая должна стать повсеместной в будущем. Грин как бы убеждает читателя: человек – прекрасен; самопожертвование, подвиг – органическая норма его поведения. Мир устроен жестоко и несправедливо, и лучшие намерения часто гибнут в нем невоплощенными, но это не должно ввергать человека в пессимизм. Ни одно светлое движение души не пропадает бесследно, ибо рождает отклик в том, к кому обращено.

Сила и торжество идеала связаны в прозе Грина не с идеализацией героя и уж тем более не с идеализацией действительности (здесь хотелось бы даже употребить странный термин – критический романтизм), а с общей художественной идеей и позицией автора. Грин-романтик любуется теми, кто воплощает его мечту о нравственном совершенстве, но Грин-реалист хорошо знает психологические «бездны» человека, его падения, его неуправляемость, необъяснимость его поступков, тяжкое сочетание добра и зла в его душе.

Как всякий большой художник, Грин способен отважно заглянуть и в самого себя, в глубины собственной психики, – в его произведениях гораздо больше биографии и самонаблюдений, чем может показаться, если рассматривать их только как поэтическую мифологию. Вместе с тем эту документальность не следует преувеличивать.

Грин осознал главное направление своих художественных интересов очень рано и уже в 1910 году так говорил о себе: «произведения мои, художественные по существу, содержат общие психологические концепции и символы».

Художественный мир Грина, органично соединивший в себе реализм и романтизм, повседневность и фантастику, психологизм и дидактику, поэзию и прозу – неповторим.

Несмотря на разветвленную систему художественных условностей, пронизывающих и в чем-то даже определяющих структуру гриновского романтического мира, психологический анализ в его

прозе достоверен и объемен. В пределах собственных художественных законов, задач и решений писатель показывает человека со всей силой физической ощутимости его бытия, с той убедительностью его полуфантастической реальности», с какой сам видит и ощущает его в жизни.

Именно эта сила и убедительность – вкупе с неизменным «нравственным законом», верой в добро – делают Грина художником «на все времена».

В. Ковский

То, что вы называете «необыкновенным», – говорил Грин, – часто представляет собою не что иное, как самую подлинную действительность. И наоборот, действительность то и дело оборачивается настоящей фантастикой. Что может быть «таинственнее», то есть непонятнее, того, что ежеминутно происходит перед нашими глазами. Миллиард загадок! И как только мы решим какую-нибудь из них, это сейчас же выталкивает сотню новых загадочных явлений. Людская масса, ради своего спокойствия, старается об этом не думать и только «чудаки» и поэты, для которых закон не писан, иногда открывают нам глаза на то, что скрывается внутри явлений.

В награду за это им достаются оплеухи.

Однажды я услышал от Грина такое замечание:

– Пушкин прекрасно знал, что он гениален. Но у него было достаточно ума и осторожности, чтобы никому об этом не говорить. Люди еще не доросли до того, чтобы спокойно принимать такого рода заявления, – они слишком ограниченны и завистливы.

Если Грина спрашивали о наилучшем, по его мнению, способе литературного изложения, он неизменно отвечал:

– Ставьте своих героев в самые трудные и замысловатые положения, а потом заставляйте их выкарабкиваться. Только тогда они начнут у вас жить, действовать и говорить – интересно, поучительно, с открытой душой. Ведь лучше всего узнаешь человека, когда он в некотором смятении. Например, когда он участвует в драке, объясняется в любви, играет в карты или получает деньги.

На простодушный вопрос одного начинающего беллетриста: «Как научиться хорошо писать?» – Грин

ответил далеко не просто:

– Тренируйте воображение. Лелейте мечты.

Из так называемых нравственных качеств, которые я имел возможность отметить у Грина, меня больше всего привлекали: доброта, врожденная и естественная деликатность и то, что мы понимаем под словом порядочность – душевная чистота.

Несмотря на свою нервную и вспыльчивую натуру, он никогда не был зачинщиком стычек и даже в сильно возбужденном состоянии часто отходил в сторону. И это вовсе не было признаком трусости, – в трусливой осторожности никто его упрекнуть не мог.

Грина нельзя было назвать бессребреником. Но он ценил деньги главным образом за то, что они давали ему возможность доставлять людям какую-нибудь радость.

Грин говорил:

– Бесценная радость существования заключена для нас в природе, потому что мы сами – неотделимые ее частички.

Потом стал говорить о городе, о цивилизации.

– Она воспитывает нас на жадности и насилии. Трудно сказать, когда мы наконец сумеем победить это зло. Кроме того, в моей голове никак не укладывается мысль, что насилие можно уничтожить насилием. «От палки родится палка!» – говорил мне один дагестанец.

Если сейчас меня спросят, чем же силен этот писатель, почему его любит народ, я не найду другого ответа, – он был поистине добрый человек!

Н. Вержбицкий

Грин не уклонялся от жизни. Он ее щупал, он ее видел. Он, как льдины, прошел через великие реки и плыл по морю, оторвавшись от берега, пустого и обыденного, но им не забытого.

Странность поведения Грина давала почву для самых необычайных легенд. Грин опровергал их.

– Ну что вы, какие эти анекдоты, так, – говорил он. – Раз я пришел в одно издательство, где мне давно должны были заплатить. Зашел выяснить в бухгалтерию и случайно, уронил спичку на их бесчисленные бумаги. Потом стали рассказывать, что я поджег бухгалтерию. Правда деньги мне выплатили.

Этот скуластый, с устало-вежливым лицом человек, любящий литературу, ни на кого не похожий, ни к кому

не пристающий, ничего не просящий, мечтал о человеке, который может сделать сверхневозможное. Его мечты – это мозговое усилие, подвиг, который превращает фантазию в действительность.

В Доме искусств родилось самое прекрасное гриновское произведение – «Алые паруса». Мы были первыми слушателями. Он назвал его феерией, но его в полной мере можно было назвать сказкой. «Алые паруса» были написаны на огромных листах, вырванных из бухгалтерских книг. Мы передали рукопись А.М. Горькому. Он восторженно встретил «Алые паруса». Особенно он любил читать и перечитывать то место, где Ассоль встречает корабль с алыми парусами.

Это произведение принесло писателю славу. Грин стал художником молодежи. Он стал символом мечты о невозможном. Но таком невозможном, которое надо записать на сегодняшний день как невозможное и как реальное – на завтра.

Грин тщательно работал над своими произведениями, ища наиболее выразительные слова для выпуклого, рельефного изображения своих фантастических героев. Писатель, который понимает, как может жить человек в разных обстоятельствах, знает путь человека в будущее, – большой писатель. Грин видел белые города на берегах Черного моря так, как их никто не видел. Он видел желтоватые берега крымских обрывов так, как их не видели другие.

Александр Грин всегда много работал, много писал. Он хотел дописаться до чуда. И оно свершилось – это «Алые паруса». Сама необходимость труда, сам труд прекрасен. И парус, который белеет, имеет право на красоту. Необходимость может быть красивой. Когда человек поднял паруса, шелк их стал радостью признания воли ветра, радостью признания красоты рабочего часа. Веревки, которые проходят через руки матросов, грубят кожу, она может покраснеть, лицо может покраснеть, обожженное морским солнцем, но и труд алого цвета, труд прекрасен, как парус.

Издревле люди, пускаясь в дальнее плавание, украшали корабли. Грин придумал и дал жизнь новому символу – алые паруса, он украсил сам ветер, ветер мечты о невозможном.

Грин переспорил жизнь, утверждая, что она прекрасна. Таким он остался в памяти.

В. Шкловский

Гринландия, бесспорно, страна не только героев, но и негодяев, страна как ослепительного великолепия, буйного цветения человеческих сил, так и беспросветной мировоззренческой и другой нищеты. В ней постоянно сталкиваются антимир веры, бескорыстия, подвижничества, с одной стороны, нечистых помыслов, речей и действий – с другой.

При всех своих поражениях и отступлениях зло в Гринландии живуче, многообразно и «многожанрово», поэтому гринландия – едва ли одна из тех утопий, которыми так богато человечество, начиная с Эдема или греческих счастливых островов. Утопия, врачующая раны истории, сознательно, даже демонстративно закрывает глаза на ее черные и кровавые цвета, тогда как мир Александра Грина, несмотря на свою мечтательность, – это причудливый, но точный сколок с современного ему мира.

Река жизни, которая некогда хлынула в литературу нового времени по большой дороге с ее перекрестками и харчевнями, у Грина вливается в море, в котором красота мира слилась с его непредсказуемостью, распахнутостью навстречу новым возможностям. Гриновская маринистика – это наивный, но прекрасный апофеоз человеческой свободы, сладкой и страшной власти «Несбывшегося», мира, о котором последнее слово еще не сказано.

В. Скуратовский

Его продолжали доставать и после смерти. В 1946 году самого любимого им человека, жену, облыжно обвинили в сотрудничестве с немцами и укатали на десять лет в лагере. Самого его провозгласили едва ли не космополитом № 1, а книги в который раз предали анафеме.

Есть нечто иррациональное в творчестве Александра Грина, какая-то высшая правота, которая возносит над неприглядностью сегодняшних дней, делает выше, лучше. А это сейчас необходимо, как глоток свежего воздуха, как настежь растворенное окно!

М. Кабаков

В борьбе за чистоту имени Грина, за сохранение о нем доброй памяти Нина Николаевна была несгибаема. В 1945 году ее несправедливо осудили на десять лет. После заключения, которое она отсидела от звонка до звонка, Нина Николаевна вернулась в Старый Крым и начала борьбу с местными властями за свой домик, его восстановление и организацию в нем музея А. Грина.

В марте 1960 года Нина Николаевна получила ключ и орден на домик. В конце мая она открыла в домике мемориальную комнату А.С. Грина.

Н. Кобзев

Чем же близок нам сегодня Грин?

Что созвучно нашему бурному и стремительному времени обнаружилось в его книгах? Почему мы вновь и вновь раскрываем томики со знакомым именем на обложке и погружаемся в феерический мир гриновских фантазий, как будто содержатся в них ответы на жгучие вопросы современности?

Здесь не может быть однозначного ответа. К Грину приходят по-разному. Одни открывают его для себя в ранней юности. Другие, напротив, постигают мудрость гриновской прозы лишь в зрелые годы. А бывает так, что верность Грину сохраняется на всю жизнь.

Утонченный психологизм и высокая интеллектуальность, тончайший лиризм и мягкий юмор, пронзительная грусть и предельный накал страстей – все это присутствует на страницах гриновских книг, удовлетворяя самые разнообразные и взыскательные вкусы.

Л.М. Варламова

Родом из Вятки. Музей А.С. Грина в Кирове

Александр Степанович Грин – выдающийся русский писатель, открывший в искусстве XX века неповторимый художественный мир. Родина А.С. Грина – вятская земля. Здесь прошли его детские и юношеские годы. Город Вятка, расположенный на высоком крутом берегу, был очень красив, если смотреть на него с другого берега. Перед взором путешественника открывалась панорама с многочисленными куполами церквей и монастырей. Но вблизи Вятка была малопривлекательной, преобладали деревянные постройки. Широкие, красивые прямые улицы во время распутицы представляли собой грязное месиво.

Среди городского населения преобладали купцы и мещане. В конце XIX века были здесь две гимназии, несколько училищ, типография, книжные лавки, клуб, библиотеки, театр, музей местного края. Немалую лепту в развитие культуры края вносили ссыльные, которых проживало в Вятке ежегодно 250–300 человек. В Вятке после амнистии обосновался и ссыльный поляк Стефан Евзебиевич Гриневский, отец писателя.

Полна противоречий жизнь А.С. Грина в Вятке. Об этом говорят документальные материалы. Это звучит в его литературном и жизненном завещании – «Автобиографической повести». На берегах Вятки прошли романтические годы Грина. Но здесь он получил и первые удары «за сочинительство».

В Вятке Александр начал мечтать о море. Этому способствовали книги, которые Грин брал в публичной библиотеке с 11 лет, и городской театр, где он подрабатывал перепиской ролей для труппы. Атмосфера театра пробуждала у Александра интерес к далеким странам, иной жизни.

Александр Грин рвался «искать счастья на стороне – подальше от унылой чопорной Вятки, с ее догматом: быть как все». Но, побродяжничав, наголодавшись, так и не найдя работу по душе, он возвращался обратно, чтобы перед новой дальней дорогой набраться сил из живительного родника – отчего дома.

Примечателен мотив возвращения: «Меня потянуло домой». Так не скажешь о тои, что ненавидишь. И потому нельзя согласиться с нередким утверждением, что в Вятке Саша Гриневский не знал ничего хорошего. В вятском периоде жизни А. Грина была и поэзия, иначе трудно понять, откуда в его душе взялось столько доброго и светлого.

Став писателем, А.С. Грин приезжал в Вятку в 1913 и 1916 годах. Навестил отца, лежавшего в больнице (Степан Евсеевич умер в 1914 году, похоронен на Богословском кладбище),

встретился с друзьями, приятелями, побывал в окрестностях Вятки и в городе Слободском. В советское время А.С. Грин в Вятку не приезжал. Но в письме к сестре Антонине в январе 1923 года заметил: «Интересно мне узнать побольше о «вячком».

Вятская тема нашла отклик и в творчестве писателя. В рассказах «Каюков», «Третий этаж», «Телеграфист из Медянского бора», «Ерошка», «Транька и его сын», «Далекий путь» звучат мотивы родной Вятки. И если в рассказе «Далекий путь» Грин устами главного героя Диаса называет город, очень похожий на Вятку, страшным и унылым, то в рассказе «Телеграфист из Медянского бора» он любовно, поэтично описывает природу окрестностей Вятки – станции Медяны.

В последний приезд Грин говорил сестрам, что ему часто очень хочется в Вятку. Не случайно в рассказе «Зурбаганский стрелок» он писал: «Я хотел окончить жизнь там, откуда начал ее, и в этом возвращении к первоисточнику прошлого, после многолетних попыток создать радость жизни, была острая печаль неверующего, которому перед смертью подносят к губам памятный в детстве крест».

Истоки многих особенностей жизни и творчества А.С. Грина берут начало в Вятке, и когда присмотришься к ним внимательнее, гриновские странности становятся закономерными реальностями.

Кировчане любят А.С. Грина, чтят его память. Именем писателя названа набережная и областная детская библиотека, в городе Слободском – бывшая Кузнечная улица и городская библиотека.

23 августа 1980 года в Кирове был открыт музей, посвященный писателю. Этому событию предшествовала большая самоотверженная работа краеведов, музейных сотрудников, ведь в городе не осталось ни родственников А.С. Грина, ни знакомых, не сохранились вещи, принадлежавшие семье Гриневских. Неоценимый вклад в сбор материалов в создание экспозиции внесли кировские писатели-краеведы Е.Д. Петряев и А.В. Рева, директор краеведческого музея Н.В. Веселов.

Музей расположен в здании, выстроенном на месте деревянного дома, в котором в пору своего детства жил писатель.

В августе 2000 года на набережной Грина поставили памятник – бюст знаменитого земляка.

Писатель В.Г. Лидин заметил: «Грин не думал о славе, но она к нему заслуженно пришла».

М.А. Махнева, заведующая Музеем А.С. Грина в Кирове

Грин в Крыму. Музей А.С. Грина в Феодосии

Необычное творчество Александра Грина невольно заставляет предполагать, что жизнь его была насыщена множеством впечатлений от путешествий по разнообразным гаваням мира. И хотя в действительности странствий было не так уж много, но те места, где довелось Грину побывать: Крым, Кавказ, Архангельск, берега Днепра, Финляндия, безусловно, отразились в гриновских книгах. И может быть, финский читатель с удивлением обнаружит вдруг в описаниях городов со странными экзотическими названиями Лисс, Ахуан-Екап, Покет приметы давно знакомых мест, и это неудивительно. Ведь Грин побывал в Финляндии в 1916 году.

Александр Степанович Грин (настоящая фамилия Гриневский) родился 11 (23) августа 1880 года в уездном городке Слободском Вятской губернии. Отец его Стефан Евзебиевич Гриневский – поляк по национальности – за участие в польском восстании был сослан в Сибирь на вечное поселение, а затем переехал в Вятскую губернию. Детство и отрочество Саши прошло в Вятке. Он рано увлекся чтением. В «Автобиографической повести» А.С. Грин вспоминает: «Потому ли, что первая мной еще пятилетним мальчиком книга была «Путешествие Гулливера в страну лилипутов», или стремление в далекие страны было врожденным, но только я начал мечтать о жизни приключений с восьми лет».

Первое слово, которое прочитал юный Грин, было слово «море». Оно пленило его настолько, что увидев на пристани реки Вятка двух юношей, одетых в морскую форму, он дает себе слово обязательно стать моряком.

Десять лет было Александру Грину, когда он отправился в Одессу, в первое свое путешествие. «Был я смятен и ликовал, – вспоминал он, – грезилось мне море, покрытое парусами». Саша настолько уверен, что станет моряком, что в то путешествие берет даже краски, которыми надеется где-то недели через две рисовать на берегах Ганга в Индии.

Ценой огромных усилий Грину удалось осуществить плавание вдоль Крыма и Кавказа, а затем последовало долгожданное загранплавание. Непокорный нрав мешал ему. После каждого рейса его списывали на берег. Но и увиденного было достаточно, чтобы появились произведения «Остров Рено», «Капитан Дюк», которые не вызывали сомнения, что автор, если

не истинный морской волк, то, по крайней мере, многоопытный моряк. Недостаток впечатлений Грин восполнял фантазией – выдумывал острова, которых ему не дано было открывать, но они существовали в его богатом воображении.

Моряк из него не вышел, так же как не получился ни золотоискатель, ни гасильщик пожаров на нефтяных вышках Баку, ни лесоруб на Урале, ни переписчик ролей и актер «на выходах». Судьба всю жизнь была к нему неблагосклонна. Константин Паустовский писал: «Грин прожил тяжелую жизнь. Было непонятно, как этот замкнутый человек пронес через мучительное существование редкий дар воображения, высокие чувства и застенчивую улыбку».

Последние восемь лет писатель прожил в Крыму.

Весной 1923 года А. Грин, закончив работу над «блистающим миром», едет на отдых в Крым и на Кавказ. Впечатления о поездке затем выливаются в рассказе «На облачном берегу», зреет желание переехать в Крым на постоянное место жительства в Феодосию – в город нежных акварельных красок, живописный и своеобразный. Поселившись в 1924 году в Феодосии А.С. Грин осуществил свою давнюю мечту о море. А.С. Грин любил этот город, он часто бродил по его окрестностям, среди старинных развалин, по узким улочкам Карантина. Ежедневно бывая у моря, он любил ходить туда по утрам, подолгу стоять на берегу, всматриваясь в величественно раскинувшуюся перед ним безбрежную даль.

Переезд в Крым точно вернул А.С. Грина в страну, которую создало его воображение. На карте Гринландии – страны Романтики и Мечты тогда уже появились сказочные города: Сан-Риоль, Лисс, Зурбаган, Покет, Гель-Гью и другие. В их внешнем облике и экзотических пейзажах легко угадывались черты и «некоторые оттенки» городов Крыма и Кавказа, Ялты, Феодосии, которые писатель посетил в 1896 и 1905 годах. Писатель навсегда полюбил причудливые очертания окрестных гор, лазурное море у побережья. «Ему хотелось жить в тишине, ближе к любимому морю, – писал К. Паустовский, – в этом поступке Грина отразился верный инстинкт писателя – приморская жизнь была той реальной питательной средой, которая давала ему возможность выдумывать свои рассказы».

Первым произведением, которое создает писатель в Феодосии, была новелла «Посидели на берегу», за ней – новелла «Возвращение». Одно за другим рождаются в Феодосии произведения А.С. Грина – романы «Золотая цепь», «Джесси и Моргиана», «Дорога никуда» и более сорока новелл – «Фанданго», «Слабость Даниэля Хортона», «Легенда о Фергюссоне», «Элда и

Анготэя», «Акварель» и другие.

Двадцатые годы были счастливыми для А. Грина. Он много и вдохновенно пишет, его интенсивно издают. В издательстве «Мысль» выпускают в свет его книги «Шесть спичек», «Золотая цепь», «Окно в лесу», «Веселый попутчик», «Черный алмаз», «Корабли в Лиссе», «Приключения Гинча». Отдельными книгами издаются «Бегущая по волнам», «Дорога никуда». Здесь в Феодосии Грин задумал написать роман «Недотрога», который по мнению писателя, обещал быть самым замечательным его произведением. В основу замысла легла когда-то услышанная им легенда о чудо-цветах «не тронь меня», которые выращивала девушка Харита, дочь оружейного мастера Ферроля. Вблизи доброго человека они расцветают, а при проявлении людей злых и жестоких их лепестки закрываются и увядают. «Есть и такие люди – «недотроги», – говорил А. Грин, – с обостренной душевной чувствительностью и любовью ко всему истинно красивому, чистому и справедливому».

Работу над «Недотрогой» он продолжал уже в Старом Крыму, куда переехал по совету врача в 1930 году. Этот маленький городок неподалеку от Феодосии славится своим благотворным климатом, врачи надеялись, что переезд поможет улучшить здоровье писателя, но надежды не оправдались.

Последним произведением, которое Грин увидел напечатанным, была его «Автобиографическая повесть». А.С. Грин умер от рака легких 8 июля 1932 года, так и не успев завершить свое «любимое» и «капризное детище» роман «Недотрога». Похоронен он на Старокрымском кладбище. У могилы растет раскидистое дерево, рядом с надгробием на белой мраморной колонне бронзовая статуя Фрези Грант. Сюда по доброй традиции ежегодно в День памяти А. Грина приходят многочисленные почитатели писателя-романтика: сотрудники феодосийского музея, члены феодосийского клуба старшеклассников «Алые паруса», студенты, школьники. Они возлагают цветы, читают стихи, здесь и у дома писателя звучит мелодия скрипки и гитары.

«Знаю, что мое настоящее будет звучать в сердцах людей», – писал Грин. И его предвидение сбылось.

Дом, где провел А. Грин последние дни своей жизни, стал музеем.

Музей А.С. Грина был открыт в июле 1970 года. Сотрудниками Музея Геннадием Ивановичем Золотухиным (ныне директор Болинского музея-заповедника) А.С. Пушкина) и Неллей Федоровной Браницкой был разработан тематико-экспозиционный план будущей экспозиции, составлен план

собирательской работы. Автором первого проекта художественного оформления экспозиции был художник А. Мощенко, вместе с которым, по словам Г.И. Золотухина, были найдены «некоторые принципы построения экспозиции (имитация под старину рамки и т. д.)» Однако в целом проект не был принят. Тогда решено было обратиться к московскому художнику-архитектору, автору 48 иллюстраций к шеститомном у собранию сочинений А. Грина Савве Григорьевичу Бродскому. Влюбленный в творчество писателя С.Г. Бродский взялся за работу над проектом с большим энтузиазмом, работал быстро и увлеченно. Предложенный им проект был принят единодушно и осуществлен в рекордно короткий срок – 4 месяца. Оформление музея по проекту С.Г. Бродского было произведено в 1969 году, а 9 июля 1970 года состоялось открытие музея А.С. Грина как отдела краеведческого музея. 16 июня 1978 года музей получил самостоятельность и стал именоваться «Феодосийский литературный мемориальный музей А.С. Грина». В 1981 году на фасаде здания музей установлено рельефно-живописное панно «Бригантина».

Идея создания музея в образе старинного парусника, на котором посетитель совершает путешествие по Гринландии, попадает в «Каюту странствий», «Клиперную», «Ростральную», «Каюту капитана Геза», «Корабельную библиотеку», оказалась авторской удачей Саввы Григорьевича Бродского.

Музейная экспозиция постоянно растет. Сегодня она насчитывает более 17 тысяч. Большую работу, направленную на пополнение музейного собрания произведений искусства, ведут сотрудники музея. За тридцать лет существования в музее побывало более пяти миллионов посетителей.

8 июля 1971 года был открыт для посещений Дом-музей А. Грина в Старом Крыму. Когда открывали музей, думали, что он будет камерным, рассчитанным на одиночного посетителя. Но очень скоро стало ясно, что это ошибка. В музей потянулись сотни тысяч почитателей таланта писателя.

Л.В. Корякина, директор Музея А.С. Грина в Феодосии, заслуженный работник культуры Республики Крым

Библиография

1. Грин А. Автобиографическая повесть. Л, 1932.

2. Грин А. Белый шар. (Воспоминания «О человеке и писателе»). М, 1966.

3. Грин А. Джесси и Моргиана. (В. Стадлер о А. Грине). Л, 1966.

4. Грин А. Золотая цепь. (К. Паустовский и М. Слонимский о А. Грине). М, 1939.

5. Грин А. Золото и шахтеры. Из воспоминаний. «Урал», 1965, № 7.

6. Грин А. Избранное. Симферополь, 1962.

7. Грин А. Собрание сочинений в 6 томах. М, 1965.

8. Грин А. Собрание сочинений в 6 томах. М, 1980.

9. Грин А. Фантастические новеллы. М, 1934.

10. Грин Н. Воспоминания об Александре Грине. Симферополь, 2000.

11. Александр Степанович Грин. 1880–1980. М, 1980.

12. Амлинский В. В тени парусов. «Новый мир», 1980, № 10.

13. Арнольди Э. Беллетрист Грин. «Звезда», 1963, № 12.

14. Белозерская-Булгакова Е.С. Воспоминания. М, 1990.

15. Варламова Л.В. Дом-музей А.С. Грина. Симферополь, 1984.

16. Вахтин Б. А. Грин в Старом Крыму. «Нева», 1960, № 8.

17. Вержбицкий Н. Светлая душа А. Грина. «Наш современник», 1964, № 8.

18. Владиславлев И.В. Литература великого десятилетия (1917–1927). М, 1928.

19. Владиславлев И.В. Русские писатели. М, 1924.

20. Воронова О. Поэзия мечты и нравственных поисков А. Грина. «Нева», 1960, N 8. 21. Воспоминания об Александре Грине. Составитель В. Сандлер. Л, 1972.

22. Гин И. Путь Александра Грина. «Север», 1977, № 12.

23. Дунаевская И.К. Этико-эстетическая концепция человека и природы в творчестве А. Грина. Рига, 1988.

24. Зелинский К. В изменяющемся мире. М, 1969.

25. Зеркалов А. Мефистофель, Воланд. «Наука и религия», 1987, № 8.

26. Иваницкая Е.Н. Мир и человек в творчестве А. Грина. Р/Д, 1993.

27. Изергина Н. Грин и Горький. Кировский педагогический институт. Ученые записки. Вып. 20. Киров, 1965.

28. История русской советской литературы в 4 томах. М,

1967.

29. Кабаков М.В. Необходимый Грин. Газета «Литература». М, 1995. № 42.

30. Киркин Ю.В. Александр Грин. Библиографический указатель произведений. М, 1980.

31. Киркин Ю.В. А.С. Грин в печати и литература о нем (1906–1970). Л, 1972.

32. Киркин Ю.В. Произведения А. Грина под запретом цензуры. «Советские архивы», 1972, № 3.

33. К истории реализма и романтизма в русской и зарубежной литературе. Саратов, 1969.

34. Кобзев Н.А. Роман Александра Грина. Кишинев, 1983.

35. Ковский В.Е. Александр Грин. Преображение действительности. Фрунзе, 1966.

36. Ковский В.Е. Возвращение к А. Грину. «Вопросы литературы», 1981, № 10.

37. Ковский В.Е. Встреча с А. Грином. «Новый мир», 1966, № 6.

38. Ковский В.Е. Романтический мир Александра Грина. М, 1969.

39. Ковский В.Е. Реалисты и романтики. М, 1990.

40. Колтоновская Е.А. Критические этюды. СПБ, 1912.

41. Мандельштам Р. Художественная литература в русской марксистской критике. М, 1929.

42. Михайлова Л. Александр Грин. Жизнь, личность, творчество. М, 1980.

43. Мыльцына И.В., Толстая А.В. А.С. Грин в архангельской ссылке. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки». 1967, № 3.

44. Новое об Александре Грине. «Дон», 1965, № 7.

45. Первова Ю.А. Дверь закрыта, лампа зажжена. «Радуга», 1990, № 8.

46. Первова Ю.А. Мог ли А. Грин стать террористом. «Наука и жизнь», 1992, № 1.

47. Первова Ю.А. Страницы из жизни А. Грина. «Новый журнал», Нью-Йорк, 1992, № 182.

48. Писатели. Составитель В. Лидин. М, 1926. Писатели современной эпохи. М, 1928.

49. Петровский М.С. А. Грин. Журнал «Литература», 1997, № 24.

50. Прохоров Е.И. Александр Грин. М, 1970.

51. Ревякина А.А. Некоторые проблемы романтизма XX века. М, 1970.

52. Ревякина А.А. Об А. Грине. Московский педагогический

институт. Ученые записки, т. 485. М, 1972.

53. Романтический мир Александра Грина. М, 1980.

54. Роскин А. Судьба писателя-фабулиста. «Художественная литература», 1935, № 4.

55. Россельс В.М. Сколько весит слово (А. Грин). М, 1984.

56. Русские советские писатели. Библиографический указатель. М, 1977.

57. «Русское богатство», 1910, март (В. Кранихфельд о А. Грине).

58. Сандлер В. Архангельская одиссея А. Грина. «Север», 1969, № 8.

59. Сандлер В. Грин, которого вы не знаете. «Волга», 1967, № 8, 9.

60. Сандлер В. Слежка за А. Грином. «Молодая гвардия», 1965, № 10.

61. Слонимский М. Об авторе «Алых парусов». «Звезда», 1960, № 9.

62. Соколов-Микитов И. Давние встречи. Человек из Зурбагана. Л, 1976.

63. Скуратовский В.Л. А. Грин. «Литературная газета», 1980, 20 августа.

64. Тарасенко Н.Ф. Дом Грина. Симферополь, 1976.

65. Толкачев С. Родина отца А. Грина. «Неман», 1984, № 4.

66. Харчев В.В. Поэзия и проза Александра Грина. Горький, 1975.

67. Харчев В.В. Мечтатель в стране золота. «Урал», 1971, № 7.

68. Хроника жизни Александра Грина и семьи Гриневских (1843–1917). Составитель М. Махнева. Киров, 1995.

69. Хрулев В.И. Романтизм Александра Грина. Уфа, 1994.

70. Шевченко В. А. Грин в советской критике. Вопросы русской и зарубежной литературы». Ростов/Дон, 1967.

71. Шкловский В. Три встречи с А. Грином. «Октябрь», 1980, № 8.

72. Щеглов М. Литературно-критические статьи (Корабли А. Грина). М, 1965.